

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

4

ИЮЛЬ–АВГУСТ

"НАУКА"

МОСКВА – 2013

СОДЕРЖАНИЕ

А.А. Зализняк, В.Л. Янин (Москва). Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг.....	3
С.Ю. Бородай (Москва). Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации	17
О.Е. Пекелис (Москва). «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей	55
Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда (Тромсё). Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии (отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян)	87
Е.В. Горбова (Санкт-Петербург). Испанский перфект: еще перфект или уже перфектив / претерит?	97
Д.А. Романов (Тула). О судьбе производных французского корня <i>flanc-</i> в русском языке	126

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

В.М. Аллатов (Москва). <i>Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole (URSS, années 1920–1930) / Textes édités et présentés par I. Ivanova, traductions d'I. Ivanova et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2012; I. Tylkowski. Vološinov en contexte. Essai d'épistémologie historique. Limoges: Lambert-Lucas, 2012</i>	137
Т.М. Николаева (Москва). <i>М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты.</i> М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012	144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Б.Л. Иомдин (Москва). Международная конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов»	149
А.В. Циммерлинг (Москва). II Международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров»	151
З.М. Шаляпина (Москва). X Международная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки»	155

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В.М. Аллатов, Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, А.В. Бондарко, Н.Б. Вахтин, В.А. Виноградов (зам. главного редактора), М.Д. Воеикова, Т.В. Гамкрелидзе, В.З. Демьянков, В.А. Дыбо, А.Ф. Журавлев, Вяч.Вс. Иванов, Н.Н. Казанский, М.М. Маковский, А.М. Молдован, Т.М. Николаева (главный редактор), В.А. Плунгян (отв. секретарь), В.И. Подлесская, Е.В. Рахилина

Зав. отделами: *А.С. Кулева, М.М. Маковский, З.Ю. Петрова, М.В. Шкапа*

Зав. редакцией *Н.В. Ганнус*

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Редакция журнала «Вопросы языкознания»

Тел. (495) 637-25-16

Интернет-сайт журнала находится по адресу:

www.ruslang.ru, см. раздел «Издания»

© А. А. ЗАЛИЗНЯК, В. Л. ЯНИН

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ ИЗ НОВГОРОДСКИХ РАСКОПОК 2011 и 2012 гг.*

Статья представляет собой предварительную публикацию берестяных грамот, найденных в Великом Новгороде в археологических сезонах 2011 и 2012 гг.

Ключевые слова: берестяные грамоты, Новгород.

The article is a preliminary publication of the birchbark letters found in Novgorod during the archeological seasons of 2011 and 2012.

Keywords: birchbark letters, Novgorod.

В 2011 и 2012 гг. в Великом Новгороде на Троицком раскопе продолжались работы на 13-м участке (руководитель работ В.К. Сингх). На этом участке пройдены напластования первой половины XII – конца XIII в. и найдено 35 грамот: № 1016–1018 в 2011 г. и № 1019–1050 в 2012 г. Все эти грамоты, кроме одной (№ 1020), залегали на усадьбе Ж.

Среди них имеются и выдающиеся находки – относительно большие, полностью сохранившиеся документы чрезвычайно интересного содержания, проливающие свет на ряд типовых ситуаций в повседневной жизни древней Руси и дающие новый ценный материал для истории русского языка.

Часть найденных в этих двух сезонах в Новгороде берестяных грамот представляет собой лишь мелкие фрагменты и в настоящую предварительную публикацию не включена.

Принципы записи текста и комментирования – такие же, как в предшествующих публикациях данной серии. Указанные при грамотах стратиграфические датировки носят предварительный характер.

Выбранные для настоящей публикации грамоты приводятся не в порядке номеров, а по темам.

Грамоты Якима

Половину находок 2011–2012 годов (18 документов) составляют грамоты, писанные рукой того же Якима, которому принадлежат 15 грамот, найденных на соседнем участке усадьбы Ж в 2010 г., и еще 5 грамот, найденных на той же усадьбе Ж в прежние годы, см. [Зализняк и др. 2011].

Все грамоты Якима, найденные в 2012 г., залегали в слоях 60-х – середины 90-х гг. XII в.

Почти все эти грамоты представляют собой хозяйствственные документы. Приводим их (кроме незначительных обрывков).

№ 1021. Практически целый документ из трех строк; недостает, по-видимому, всего одного слова, которое составляло начало утраченной четвертой строки. Собран из четырех найденных по отдельности фрагментов.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-04-00236 «Лингвистическое исследование и подготовка публикации берестяных грамот из новгородских раскопок 2009–2011 гг.».

+ а заплачено на бель плю пата десать и две ногати моа
а Борись заплатиль сороко гривно и :д: гривнь и плю шъ-
сть куонь :: а бель вохой :г: тысячу и плю трьтия сорочка бъ-
...

Перевод: ‘А заплачено за беличьи шкурки моих сорок пять (подразумевается: гривен) и две ногаты. А Борис заплатил сорок четыре гривны и пять с половиной кун. А всего беличьих шкурок три тысячи и два с половиной сорочка без ... [такого-то числа]’ (числительное утрачено).

Это документ чрезвычайной финансовой важности: речь идет об одной из самых больших денежных сумм, упоминаемых в берестяных грамотах. За 3100 (без нескольких единиц) беличьих шкурок заплачено 89 гривен + 2 ногаты (= 2,5 куны) + 5,5 куны = 2233 куны (по счету 1 гривна = 25 кун). Цена одной шкурки составляла, тем самым, около 0,72 куны.

Платили двое (причем в почти равных долях): автор и Борис — явно богатые домохозяева. Но автор здесь, как можно понять из всей совокупности грамот, так или иначе связанных с Якимом, почти наверное не тождествен записавшему этот документ Якиму.

А.А. Гиппиус высказал предположение, что речь идет о двух братьях (из которых Борис — младший), а Яким был управляющим в хозяйстве старшего брата.

Очевидно, Яким записывал этот документ под диктовку хозяина. Отметим, что аналогичную структуру, вероятно, имела и другая запись Якима (к сожалению, сильно фрагментированная) — грамота № 983, где встречаются слова хльбъ мои и еще раз слово моего при перечислении припасов. Обе эти записи были документами хозяйственного учета.

№ 1023. Целый документ из пяти строк на лицевой стороне листа и двух на обороте. Собран из шести найденных по отдельности фрагментов, сложившихся вместе так, что не утрачено ни единой буквы.

+ уо стоять осталъмо съмъно поло одинои на десать дъжъ овъса :: а бобуо :з: мъро ::
:: а горохуо плю пть мърь :: а жита :ф: мъро :: а ланаго съмъни :з: мърь :: а уо наслава
уо поповича два бърковъска соли а по десати кно ажъ боль возмъ а бъма али
мънъ возмъ а бъма :: уо нъжать уо худочевича :д: дъжъ овъса на водмолъ :: и рожи
стога :ё: дъжъ овса уо на-

Оборот:

СЛАВА БЪ-

з ВУО МЪРУО

Последнюю строку лицевой стороны Яким пытался втиснуть в узкий нижний край листа. В середине строки места стало совсем мало, и он перешел на правый нижний угол, повторив для ясности слово стога, на котором он остановился.

В последней строке оборота буква В несколько увеличенного размера; это один из возможных способов (весыма редкий) показать, что буква используется в цифровом значении; ср. такой же способ представления цифры ‘2’ в грамоте (того же времени) № 730.

Перевод: ‘У Стояты оставлено семян: 10 с половиной дежей овса, 7 мер бобов, четыре с половиной меры гороха, 500 мер ячменя, 7 мер льняного семени. А у поповича Наслава два берковца соли по 10 кун. Если он возьмет больше, то это [в равной мере касается] обоих, если возьмет меньше, то [тоже] обоих. У Нежаты Худочевича 4 дежи овса за водмол и полстога ржи не обмолочено. 5 дежей овса без 2 мер у Наслава’.

Оба — это явно те же два домохозяина (вероятно, братья), которые фигурируют в грамоте № 1021.

Соль, которую должен продать попович Наслав, вероятно, принадлежит домохозяевам. Как возможную прибыль, так и возможный убыток от этой продажи им предстоит поделить между собой поровну.

В семье Нежаты Худочевича, очевидно, изготавливали водмол (грубое сукно), и он поставлял его домохозяевам, которые расплачивались с ним за это зерном.

В грамоте отразились такие характерные элементы диалектной фонетики, как переход [в'л'] > [л'] (*осталъно*; см. [ДНД₂, § 2.39]) и утрата начального *о* в форме *об(ѣ)ма* после проклитики *а* (*а бъма* [2 раза]; см. [ДНД₂, § 2.32]).

Черты диалектной морфологии: регулярное *(-ѣ)* в Р. ед. жен. (*уо Стоють, уо Нъжать, мърь, п(а)ть*), отсутствие *-ть* в *возме*. Отметим сохранение древнейших форм в *лианаго, бъз 2 уо мъруо* (Р. дв.) и, напротив, новое окончание *-у* в Р. ед. *бобуо, горохуо*.

Для выразительной формулы (записываем ее в нормализованном виде) *аже боле возьме, а обѣма, али мъне возьме, а обѣма* ср. близкую конструкцию в летописи: *и нынъ, брате, не тужисвъ; аще будетъ на^м причастье въ Русскыи земли, то обѣма, аще лишена будевъ, то оба* (Лавр., л. 67 об. [1078]).

Слово *водмолъ* (род грубого сукна), заимствованное из древнешведского¹, встретилось в целых трех грамотах Якима: № 927, 1023 и 1041. Это самые ранние упоминания водмола в древнерусских документах.

Имя *Стоюта*, ранее не встречавшееся, – гипокористическое производное от двучленного имени *Стоинѣгъ* или прямое производное с суффиксом *-ут-а* от корня *стоj-* (ср. *Воюта, Ходута* и т. п.).

Имя *Нѣжата* было весьма распространенным; возможно, именно этим объясняется использование в данной грамоте отчества. Упоминаемый здесь Нежата – видимо, тот же, что в № 1024.

Отчество *Худочевичъ*, как и исходное имя *Худочь*, в памятниках не отмечено. Но в грамоте № 640 (2-я пол. XII в., усадьба И) встретилось очень близкое по структуре имя *Худычъ*; возможно даже, что это варианты одного и того же имени.

Имя *Наславъ* в грамотах известно. Примечательно, что в эту эпоху дохристианское имя *Наславъ* еще мог дать своему сыну и поп (впрочем, сын мог родиться еще до принятия им сана).

№ 1029/980. Практически целый документ из двух строк (недостает только 4 букв, из которых две легко восстанавливаются). Собран из четырех найденных по отдельности фрагментов, одним из которых оказалась грамота № 980, найденная на соседнем участке в 2010 г. (она содержала заключительные 8 букв документа).

+ уо жирослава :ѣ: : уо муожа возаль кадъ : уо лазора кадъ :: уо иванка кдъ уо попа :: уо нъсдъ кдъ :

(уо) --тковъе : кадъ уо настасиѣ :ѣ: кад[у]ъ уо съмыюнье кдъ : уо коскинье :ѣ: кади :: уо нъжи :ѣ: кди

Единица измерения (кадъ) в части случаев обозначена сокращенно: *кдъ, кди*.

Перевод: ‘У Жирослава 6 [и] у мужа [Жирославова] взял кадъ. У Лазоря кадъ. У попа Иванка кадъ. У Несды кадъ. У --тковой жены кадъ. У Настаси [столько-то] кадец. У Семьюновой жены кадъ. У Коскиной жены 2 кади. У Нежи 4 кади’.

Что здесь измерялось кадями, не указано. Чаще всего в подобных перечнях фигурируют ячмень, овес и рожь. Но в записях Якима овес всегда измерен в дежах, а ячмень в дежах или в мерах. Поэтому в данной грамоте вероятнее всего имеется в виду рожь.

¹ Указание о нижненемецком происхождении данного слова [ДНД₂: 597] ошибочно.

Примечательно, что половину участников этих имущественных операций составляют женщины.

Жирослав – вероятно, тот же, что в грамоте (того же времени) № 657 с соседней усадьбы Е, см. о нем [НГБ-IX: 51; ДНД₂: 397]. Не исключено также тождество этого персонажа с Жирочкой из относительно близкой по времени и топографии грамоты № 851 и/или с Жирочком из № 1000.

Лазорь – возможно, тот же, что в грамоте № 952 с соседней усадьбы Т.

Несда – древнее имя, известное из летописи и из грамоты № 105 (с Неревского раскопа).

Что касается жены Семьюна, то следует отметить, что имя Семьюн встретилось уже в трех грамотах сравнительно близкого времени с Троицкого раскопа – № 685, 710 и 735. Хотя для отождествления всех этих персонажей недостаточно оснований, всё же можно быть уверенным, что за этими упоминаниями стоят не четыре разных Семьюна.

Коскиная – жена человека по прозвищу Коска (уменьшительное от слова коса в том или ином его значении); предполагать здесь прозвище Козка нельзя, поскольку оглушение звонких согласных относится к намного более позднему времени.

Нѣжса – не встречавшееся ранее дохристианское имя несколько необычной структуры, которое могло быть мужским или женским.

№ 1024. Два не соприкасающихся фрагмента, содержащие две начальных и две срединных строки документа (с утратами).

+ а жита восьлано ѿ с[т]авинъ жи[то] ...
а трътиял ѿ[ль]кши привъзъна : а :д:а ѿ зуоа привъна
.....
а въса :д: дъжи ѿ нъжать привъзно а ѿ ...
дъж...

В слове *привъзно* ‘привезено’ Яким, чья манера письма отличается нередкими пропусками букв (в основном гласных), пропустил ь между з и н. А в слове *привъна* ‘привезена’ пропущен целый слог зъ.

Грамота представляет собой документ хозяйственного учета.

Перевод: ‘А ячменя посеяно: от Ставины ячмень; [другая дежа – от того-то]; а третья от Олекши привезена; а 4-я от Зуя привезена’. После разрыва: ‘А овса 4 дежи от Нежаты привезено; а от [того-то столько-то] дежей [привезено]’.

Олекша – почти наверное тот же, который написал письмо № 1020, Нежата – тот же, что в № 1023.

Имя Ставина ранее не встречалось. Прозвище Зуи тоже встретилось впервые, но производные от него – Зуико в № 92, Зуикевич в № 51 – уже были известны.

Отметим утрату начального о в форме *овъса* после проклитики а: *a въса* (ср. *a бъма* в № 1023).

№ 1037. Целый документ из двух строк.

а якуона жита пять
дъса мъро и :в: мъркъ

Перевод: ‘А Якунова ячменя пятьдесят мер и 2 малых меры’.

В форме *деса* (в составе числительного *пять деса*) отсутствует конечное тъ; см. об этом явлении [ДНД₂, § 2.42].

Интересно прямое противопоставление слов *мѣра* и *мѣрка*, где уменьшительное *мѣрка* (т. е. ‘малая мера’) выступает как обозначение некоторой вполне определенной единицы измерения. Судя по указанию 2 *мѣркъ*, малая мера не была половиной обычной меры; видимо, она была меньше половины.

№ 1027. Левая часть двух строк документа (вероятно, средних).

(...]) а жита й. д[ъж]...
уо стоять плю джь ... | ...

Документ явно носил такой же характер, что грамоты № 1023 и 1029. Читаются фрагменты: ‘… а ячменя 10 кадей’; ‘у Стоюты пол кади…’.

Представляет интерес упоминание того же Стоюты, что в № 1023.

№ 1033. Двусторочный документ, утративший одно или два слова в середине первой строки. Собран из двух не соприкасающихся фрагментов.

а уо [ло]----- (бър)ковъскъ уо стараго
луобо :ѣ: кно возми а лах ти зи[а]

В отличие от предыдущих документов, это не учетная запись, а распоряжение. Но адресная формула отсутствует – адресату было ясно, от кого исходит и кому адресовано распоряжение.

Перевод: ‘А у [Х-а (имя)] старого берковец (или: 3 [или 4] берковца). Или же 5 кун возьми. А Лях знает’.

Имя Лях представлено также в грамоте № 615, найденной на той же усадьбе Ж в слоях середины – 2-й половины XIII в. При такой хронологической дистанции отождествление этих двух персонажей нереально.

Отметим написание *лоу* вместо *лю* в слове *лоубо*; см. об этом явлении [ДНД₂, § 2.44].

Далее, имеется целая серия коротких (преимущественно односторочных) записок Якима по модели *а съ ‘а вот’ ...* (следует указание товара с ценой или без цены).

К этой серии принадлежат найденные в раскопках прежних лет записи о стоимости монашеского водмола (т. е. небеленого сукна, предназначенного для монахов или изготавливаемого монахами, – № 927), клобука (№ 982), древяного масла (№ 995), овчинки (№ 996), сена и масла (сметаны) (№ 985), червленицы (красной ткани) и пергамена (№ 992). В сезоне 2012 года эта серия пополнилась следующими документами.

№ 1041. Целый документ из одной строки.

[+] а [сь н]а [м]хъ ръзн[а]

В слове *мыхъ* (= *мѣхъ*) Яким, в соответствии с его уже известной из других грамот склонностью, пропустил гласную после *м*.

Ръзна – привычное для Якима сокращение слова *рѣзана*.

Перевод: ‘А вот за мешок резана’ (не указано, мешок чего; возможно, имеется в виду просто цена самого мешка). Предполагать здесь слово *мѣхъ* в значении ‘мех’ едва ли возможно (не говоря уже о слове *мохъ*).

№ 1040. Целый документ из одной строки.

+ а съ на :ѣ: пуодово :ѓ: ръзнь и сроко

Перевод: ‘А вот за 6 пудов (не указано, чего) 3 резаны и сорочок’.

В не встречавшейся доныне форме *срокъ* ‘сорочек’ представлен тот же особый диалектный рефлекс *ро* вместо общерусского *оро*, который уже был отмечен ранее в нескольких берестяных грамотах XII и XIII вв.: 2 *срочька* ‘два сорочка’ (2x) и *срочькъ* (Р. мн.) в № 336, *срочеке* ‘сорочек’ в новоторжской грамоте № 3, *погрод(ъе)* ‘погородье’ в № 718; см. об этом [ДНД₂, § 2.5–6].

№ 1032. Первая строка документа.

+ а съ на вомоль на .ќ. лко бъ сти | ...

В слове *вомоль* Яким пропустил букву *д*; в *бъ сти* (вместо *бъ шьсти*) пропущен целый слог. Запись *лко* – сокращение (вместо *локото*); единицы измерения вообще большей частью записываются в берестяных грамотах сокращенно.

Перевод: ‘А вот за водмол за 20 локтей без шести ...’

Указание цены, очевидно, находилось на оторванной второй строке. Судя по структуре других сходных записок Якима, сверх этого ничего в грамоте не было.

Запись чрезвычайно похожа на писанную тем же почерком грамоту № 927 (найденную в 2002 г.): + а съ на водмольчъ пло б куонъ на іночъмъ.

№ 1042. Целый документ из одной строки.

а съ по :ѣ: куонъ

Перевод: ‘А вот по две куны’. Род товара не указан. Видимо, перед нами своего рода этикетка к определенной партии товара.

№ 1035. Целый документ из одной строки.

+ а съ либскъе

Грамматическая форма слова *либскъе* двусмысленна: это либо И. мн. жен. (с окончанием <-ѣѣ>, см. [ДНД₂, § 3.23]), либо И. ед. муж. (с окончанием <-еи>, см. [ДНД₂, § 3.20]).

Перевод: ‘А вот ливские (или: ливский)’.

Очевидно, это этикетка при каких-то ливских изделиях (или одном таком изделии). Это уже второе берестяное свидетельство участия ливов в торговых сношениях с Новгородом; первым была грамота № 776 (30-е – 50-е гг. XII в.), адресованная *ко либину ‘к ливу’*; см. [НГБ-ХI: 10–14].

Помимо грамот самого Якима, имеется также грамота, писанная другим почерком, где Яким упоминается в тексте.

№ 1025. Две средние строки письма (с утратами).

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

...|[чи] а ------[ти]а свояка а мати ти
[зи]а[е]т[ь] и акиме съ а къде ти пакъ покажеть | ...

Перевод: ‘... свояка. А мать-то знает; и этот Яким. А где вот (или: где вот тебе) он покажет ...’

Слова *Акиме съ* ‘этот Яким’ скорее всего означают, что Яким был передатчиком этого письма: так, слово *сему* в грамотах означает ‘подателю письма’.

Прочие грамоты

№ 1016 (из находок 2011 г.). Конечные две строки письма.

Стратиграфическая дата: 40-е – начало 50-х гг. XIII в.

...|стити радослава проче настави
ле о киевъ прави куне на немо

Отрезок *-стити*, судя по контексту, вероятно, был частью фразы *не моги пустити*.

Перевод: ‘… не отпускай Радослава (не давай уехать прочь) – он вознамерился [уехать] в Киев. Получи (вытребуй) с него деньги’.

Для выражения *наставити о что-либо* примеров в древнерусских текстах не обнаруживается. Можно предполагать, что *наставити* ‘направить’, ‘нацелить’ здесь имеет значение, близкое к ‘нацелиться’, а предлог *о* с винительным падежом выступает в направительном значении.

Важным для истории русского языка фактом является появление *ки* (а не *кы*) в слове *Киевъ* в новгородском документе середины XIII в. Новгородское (а не иногороднее) происхождение писца ясно видно из форм *наставиле* и *куне* (В. мн.). Это значит, что мы должны теперь относить начальные проявления перехода *кы* в *ки* в древненовгородском диалекте к середине XIII века (а не к концу его, как предполагалось на основании известного ранее материала, см. [ДНД₂, § 2.53]).

№ 1022. Целый документ из четырех строк.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: XII в.

[+ хсъ] : въскръсъмътию на съмърть на
стоупи сихаилъ англь : сихаилъ англь
сихаилъ англь : прогонаетъ та гъ зла
болѣзни трасавице

В отрезке *въскръсъмътию* два слова «склеены»: вместо *съсь* (или, может быть, *сесъ*) написано одиночное *съ*; то есть здесь должно было стоять *въскръсь съмъртию* или *въскръсе съмъртию*. Можно предполагать как простой пропуск слога, так и сознательный прием «склеивания» двух одинаковых слогов в один.

Перевод: ‘Христос, воскресши (или: Христос воскрес), смертью на смерть наступил. Сихаил-ангел, Сихаил-ангел, Сихаил-ангел. Прогоняет тебя Господь, злая болезнь лихорадка’.

Это заговор против лихорадки – в корпусе берестяных грамот третий документ этой категории, наряду с грамотами № 734 (сер. XII в.) и 930 (рубеж XIV и XV вв.). Во всех трех фигурирует ангел Сихаил, что показывает широкое распространение его культа в древнем Новгороде.

№ 1020. Целое письмо из пяти строк.

Стратиграфической даты нет, поскольку документ происходит из осыпи стенки раскопа. Внестратиграфическая оценка: середина – вторая половина XII в., предпочтительно 60-е – 70-е гг. XII в.

Олькишъ къ жадѣнъ : вѣре[ш]ъ :
въдає : оу хотъсла:ва ми было гриевн
възати : а творать и пеставивъше
а выправита : коровъ : повѣдаю оу не-
го :

В слове *вереши* буква *и* имеет практически вид *и*; но, по всей вероятности, это всё же не замена одной буквы другой, а неточное исполнение буквы *и*; ср. букву *и* в слове *олькишъ*, где сразу два вертикальных штриха из трех заходят заметно ниже горизонтальной платформы. В *пеставивъше* пропущен слог *ре* после *не*. В *Хотъслава* выставлено лишнее двоеточие перед слогом *ва*.

В конце второй строки *гриевн* вместо *гриевна* – один из вариантов сокращения этого слова (которое подвергается сокращению очень часто).

Перевод: ‘От Олекши к Жадену. Зерно дай (выдай). У Хотослава мне следовало взять гривну; а говорят, что он преставился. Так вы (двоем) выправьте [это дело]: корова, скаживают, [есть] у него’.

Первая фраза скорее всего представляет собой ответ на вопрос, содержавшийся в предшествующем письме Жадена, о том, следует ли давать зерно такому-то.

Для последней фразы в принципе можно допустить и несколько иную синтаксическую структуру, которой соответствовал бы перевод: ‘Так вы требуйте [вы двое] корову – скаживают [что есть] у него’. Общего смысла фразы это не меняет: ясно, что Жадену предстоит договориться с наследниками Хотослава об отдаче ими коровы в счет долга.

Примечательно, что в первой фразе автор обращается к одному лишь Жадену, а в *выправита* (двойственное число) он уже имеет в виду не только Жадена, но и кого-то еще, кто будет участвовать вместе с Жаденом в переговорах о погашении долга. Подобный эффект, когда грамматическое число глагола определяется наличием не упомянутых, но подразумеваемых участников коммуникации, наблюдается в берестяных грамотах довольно часто.

Жаден – почти наверное тот же, что в грамоте № 850 (около 1148 г., усадьба Е), где автор просит Петрова нечто выдать Жадену.

Хотослав (или Хотслав) – вероятно, тот же, чья земля («Хотославля земля») упоминается в грамоте № 805 (последняя треть XII в., усадьба Е) и кому адресована (под именем Хотеславко) грамота № 654 (2-я пол. XII в., усадьба Г).

Для русского исторического синтаксиса представляет значительный интерес фраза *а творать и не(ре)ставивъше* ‘а говорят (полагают), что он преставился’. Она в целом аналогична таким летописным фразам, как, например, *творахоуть е переветь дръжаще* ‘считали, что они совершили измену’ (НПЛ, под 1167 г.), *творахуть к потворы дѣюще* ‘считали, что они действовали колдовством’ (НПЛ, под 1227 г.). Но особенность формы *не(ре)ставивъше* в том, что в ней отсутствует показатель возвратности *ся*, содержащийся в глаголе *переставитися* ‘преставиться’, ‘умереть’. Это та же особенность, что в характерных для современных северо-западных русских говоров оборотах с причастиями, например, *он одевши (раздевши, нахмутивши)*, *изба разваливши*: в таких оборотах показатель возвратности *ся* всегда отсутствует.

В древнерусских письменных памятниках данный синтаксический эффект встречается чрезвычайно редко. Так, можно указать в Строевском списке 3-й псковской летописи [Пск. лет., вып. 2]: *И про то Ондрѣи и отецъ его Олгирдъ разгнѣвавше на пьсковичь...* (под 1348 г.); *И поклонивше посадникомъ псковским и всему Псковоу ... и царевна вшедши в воз, и приехавши в домъ живоначалныя Троици; и благословение от священниковъ приемши и знаменавше оу пречистои в домоу живоначалныя Троица; и тако вшедши в возъ, и поеде с великою честью изо Пскова* (под 1472 г.).

Как можно видеть, пример данной конструкции в грамоте № 1020 старше самого раннего из летописных примеров почти на два века.

№ 1026. Три начальные строчки письма (с утратами) и повторение адресной формулы на обороте.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Ш нежиле къ съмыке . [се єс]--[де]а----- (о)[у]. а азъ
поале девъкоу твою . оли девъка хрома . а в[е]зи ко
[моен] ...

Оборот:

отъ нежиле

къ съмыке

Перевод: ‘От Нежилы к Семке. Вот … … … А я взял твою девку. Если девка хрома, то вези [ее] к моей …’ На обороте: ‘От Нежилы к Семке’.

Полле девъкоу здесь, судя по контексту, означает не ‘женился на девице’, а ‘приобрел (забрал) молодую рабыню’ (возможно, купил или получил в счет уплаты долга). Вероятно, Нежила этой рабыни при сделке либо вообще не видел, либо не мог детально оценить, поэтому еще не знает, есть ли у нее какие-то физические недостатки.

Как и из ряда других берестяных грамот, из этой грамоты видно, что сделкой (в частности, покупкой) считался соответствующий словесный договор, а как деньги, так и товар могли переходить из одних рук в другие не сразу, а лишь позднее.

№ 1031. Целое двустороннее письмо из пяти строк на лицевой стороне и четырех строк (другим почерком) на обороте. Письмо пострадало от пожара. Особенно сильно пострадал текст на обороте, так что удовлетворительной реконструкции и интерпретации он пока что не имеет. Но лицевую сторону удалось прочесть целиком.

Стратиграфическая дата: 60-е – середина 90-х гг. XII в.

Внестратиграфическая оценка только широкая: XII в.

Ш нѣжъка къ боудъкоу : цемоу дѣръжиши коунѣ а а на то[бѣ є]млю [к]оун[ѣ]
оу хотоурѣ еси казалъ а тѣ не въделе : съ гюркым[ъ еси] п[ри]сълаle
а тѣ не въдале л. грѣnъ : лежить въ трет[ы] пар[об]ъкъ еси оды[р]ъ-
нь въдале а нынѣ сѧ выпирає на пати грѣnъ а п[ро]мышлені
то ли твоа благогодѣть мнѣ [ц]ьто ми соули

Не въделе вместо не въдале в строке 2 – предвосхищение е следующего слога.

Перевод: ‘От Нежка к Будку. Почему не отдаешь деньги? А я [именно] с тебя взимаю деньги: ты сказал [взять] у Хотуры, а тот не отдал. Ты послал с Гюрком, а тот не отдал 10 гривен. Они лежат [как заем] в треть. Ты дал одерень (в полную собственность) паробка, а он теперь рвется на волю за пять гривен. Размысли же: это ли твое благодеяние мне, которое ты мне сулил?’

Последнюю фразу в принципе можно было бы понять, интерпретируя соули не как аорист ‘ты сулил’, а как презенс ‘сулит’, несколько иначе: ‘Это ли твое благодеяние мне? Что оно мне сулит?’; но по смыслу этот вариант представляется менее вероятным.

Общая структура текста сходна, в частности, с грамотой № 750 (начала XIV в.), где автор начинает свои упреки словами *дознаися на себе ‘рассуди сам’*. В грамоте № 1031

автор тоже прямо ничего не требует от адресата, но перечисляет свои претензии к нему и завершает изящной формулой ‘Размысли же: это ли твое благодеяние мне?’.

Имя *Нѣжъко* – весьма распространенное. Имена *Будъко* и *Хотура* встретились впервые.

Будъко – гипокористическое производное от имени типа *Будимиръ*; ср. другие производные от него же: *Будиша* (в № 663 и 888), *Будота* (в № 509).

Хотура – гипокористическое производное от имени типа *Хотославъ*; тем самым это может быть даже то же лицо, что Хотослав из грамоты № 1020 (см. выше). Гипокористический суффикс -ур-а встречается, хотя и не очень часто, в древних документах: ср., например, в НПК имя *Мичура*, деревни *Мишуринъ*, *Степуринъ*, *Чепуринъ*, *Носуринъ*, в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского [Веселовский 1974] фамилии *Бабуринъ*, *Кошурины*. Этот суффикс вполне активен доныне, ср. современные *Нюра*, *Мура*, *Сашура*, *Шура*, *Ванюра* и т. п.

Гюръко – гипокористическое производное от христианского имени *Гюрьгии*.

Автор в начале своего текста старался до какой-то степени соблюдать наддиалектные нормы: он написал *казаль* и *тъ*; но быстро сбился и дальше уже использовал только диалектные формы: *прислале*, *не въдале*, *те*.

Особый интерес в этой связи составляют формы *тъ* и *те*. Словоформа *тъ* ‘тот’ представлена в текстах достаточно широко, особенно после союзов *а* и *и*, например: *ѣко покривати сѧ кораблю влънами, а тъ съпаše* (Марин. ев., Матф. 8.24); *в то же веремѧ бъ Андрѣи Гюргевичъ в Суждали кнѧжа, и тъ бѣ не имѣя любви къ Мъстиславу* (Ипат., 194 [1170]).

Но древнерусская диалектная форма *те* была до сих пор непосредственно отмечена всего один раз в весьма позднем документе – в списке 1670 г. с псковской грамоты 2-й половины XIV в.: *те раздѣля* (И. ед.) ‘тот раздел’ (ля вместо ле в силу яканья); см. [ДНД₂, § 3.26]. И главным основанием для реконструкции древнерусского *те* был всё же не этот единичный поздний пример (где в принципе необходимо было считаться даже с возможностью простой ошибки), а системные особенности древнерусского склонения. И вот грамота № 1031 принесла прямое подтверждение правильности этой реконструкции.

Глагол *вытиратиса* памятникам и словарям неизвестен. Здесь он, судя по контексту, имеет значение ‘рваться на волю’, что достаточно хорошо соответствует его морфемной структуре.

Глагол *промышляти* выступает здесь в одном из известных его значений: ‘помышлять’, ‘обдумывать’.

С фонетической точки зрения важно появление *е* на месте *а* в *промышлеи*. Это одно из самых ранних свидетельств диалектного перехода [а] в [е] между мягкими согласными; см. [ДНД₂, § 2.36].

№ 1045. Целое письмо из пяти строк (с двумя буквами на обороте).

Стратиграфическая дата: вторая четверть XII в.

+ ѿ лоукъ и ѿ мікоулъ : къ сновидоу не коупилъ ти єсевъ нищего же заволь-
цескаа бела :й: гравенъ : а възди на весть : какоу любо во бъ-
ръзъ : жже быховъ дома : нъ ростоутие : и челоую въ : домъ
[.д.и.] коум[е]
ъкъ выправить вевърицъ : и сёми гравенъ савъ гюровицю при-
соунить до мене : творить сѧ вонемышши

Оборот:

ѿ л

Автор начал писать на темной стороне листа, но ему это не понравилось, и он почти сразу перешел на светлую сторону.

В *възди* (вместо *въздаи*) пропущена буква *а*. В *вонемъши*, напротив, по недосмотру повторена буква *ш*. В слове *веевриц* отсутствует конечный *ь*; но в данном случае не исключено, что это не случайность, а автор таким способом попытался показать, что он имеет в виду не В. мн. [в'ёв'ер'иц'ё], а Р. мн. [в'ёв'ер'иц'].

Перевод: ‘От Луки и от Микулы к Сновиду. Мы (двоє) не купили ничего: заволочская белка (беличья пушнина) – 8 гривен. А ты дай нам (двоим) какую-нибудь весть поскорее. Мы бы уже были дома, да распутица! И приветствуя вас.

Домке отдайте денег (*приписано над строкой*: 14 кун) из семи гривен для Саввы Гюровича. Суньте до моего приезда, скажите, что вы принимаете участие [в этом деле].

Словами и челоую вы первоначальный текст письма заканчивался. Но потом, как это иногда в грамотах бывает, автор понял, что следует еще кое-что добавить.

Грамота написана тем же почерком, что грамоты № 997, 1004, 1005 (лицевая сторона), 1006 и 1012, найденные в 2010 г. и представляющие собой (за исключением № 997) письма Луки. Кроме того, от имени Луки написаны также (другими почерками) грамоты № 999 и 1009. Таким образом, настоящая грамота продолжает большую серию писем Луки. Как и остальные письма этой серии, она посвящена купеческим делам.

Сновид уже известен из грамот № 955, 1007, 1009 и 1012; кроме того, ему адресовано письмо № 1047 (см. ниже). При этом грамота № 1009 – это письмо Сновиду от Луки (вместе с Иваном). А.А. Гиппиус высказал даже предположение, что Сновид был отцом Луки.

Домка – вероятно, то же лицо, что Домко в грамоте № 1047.

Отчество Гюровичъ указывает на существование не отмеченного ранее имени Гюръ, которое представляет собой редкий тип гипокористики (в данном случае от Гюргии) – чистую усеченную основу, без гипокористических суффиксов.

В *быховъ* дома ‘мы двое были бы дома’ словоформа *быховъ* в соответствии с древнейшим синтаксисом сама по себе имеет значение ‘мы двое были бы’ (тогда как обычный древнерусский синтаксис требовал здесь уже словосочетания *быховъ была*). Это такой же синтаксический архаизм, как современное *он бы рад* (возможное наряду со стандартным *он был бы рад*, тогда как конструкции без *был* типа *он бы дома или **он бы уволен уже невозможны*).

Точное значение глагола *присунути* в данном контексте не вполне ясно. Речь явно идет об отдаче денег. Возможно, значение здесь было то же, что в современном просторечном *сунуть* ‘дать взятку’; но с уверенностью утверждать это на основании данного контекста нельзя.

Вънатиса здесь следует понимать как ‘включиться’, ‘принять участие’ (подразумевается: в деле, о котором идет речь); ср. в [СРНГ, 4: 324]: *вниматься* (сов. *вняться*) ‘браться за какое-либо дело’, ‘соглашаться принять на себя какое-либо дело’; ‘вмешиваться’, ‘ввязываться’ и т. д.; также у Даля [Даль, I: 216]: *вниматься во что* ‘вступаться во что’, ‘браться за что’, ‘входить, мешаться в дело’.

Творить ся вонемъши = *<творите ся вънъмъши>* – оборот той же структуры, что *творить и не(ре)ставивъше* в № 1020 (см. выше). Он означает: ‘скажите (утверждайте, притворитесь), что вы принимаете участие [в этом деле]’. Очевидно, такое заявление было необходимо для того, чтобы объяснить, почему Сновид, а не Лука платит эти деньги.

Отметим, что оба глагола, участвующие в данном обороте (*творити ся* и *вънати ся*), – возвратные; но в нем реально присутствует только одно *ся*. Действует общее синтаксическое правило, по которому *ся ся* невозможно: оно заменяется одиночным *ся*. Но кроме того, независимо от этого правила, *ся вънъмъши* всё равно могло быть заменено на простое *вънъмъши* действием того механизма, который описан при грамоте № 1020.

№ 1047. Целое письмо из трех строк.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: XI–XII вв., с небольшим предпочтением к первой четверти XII в.

+ ѿ дъмъка : къ сновидови попътai оуеua ѿ ли тоу
мои дълъженикъ : али ти юстѣ тоу а възѣми на нѣмѣ
дѣвѣ гравенѣ : али ти юго нѣ тоу : а тако зе ми възъдаи

Перевод: ‘От Домка к Сновиду. Поищи Уйца: тут ли [этот] мой должник? Если он тут, возьми с него две гривны. Если его тут нет, то так мне и дай [знать] (т. е. сообщи об этом)’.

Менее вероятно понимание первой фразы как ‘Спроси Уйца, тут ли мой должник’.

Об авторе и адресате этой грамоты см. выше, при грамоте № 1045.

Уецъ – уменьшительное от уи ‘дядя по матери’. Но здесь оно, по-видимому, выступает как прозвище, то есть как имя собственное; ср. Уика – наименование адресата в грамоте № 114. Этот же Уецъ является адресатом фрагментированной грамоты № 1046.

В графике грамоты следует отметить замену ы на ѿ (попътai; см. [ДНД₂, § 1.13]) и случаи замены е и ѿ на є (на нѣмѣ, юстѣ, възѣми). Представлена также весьма редкая в ранних грамотах особенность – использование буквы ѿ.

В фонетике важным фактом является замена ж на з в тако зе, то есть свидетельство шоканья; см. [ДНД₂, § 2.14]. Этот ранний пример является дополнительным подтверждением того факта, что шоканье было свойственно не только древнепсковскому говору, но имело заметное распространение также и в собственно древненовгородском говоре.

Грамота чрезвычайно наглядно демонстрирует происхождение современного слова нету (и его позднейшей формы нет): в ней прямо противопоставлены юстѣ тоу и юго нѣ тоу, где тоу еще в обоих случаях имеет самостоятельное значение ‘тут’, тогда как значение ‘отсутствует’, ‘не есть’ содержится в слове нѣ (< не е).

Заключительное възъдаи следует понимать как эллипсис вместо възъдаи вѣсть; ср. а възд(a)i на вѣсть в № 1045. Вся фраза али ти юго нѣ тоу, а тако (ж)e ми възъдаи построена аналогично фразе али не пошлешь, а таку же ми вѣсть присли (новоторжская грамота № 10) ‘если же не пошлешь, то пришли мне об этом весть’ (букв.: ‘такую же весть’, где ‘такую же’ понимается как ‘такую же, как само событие’, то есть одинаковую с действительностью). Эту же роль играет тако же в грамоте № 1047. Примечательно, что современный язык вполне допускает аналогичный (с точностью до же) способ выражения, например: *Если тебе книга не понравилась, то так и скажи.*

№ 1050. Целое письмо из четырех строк.

Стратиграфическая дата: первая четверть XII в.

Внестратиграфическая оценка: первая – третья четверть XII в., предпочтительно первая четверть.

о словатѣ грамота къ гюрьцеви въведѣ отрокъ
на микулу и на лѣшана възьми полъ питѣ
гравѣ славомирѣ съде не въда а есте прави а
въведете отрокъ на славомиръ

Перевод: ‘От Словяты грамота к Гюрцу. Выведя (т. е. вызвав) отрока на Микулу и на Лешана, возьми четыре с половиной гривны. Славомир здесь не дает (или: не дал). Если вы правы, вы выведете отрока на Славомира’.

Менее вероятна интерпретация ‘на Микулу и на лесных жителей’ (см. ниже).

Словята поручает Гюрцу взять долг с его должников, вызвав для этого судебного исполнителя. Перед этим Гюрец, по-видимому, сам просил Словяту о такой же услуге: взять долг с его должника Славомира. Словята пытался это исполнить, но Славомир отказался платить, очевидно, заявив, что Гюрец и его люди в своих претензиях неправы. Словяте неясно, кто же в действительности прав, и он пишет Гюрцу: «Если вы правы, вы вызовете судебного исполнителя на Славомира».

Словята фигурирует также в фрагментированной грамоте № 1049, где сохранились слова ‘через Словяту купи мне...’.

Гюрец вполне может быть тем же лицом, что Гюрко в грамоте № 1031.

Микула – вероятно, тот же, что в грамоте № 1045.

Лѣшанъ, если это действительно имя собственное, – прозвище (‘леший’); ср. [СРНГ, 17: 31]: *леша́нъ* ‘то же, что лешак’ (т. е. леший), Кокчетав. Имеется также фамилия Лешанов (отмеченная в Интернете).

Редкая графическая особенность: в *о Словяты* предлог *отъ* записан как *о* (ср., например, *о матери* ‘от матери’ в грамоте № 350, *о женѣ* ‘от жены’ в № 931 и др.).

Необычно *поль питѣ* вместо *поль патѣ*. Если только это не простая ошибка, то можно предположить, что *патѣ* дало *петѣ* (ср. *промышлеи из промышлаи* в № 1031) и в этом *петѣ* произошел нехарактерный для берестяных грамот единичный случай смешения *e* и *i*.

Не въда в принципе может быть как аористом (в варианте без *-сть*), так и презенсом (с диалектным нулевым окончанием). В данном контексте более вероятен презенс (так называемый ‘презенс напрасного ожидания’, см. [ДНД₂, § 4.18]): ‘не дает’, ‘никак не отдаст’.

Исключительно ценен для истории русского языка пример *на Славомиръ*. До сих пор древний В. ед. *на -ъ* (а не *на -а*) у имен собственных без сопровождающего имени нарицательного был представлен во всей древнерусской письменности единственным примером: *прадай Хотъжъръ* ‘оштрафуй Хотъжера’ в берестяной грамоте № 900 (20-х–30-х гг. XII в.); см. [ДНД₂, § 3.10]. Пример *на Славомиръ* относится приблизительно к тому же времени.

Вторым таким же примером в данной грамоте, видимо, является *на Лѣшанъ*. Здесь, правда, имеется возможность истолковать словоформу *лѣшанъ* иначе – как В. мн. от гипотетического наименования *лѣшане ‘лесные жители’. Но представляется крайне маловероятным, чтобы в одном и том же тексте одновременно отразилось сохранение редчайшего древнего окончания В. ед. (*на Славомиръ*) и появление небывало раннего примера инновационного В. мн. (*на лѣшанъ*), опережающего по времени первый достоверный пример В. мн. *на -ъ* (*дворано* в № 531, 1-я четв. XIII в.) на целый век.

Еще один важный грамматический факт составляет положение словоформы *есте* во фразе *а есте прави*. Оно не подчиняется закону Вакернагеля, то есть *есте* ведет себя здесь не как энклитика, а как акцентно самостоятельная словоформа – несмотря на то, что это здесь несомненная связка. В корпусе берестяных грамот до сих пор был всего один пример такого рода: *а еси посоромиль коньцъ въхъ Людинъ* в № 954 (1-я пол. XII в.). Этот единичный пример был предметом нескольких конкурирующих предложений (включая даже предложение о простом пропуске слова *се* перед *еси*). Но теперь ясно, что какой-либо случайной аномалии здесь нет. Учитывая хронологическую близость грамот № 954 и 1050, мы можем теперь принять для обоих примеров следующее простое объяснение: оба они относятся к той эпохе, когда процесс превращения акцентно самостоятельных словоформ *есмъ*, *еси*, *есте* (и т. д.) в энклитики еще не произошел (или по крайней мере еще не завершился). Тем самым мы получаем теперь важные сведения о хронологии этого процесса: очевидно, его завершение можно отнести ко второй половине XII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СОКРАЩЕНИЙ

- Веселовский 1974 – С.Б. Веселовский. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974.
- Даль – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- ДНД₂ – А.А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Зализняк и др. 2011 – А.А. Зализняк, Е.В. Торопова, В.Л. Янин. Берестяные грамоты из раскопок 2010 г. в Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания. 2011. № 4.
- Ипат. – Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
- Лавр. – Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- Мариин. ев. – Мариинское евангелие.
- НГБ-IX – В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- НГБ-XI – В.Л. Янин, А.А. Зализняк, А.А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004.
- НПК – Новгородские писцовые книги. Т. I–VI и указатель. СПб., Пг., 1859–1915.
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Пск. лет. – Псковские летописи. Вып. 1–2. М., 1941–1955.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.

Сведения об авторах:

Андрей Анатольевич Зализняк
Институт славяноведения РАН

Валентин Лаврентьевич Янин
Президиум РАН

Статья поступила в редакцию 15.01.2013.

© 2013 г. С.Ю. БОРОДАЙ

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ: РАБОТЫ ПО ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОН- ЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме лингвистической относительности в контексте современных исследований по пространственной концептуализации. Акцент сделан на экспериментальных исследованиях. Рассматриваются работы С. Левинсона, Дж. Хэвиленда, П. Браун, Дж. Беннардо, Ю. Вассманна и др. Основной вопрос – это влияние систем ориентации, используемых в языке, на когнитивные способности носителей языка. Показано, что определяющим фактором в формировании некоторых когнитивных предпочтений является язык, но он не выступает единственным фактором, и его невозможно представить вне социокультурного контекста. Несмотря на значительные успехи в верификации гипотезы лингвистической относительности, еще требуется время для создания целостной теории неорелятивизма.

Ключевые слова: когнитивная антропология, лингвистическая относительность, гипотеза Сепира-Уорфа, язык и мышление, пространственная семантика, система ориентации

Article deals with a problem of linguistic relativity in the context of modern research on spatial conceptualization. Emphasis was placed on the experimental research. We analyze works by S. Levinsons, J. Haviland, P. Brown, G. Bennardo, J. Wassmann and others. The main problem is an influence of frames of reference used in language on cognitive abilities of speakers. It appears that language is the main factor in the determination of some cognitive preferences, but it never occurs in isolation, and it can't be imagined beyond the sociocultural context. Despite the significant success in verification of linguistic relativity hypothesis, we need time for developing a holistic theory of neo-relativism.

Keywords: cognitive anthropology, linguistic relativity, Whorfianism, language and thought, spatial semantics, frame of reference

Под лингвистической относительностью принято понимать представление о том, что язык оказывает существенное влияние на ментальные процессы и восприятие, следствием чего является частичная или полная несоизмеримость моделей мышления и картин мира различных языковых сообществ. В эксплицитном виде среди лингвистов данный тезис, как считается, впервые был высказан Б. Уорфом в целом ряде публикаций конца 30-х – начала 40-х гг. XX в. [Уорф 1960]. Уорф находился под сильным влиянием Э. Сепира, которому принадлежат сходные положения [Сепир 1993]. По именам своих предполагаемых основателей гипотеза лингвистической относительности также часто именуется гипотезой Сепира – Уорфа. Задолго до американских лингвистов похожие положения высказывали немецкие романтики – И. Г. Гердер и В. фон Гумбольдт, далее в немецкоязычной среде эта проблема подробно разрабатывалась Э. Кассирером и Л. Вайсгербером. Несмотря на интуитивную понятность и общую прозрачность главного тезиса, гипотеза лингвистической относительности на данный момент не имеет общепринятой формулировки, а среди лингвистов и психологов активно дискутируются все основные понятия, которыми данная гипотеза может и должна оперировать. Не существует общепринятого мнения по поводу таких базовых концептов, как «язык» и «мышление», не ясно, как нужно представлять себе возможное влияние языка на мышление и каковы границы этого влияния; в каких случаях язык влияет на мышление и культуру, а в каких – мышление и культура влияют

на язык; как должен ставиться эксперимент, способный доказать наличие «уорфинского» эффекта, и может ли такой эксперимент быть поставлен и т. д. (обсуждение этих и других теоретических проблем см. в [Lucy 1992a; Pederson 2007; Bennardo 2003; Gipper 1971]). Традиционное выделение «сильной» и «слабой» версий гипотезы лингвистической относительности не спасает ситуацию: оказывается, что при последовательном рассмотрении «сильная» версия, декларирующая тотальную каузацию мышления языком, противоречит (ввиду полной языковой обусловленности исследователя) самой возможности понимания чужого языка, а значит, является лишенным смысла софизмом. Ни Сепир, ни Уорф не придерживались «сильной» версии и вообще не давали четкой формулировки какой-либо теории по этому вопросу, в связи с чем воззрения американских лингвистов также трактуются разными исследователями по-разному, а порой и прямо противоположным образом (см. [Lucy 1992a; Gentner, Goldin-Meadow 2003; Лакофф 2004; Пинкер 2004]). Симптоматично мнение Дж. Лакоффа, который утверждает, что Уорф был релятивистом в плане рассмотрения фактов и объективистом в отношении оценок [Лакофф 2004: 427]. Что касается «слабой» версии лингвистической относительности, постулирующей частичную обусловленность когнитивных способностей и поведения языком, то, по единогласному мнению, она является тривиальным утверждением, истинность которого ясна и без специальной экспериментальной проверки. Споры возникают по вопросу о том, что нужно понимать под «частичным» влиянием: относится ли это влияние к незначительным лексико-грамматическим средствам выражения или оно касается восприятия таких фундаментальных категорий, как пространство и время. В целом можно сказать, что идея лингвистической относительности со временем появления самого этого термина является не столько четко сформулированной научной гипотезой, сколько исследовательской парадигмой – крайне продуктивным лингвофилософским и когнитивным проектом, в котором прямо или косвенно задействованы все исследователи, занимающиеся проблемой «язык и мышление» (этот проект обеспечил себе большую популярность еще и ввиду его тесной связи с более общими философскими, политическими и религиозными воззрениями исследователей).

В данном очерке мы рассмотрим современные работы по пространственной концептуализации, относящиеся к тематике лингвистической относительности. Следуя общим тенденциям, ориентированным на эмпиризм, мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении теоретического ядра лингвистической относительности, но сосредоточим внимание на исследованиях экспериментальной направленности. Теоретические экспликации будут вкратце проанализированы нами в заключительной части очерка. Предварительно проблему лингвистической относительности можно сформулировать следующим образом: как лексико-грамматические особенности языка коррелируют с когнитивными способностями носителей этого языка и в каких случаях между ними может быть установлена каузальная связь. Из данной формулировки мы и будем исходить в дальнейшем.

Предпосылкой появления многочисленных экспериментальных исследований конца XX – начала XXI в. стало возобновление интереса к проблематике лингвистической относительности в начале 90-х гг. XX в., следовавшее за несколькими десятилетиями господства универсалистских тенденций в лингвистике¹. В качестве манифеста релятивистов второй волны может рассматриваться сборник статей под редакцией С. Левинсона и Дж. Гамперца [Levinson, Gumperz 1996]. В этой работе были высказаны многие важные положения, направленные на переформулировку релятивистской программы с учетом реалий когнитивных наук конца XX в. В частности, было указано на необходимость трактовки «мышления» в контексте современных когнитивных теорий, подчеркивалась негомогенность такого явления, как «язык», и необходимость выделения различных концептуальных схем внутри одного языка. Помимо общих теоретических положений сборник содержит также несколько важных экспериментальных исследований, показывающих наличие «уорфинского» эффекта в концептуализации пространства (С. Левинсон,

¹ Д. Джентнер и С. Голдин-Мидоу сравнивают репутацию релятивистских теорий в 70–80-е гг. с репутацией уфологии [Gentner, Goldin-Meadow 2003: 6].

Дж. Хэвиленд, У. Хэнкс). Издание под редакцией С. Левинсона и Дж. Гамперца в целом характеризуется разнообразием теоретических позиций и предельно широким пониманием проекта лингвистической относительности, что в каком-то смысле является вообще характеристикой релятивизма новой волны. Важные теоретические положения были высказаны также в монографии Дж. Люси [Lucy 1992a]. Дж. Люси выделил критерии для корректно проведенного исследования по проблеме влияния грамматических категорий на мышление. Он также подробно рассмотрел историю вопроса и проанализировал основные экспериментальные работы, посвященные гипотезе Сепира – Уорфа. Люси показал, что, во-первых, не существует единой трактовки данной гипотезы, а во-вторых, большинство исследований, ориентированных на опровержение или подтверждение гипотезы, не удовлетворяют базовым экспериментальным критериям. Люси также приналежит важное исследование о классификаторах числительных в юкатекском языке [Lucy 1992b], заставившее многих профессиональных лингвистов по-новому посмотреть на гипотезу Сепира – Уорфа. Работы Люси явились важным фактором в возрождении интереса к проблематике лингвистической относительности в 90-е гг. XX в.

Вот уже несколько десятилетий главным центром, разрабатывающим проблему лингвистической относительности, выступает образованная в 1991 году Исследовательская группа по когнитивной антропологии в рамках Института психолингвистики Макса Планка в Неймегене (*Cognitive anthropology research group of the Max Planck institute for psycholinguistics*). Директором Исследовательской группы является один из крупнейших специалистов по языковой концептуализации пространства С. Левинсон. Свои взгляды Левинсон определяет как «нео-урфианство», а в разнообразии языков он видит проявление различных моделей когнитивности, понимаемых им как важнейшее завоевание эволюции [Levinson 2012; Evans, Levinson 2009]. Лингвисты из Исследовательской группы по когнитивной антропологии не только реабилитировали проблематику лингвистической относительности, но и разработали инструментарий для анализа данной проблемы. Работы представителей этой группы отличаются высоким профессионализмом и основательной экспериментальной проверкой каждого высказываемого тезиса. Практически все крупные неорелятивистские исследования последних двух десятилетий прямо или косвенно связаны с деятельностью этой группы.

Тот факт, что наиболее убедительные результаты, показывающие наличие урфианского эффекта, удалось получить в отношении пространственных категорий, контрастирует с мнением Уорфа об универсальности пространственного восприятия. Уорф отрицал возможность релятивизма в концептуализации пространства, хотя, по его мнению, на такую концептуализацию могут опосредованно влиять представления о времени, форме, материи и пр., которые варьируют от языка к языку [Whorf 1956: 158–159]. Переосмысление строгой универсалистской позиции по вопросу пространственной концептуализации связано с развитием типологии пространственных значений. Начиная с 80-х гг. данное направление лингвистической типологии, до этого опиравшееся преимущественно на факты индоевропейских языков, активно расширяется и пересматривается, что связано с включением в проблематику многочисленных материалов по неиндоевропейским языкам, особенно австралийским и австронезийским (см. краткий обзор работ [Zlatev 2007]). Одним из важных результатов этого процесса явилась детальная разработка понятия «системы референции» или «системы ориентации» (*frame of reference*), заимствованного из гештальтпсихологии². У разных авторов по-разному трактуется концепт «системы референции», по-разному определяются и классифицируются элементы, характеризующие данную систему, а также

² Английское «*frame of reference*» используется в физике и математике, где обозначает «систему отсчета», «систему координат». Представляется, что в некоторых теоретически нагруженных лингвистических контекстах это словосочетание также можно переводить как «система отсчета», но в целом больше подходит «система ориентации», «система референции», «референциальная система», чем подчеркивается воплощенность системы в дискурсе и ее зависимость от pragmaticального контекста, т. е., собственно, ее лингвистический характер (ср. также коннотации англ. «frame» в когнитивной лингвистике).

дается различная типология референциальных систем. По меткому замечанию Дж. Златева, «хотя все авторы и признают важность данного понятия, все же нет и двух авторов, которые бы определяли его одинаково» [Zlatev 2007: 328]. Дискуссионным остается вопрос о психолингвистической реальности «систем референции»: не до конца ясно, следует ли их рассматривать как всего лишь удобный для лингвистического анализа методологический концепт или это явление, имманентное самому языку и имеющее соответствующие нейрофизиологические корреляты.

В большинстве современных исследований по проблеме лингвистической относительности используется пространственная модель, разработанная С. Левинсоном [Levinson 2003; 1996; Majid et al. 2004]. Ввиду ее важности для обсуждаемой проблемы мы остановимся на ней подробнее. Согласно Левинсону, под референциальной системой следует понимать систему координат, функционирующую посредством указания углов и направлений для определения расположения предмета (референта) по отношению к какому-либо ориентиру; при этом референт и ориентир не соприкасаются в пространстве. Конститутивными элементами референциальной системы являются референт (или фигура, *Figure*), релятум (или ориентир, *Ground*), точка наблюдения (*Viewpoint*), начало системы и некоторые другие вторичные элементы. В высказывании «Джон стоит слева от дома» референтом является Джон, ориентиром – дом, началом системы – наблюдатель, а точка зрения наблюдателя совпадает с положением говорящего. Левинсон выделяет три типа референциальных систем: встроенную, или имманентную (*intrinsic*), относительную, или релятивную (*relative*) и абсолютную (*absolute*). Системы различаются внутренней структурой, то есть соотношением конститутивных элементов внутри системы. Левинсон признает безусловную психолингвистическую реальность всех трех типов референциальных систем и ищет их нейрофизиологические корреляты [Levinson et al. 2012].

Встроенная система характеризуется единством релятума и начала системы; в качестве релятума выступает какой-либо объект, а оси координат детерминированы особенностями формы объекта или условными обозначениями, спроектированными на объект. Прототипом для обозначения характеристик релятума часто выступают части человеческого тела или части других физических объектов (ср. *перед*, *лицо*, в некоторых языках также *голова*, *нога*, *рог*, *корень* и др.). Высказывание «Джон находится перед домом» является примером использования встроенной системы референции: референтом выступает Джон, релятумом и началом системы – дом; положение наблюдателя не имеет существенного значения. Левинсон дает следующую формальную запись для встроенной системы референции: «Имманентная реляция $R(F, G)$ подразумевает, что F находится в обозримой области, простирающейся от G на основе угла или линии, спроектированной вовне на определенное расстояние из центра G через базовую (*anchor*) точку A » [Levinson 2003: 42–43]. Встроенные референциальные системы языков мира обладают значительным разнообразием. В русском и английском мы чаще всего имеем дело с системой, берущей за основу куб и проецирующей его на большую часть объектов; в результате почти все объекты могут быть представлены как имеющие верх, низ, переднюю, заднюю и боковые стороны. Иначе обстоит дело в языке цельталь, где абстрактная система по типу кубической отсутствует, но имеется детализированная система обозначений, производная от обозначений частей тела человека и животных и обладающая не всегда ясной мотивировкой (обусловленной, по-видимому, в большей степени геометрическими и в меньшей степени метафорическими факторами); ориентирование с помощью указания на «ухо» стола, «рот» чайника или «губы» огня является нормальным для носителей языка цельталь [Levinson 1994; Brown 2006]; оно характерно и для носителей других языков Центральной Америки (см. особенно классическое исследование Бругман о языке миштек [Brugman 1983]). Встроенная система референции встречается практически во всех языках мира, хотя степень ее использования различается: от почти полного игнорирования, как в австралийском языке гуугу йимитхирр, до исключительного использования, как в майянском языке мопан.

Относительная система референции характеризуется важностью точки наблюдения для определения положения референта по отношению к релятуму; точка наблюдения

совпадает с началом системы. Высказывание «Стул стоит слева от стола» является примером использования относительной референциальной системы: референтом оказывается стул, релятумом – стол, точкой наблюдения и началом системы – положение говорящего. Прототипически данная система выступает как дейктическая и эгоцентрическая, но ее вторичные формы могут и не относиться к говорящему напрямую. Примером вторичной формы является высказывание «Джон поставил стул слева от стола», в котором точкой наблюдения и началом системы оказывается не говорящий, а Джон. Согласно Левинсону, относительная система может быть формально записана следующим образом: «Относительный релятор R выражает тройное пространственное отношение с аргументами V, F и G, где F и G не ограничены какой-либо характеристикой, за исключением того, что V должно быть связано с наблюдателем, а V и G не должны совпадать» [Levinson 2003: 47]. Важной особенностью относительной референциальной системы является способность к образованию вторичных подсистем в рамках главной системы, в результате чего приходится говорить о комплексном характере всей структуры. Так, высказывание «Джон стоит перед деревом» подразумевает, что референтом является Джон, релятумом – дерево, а точкой наблюдения и началом системы – говорящий, при этом Джон мыслится как находящийся между наблюдателем и деревом; дерево в русском языке (как и в английском языке) не может обладать имманентными характеристиками, по которым можно было бы заключить, где находится его передняя или задняя часть, поэтому в рамках первичной относительной системы координат выстраивается дополнительная подсистема, начало которой ассоциировано с положением дерева и которая образована в виде зеркального отражения первичной системы; такую подсистему можно назвать в данном случае «квазивстроенной». В типологическом отношении релятивные системы могут отличаться по следующим характеристикам: внутренняя структура системы, базовая ось системы, степень использования вторичных подсистем и др. Особенно интересны различия в способах образования вторичных подсистем, среди которых можно выделить отражение, перенос и вращение. Если при отражении рассмотренное выше высказывание будет обозначать, что Джон стоит между говорящим и деревом, то при переносе, имеющем место, например, в маркизском и тонганском языке, Джон будет мыслиться стоящим за деревом. Наконец, при вращении, зафиксированном в одном из диалектов тамильского языка, фраза «Джон стоит слева от дерева» будет обозначать, что Джон стоит по правую руку от говорящего [Levinson 2003: 85–88]! Относительная система ориентации встречается не во всех языках мира: она отсутствует в австралийских языках гуугу йимитхирр, джамиджунг, аррернте, варрва, в папуасском языке йеле дне, в уже упоминавшемся языке цельталь. В некоторых языках эта система, напротив, используется крайне широко: таков случай тамильского языка [Pederson 2006].

Абсолютная система референции характеризуется фиксированной осью координат, не зависящей от формы релятума; ключевую роль играет твердая фиксация направлений внутри системы на основе ландшафта или абстрактной схемы, чаще всего генетически восходящей также к какому-либо природному ориентиру (поэтому абсолютную систему часто называют «геоцентрической»). Примером использования такой системы является высказывание «Джон стоит к северу от дома»: референтом выступает Джон, релятумом и началом системы – дом, при этом оси, указывающие на стороны света, твердо зафиксированы и их направление не зависит от формы релятума и даже его положения. Левинсон дает следующую формальную запись для абсолютной системы референции: «Абсолютный релятор R выражает бинарное отношение между F и G, подразумевающее, что F может быть найден в обозримой области по фиксированному направлению R от G» [Levinson 2003: 50]. Для носителей европейских языков абсолютные системы ориентации экзотичны и потому наиболее интересны³. Их типология пока еще слабо

³ Впрочем, вопрос о том, в какой степени использование абсолютной системы характерно для индоевропейских языков, еще мало изучен. Недавние исследования показали, что, по крайней мере, некоторые современные индоиранские языки активно используют абсолютную систему.

разработана (см. примеры в [Pederson 1993; Palmer 2002; Bennardo 2004]). Можно выделить два полярных типа, между которыми располагаются все засвидетельствованные абсолютные структуры: тип с абстрактными осями и тип с привязкой к особенностям ландшафта. Возможно также сочетание элементов каждого из типов: так, в некоторых австронезийских языках одна ось абстрагирована на основе направления муссонов и она является фиксированной, а другая ось зависит от расположения главной горы или основного холма [Palmer 2002]. Оси системы координат могут абстрагироваться на основе направления ветра, движения солнца, положения звезд и др. Системы референции, привязанные к конкретному ландшафту, отличаются большим многообразием: оси могут ассоциироваться с течением реки, положением главного холма, положением моря, озера, тропы и др. Абсолютная система не является универсальной, но распространена она достаточно широко. Эта система особенно активно используется в языках Океании и даже реконструируется для океанийского прайзыка [Francois 2004].

Понятие «системы референции» не дает исчерпывающего описания пространственной концептуализации; оно охватывает только горизонтальную плоскость пространства и те случаи, когда референт и релятум находятся на некотором расстоянии друг от друга. Полноценное описание пространственной концептуализации, согласно Левинсону, требует включения остальных элементов пространственной модели: вертикального плана, движения, топологии, топонимии, дейксиса [Levinson 2003: 64–111]. Между тем именно пространственные отношения в горизонтальной плоскости легче всего поддаются психолингвистическому тестированию, чем и обусловлено повышенное внимание психолингвистов к данной области⁴. Наибольший интерес с точки зрения проблематики «язык и мышление» представляют языки, активно использующие абсолютную систему референции, а также языки, в которых отсутствует относительная система референции или в которых ее использование минимизировано. Главная задача заключается в том, чтобы понять, в какой степени использование подобной семантической структуры афиширует когнитивность и чем когнитивные способности носителей языков с доминирующей абсолютной системой отличаются от способностей носителей языков с иными стратегиями пространственного кодирования. В наше время существует достаточно много работ экспериментальной направленности, посвященных данной проблеме. Мы рассмотрим подробно задокументированные опыты С. Левинсона и Дж. Хэвиленда с носителями языка гуугу йимитхирр, опыты С. Левинсона и П. Браун с носителями языка цельталь, опыты Дж. Беннардо с носителями тонганского языка, опыты Ю. Вассманна и П. Дасена с носителями балийского языка, а также другие менее детальные опыты. Практически во всех современных исследованиях по данной проблеме используются лингвистические тесты и тесты на невербальное поведение, разработанные Исследовательской группой по когнитивной антропологии из Неймегена. Только часть из них описана в данном очерке (см. далее рис. 2, 3, 5), более подробное описание может быть найдено в работах [Senft 2007; Danziger 1993; Levinson 2003].

Наиболее интересные результаты удалось получить С. Левинсону и Дж. Хэвиленду с носителями языка гуугу йимитхирр. Гуугу йимитхирр (семья пама-ньюнга) – это язык, на котором говорят около 800 человек в деревне Хоп Вейл (Квинсленд, Австралия). Гуугу йимитхирр является агглютинативным и всецело суффиксальным языком, он характеризуется типичной австралийской системой фонем, эргативностью, свободным порядком слов и достаточно сложной именной и глагольной морфологией [Haviland 1979]. Главной особенностью языка гуугу йимитхирр является наличие абсолютной системы референции при практически полном отсутствии других типов референциальных систем. Абсолютная система выражается с помощью специального класса локативных имен. Четыре основных корня маркируют четыре базовых квадранта, которые сдвинуты по сравнению с румбом компаса примерно на 15–20° по часовой стрелке: *gunggaa-* «северная сторона», *jiba-* «южная сторона», *giwa-* «западная сто-

⁴ Далее мы также сосредоточим внимание именно на этом аспекте пространственной концептуализации.

рона», *naga*- «восточная сторона». От данных корней с помощью дюжины суффиксов (включая суффиксы некоторых падежей) образованы около 50 основ, которые с успехом покрывают всю горизонтальную плоскость пространственных отношений. Эти формы также регулярно используются при глаголах движения. Вместе с системой падежей и некоторыми топологическими обозначениями они составляют костяк пространственной лексики. По подсчетам Хэвиленда, примерно каждое десятое слово в речи носителей гуугу йимитхирр является локативным именем. В гуугу йимитхирр отсутствуют какие-либо признаки относительной системы референции: есть отдельные обозначения для правой и левой руки, но они не используются в пространственных описаниях; в этом языке, по-видимому, также отсутствует имманентная система референции (или, по крайней мере, используется крайне редко). С другими особенностями кодирования пространства в гуугу йимитхирр можно ознакомиться по работам Хэвиленда и Левинсона [Haviland 1993, 1998; Levinson 1997].

Императивность абсолютной системы референции связана в данном случае с семантической ограниченностью базовых локативных имен. Скудность базовой пространственной лексики, ее семантическая специфика, а также условия ее употребления способствуют тому, что носители языка гуугу йимитхирр должны уметь всегда точно определять собственное местоположение и расположение осей абсолютной системы для того, чтобы правильно говорить на родном языке. В тех случаях, когда для этого есть некоторые препятствия или когда это в принципе невозможно, они должны конструировать абстрактные оси. Многочисленные эксперименты, проведенные Левинсоном и Хэвиленом с аборигенами гуугу йимитхирр, показали, что особенности лингвистического кодирования оказывают существенное влияние на мышление, поведение, память, ориентацию в пространстве и прочие когнитивные способности. Рассмотрим вкратце некоторые из экспериментов.

Ситуация, изображенная на рисунке 1, была описана носителем гуугу йимитхирр, стоявшим лицом к северу, следующим образом [Levinson 2003: 119]:

<i>bula</i>	<i>gabiirr</i>	<i>gabiirr</i>	<i>nyulu</i>	<i>niiviip</i>	<i>yindu</i>	<i>buthiil</i>	<i>naga</i>	<i>nyulu</i>	<i>yindu</i>
DU	девочка	девочка	3SG	одна	другая	нос	восток	3SG	другая
<i>buthiil</i>	<i>jibaarr</i>	<i>yugu</i>	<i>gaarbaarr</i>	<i>yuulili</i>	<i>buthiil</i>	<i>jibaarr</i>	<i>nyulu</i>		
нос	юг	дерево	между	стоять	нос	юг		3SG	

baajilljil
плакать-NPST

«(Здесь) две девушки, одна (стоит) лицом к востоку, другая – лицом к югу, между ними стоит дерево; девушка, стоящая лицом к югу, плачет».

После смены расположения испытуемый менял описание в соответствии с направлениями осей абсолютной системы. Этот эксперимент показывает, что носители гуугу йимитхирр прибегают к конструированию абстрактных осей на основе реальных направлений в случаях, когда соответствующая информация не может быть получена извне. Все пространства, будь они актуальными или воображаемыми, кодируются носителями гуугу йимитхирр в соответствии с абсолютными осями. Данный вывод подтверждается также другим экспериментом, подготовленным Левинсоном. Десяти информантам был продемонстрирован шестиминутный фильм, в котором изображались различные события без каких-либо комментариев к ним. Задача состояла в том, чтобы пересказать содержание фильма другому носителю гуугу йимитхирр. В результате каждое из описаний содержало подробности, относящиеся к виртуальному пространству за экраном; события описывались так, как будто действия имели место в реальном пространстве с фиксированными осями абсолютной системы референции, при этом – как и в опыте с изображением – описание зависело от положения телевизора. Как заметил один из молодых информантов, «когда пожилые люди пересказывают сюжет, вам всегда известно, в каком они находились положении при просмотре телевизора» [Levinson 2003: 131]. В рамках другого эксперимента, поставленного Левинсоном, пяти испытуе-

Рис. 1.

мым было предложено рассказать о том, как нужно охотиться на большую морскую черепаху. Во всех случаях описание включало детали, касающиеся направления осей абсолютной системы и расположения охотников, лодки и черепахи в рамках этой системы [Levinson 2003: 144]. Абсолютная система также реконструировалась при переводе некоторых новозаветных высказываний с английского на гуугу йимитхирр и при описании сновидений [Levinson 2003: 144–145].

Особенности концептуализации пространства оказывают влияние на память, о чем свидетельствует серия экспериментов, проведенных Хэвилендом с пожилым информантом Джеком Бэмби. В 1980 г. Хэвиленд заснял на пленку повествование Джека Бэмби о том, как тот со своим приятелем потерпел кораблекрушение на небольшом двухмачтовом судне. Бэмби детально описал расположение главных

героев, само кораблекрушение, а также рассказал о возвращении домой вплавь по реке, кишащей акулами. При описании Бэмби активно использовал жестикуляцию, при этом он стоял лицом на запад. В 1982 году Бэмби вновь перед камерой рассказал историю о кораблекрушении. Он более или менее детально воспроизвел ту же информацию. При этом он также использовал жестикуляцию, но на этот раз Бэмби стоял лицом к северу. Хэвиленд сравнил две пленки и представил подробный анализ пространственной лексики и жестового языка [Haviland 1993]. Оказалось, что Бэмби не только в обоих случаях использовал идентичную пространственную лексику, но и жестикулировал, сообразуясь с собственным положением, относительно фиксированных осей абсолютной пространственной системы. Бэмби соблюдал точность в таких деталях, как расположение главных героев по отношению друг к другу, расположение лодки, направление прыжка с лодки, положение акулы и т. д.

Особенности запоминания пространственной информации проверялись также Левинсоном в эксперименте с группой носителей гуугу йимитхирр, которые за два с половиной месяца до эксперимента ездили на дипломатическую встречу, имевшую место в 250 километрах от Хоп Вейла. Встреча проходила в помещении без окон, находившемся достаточно далеко от города, так что связать положение здания с общей городской планировкой не было никакой возможности. Уже в Хоп Вейле Левинсон расспрашивал участников поездки о таких подробностях, как положение делегатов, планировка здания, расстановка мебели в номере отеля и др. Во всех случаях ответы испытуемых были мгновенными и точными [Levinson 2003: 131].

Наиболее интригующие результаты были получены Левинсоном в экспериментах, связанных с навигационным счислением пути. Основное предположение заключалось в том, что, благодаря специфической пространственной лексике, носители гуугу йимитхирр обязаны всегда точно знать направление абстрактных пространственных осей, чтобы говорить на родном языке. Для проверки данного тезиса Левинсон взял за основу более ранние опыты Льюиса, проводившиеся с пятью аборигенами Западной Австралии. В экспериментах принимали участие десять носителей гуугу йимитхирр в возрасте от 35 до 70 лет. Опыты проводились как во время поездок на сравнительно далекие расстояния от Хоп Вейла, так и в самом Хоп Вейле. Информанты заранее не знали о готовящемся эксперименте, все происходило спонтанно. Задача заключалась в том, чтобы указать расположение определенных объектов, находившихся вне зоны видимости

испытуемых. К таким объектам относились горы, устья рек, водопады, мысы, острова, стоянки животных и т. д. Расстояние от испытуемого до соответствующего объекта составляло от 2 до 350 км. В большинстве случаев испытуемый находился в условиях с ограниченным обзором (в среднем на 20–30 метров), возможность использования природных ориентиров была практически исключена. Вопреки ожиданиям Левинсона, ответ давался обычно в течение нескольких секунд, часто путем мгновенного жеста в направлении объекта. Далее полученные материалы сравнивались с показателями GPS-навигатора, компаса и наиболее детальными картами местности. Результаты свидетельствуют о крайне высоких способностях испытуемых к навигационному счислению. В общей сложности в 160 испытаниях среднее отклонение от правильного направления составило $13,5^\circ$, при этом отклонение от нормы в 45 случаях было меньше 5° , а 13 ответов оказались абсолютно точными (см. таблицы и обсуждение в [Levinson 2003: 216–243]).

Левинсон произвел подробное сравнение полученных результатов с аналогичными опытами, проводившимися П. Браун с носителями языка цельталь и Т. Видлоком с носителями койсанского языка хайльом. В обоих языках доминирует абсолютная система референции и результаты аналогичны тем, которые были получены с аборигенами гуугу йимитхирр. Левинсон и его коллеги провели также опыты с носителями английского и голландского языков, то есть языков, где доминирует относительная система референции. Испытуемые проявили низкую способность к навигационному счислению, хотя условия эксперимента были более простыми, чем в случае с носителями абсолютной системы ориентации. Носители английского языка, которые были специально подготовлены к эксперименту и задача которых заключалась в том, чтобы пройти 1 км в лесу и затем указать на начало пути, только в половине случаев попали в пределы 90° . Носители же голландского языка вообще не справились с заданием и показали результаты, которые с точки зрения статистики свидетельствуют о том, что положения объектов указывались ими случайно.

Таким образом, налицо корреляция между использованием абсолютной системы референции и способностями к навигационному счислению. Показанные носителями гуугу йимитхирр и цельталь результаты впечатляют: по подсчетам Левинсона, они являются более точными, чем результаты почтовых голубей! Левинсон резюмирует опыты по навигационному счислению следующим образом: «Для того чтобы говорить на языке, который кодирует углы на горизонтальной плоскости в абсолютных координатах, человеку необходимо быть постоянно сориентированным (знать положение “севера” или “юга”) и, кроме того, необходимо знать, где он или она находятся по отношению к другим местам, на которые может возникнуть необходимость указать. Эта система никогда не может “взять выходной”, поскольку никто не знает, о каком опыте или о каких направлениях человеку может понадобиться заговорить. Такие языки, как было показано, устанавливают более или менее устойчивое основание для навигационного счисления. Говорение на таком языке, следовательно, это достаточное, хотя и не обязательное, условие для того, чтобы хорошо владеть навигационным счислением» [Levinson 2003: 241].

Другая серия экспериментов, проведенная Левинсоном, включала в себя психологические тесты и задания, направленные на выявление особенностей неверbalного поведения. Левинсон исходил из предположения о том, что, в отличие от носителей языков с доминирующей релятивной системой референции, носители гуугу йимитхирр не должны каждый раз поворачивать систему координат при собственном вращении. Для проверки данного предположения были использованы разнообразные тесты из арсенала Исследовательской группы по когнитивной антропологии. В экспериментах участвовали носители гуугу йимитхирр и носители голландского языка. Прототип самого простого задания представлен на рисунке 2а: испытуемый смотрит на изображение стрелки, указывающей на север и, соответственно, в правую сторону, запоминает это изображение, разворачивается через некоторое время на 180° и выбирает на другом столе то изображение, которое, по его мнению, тождественно первому. Как показыва-

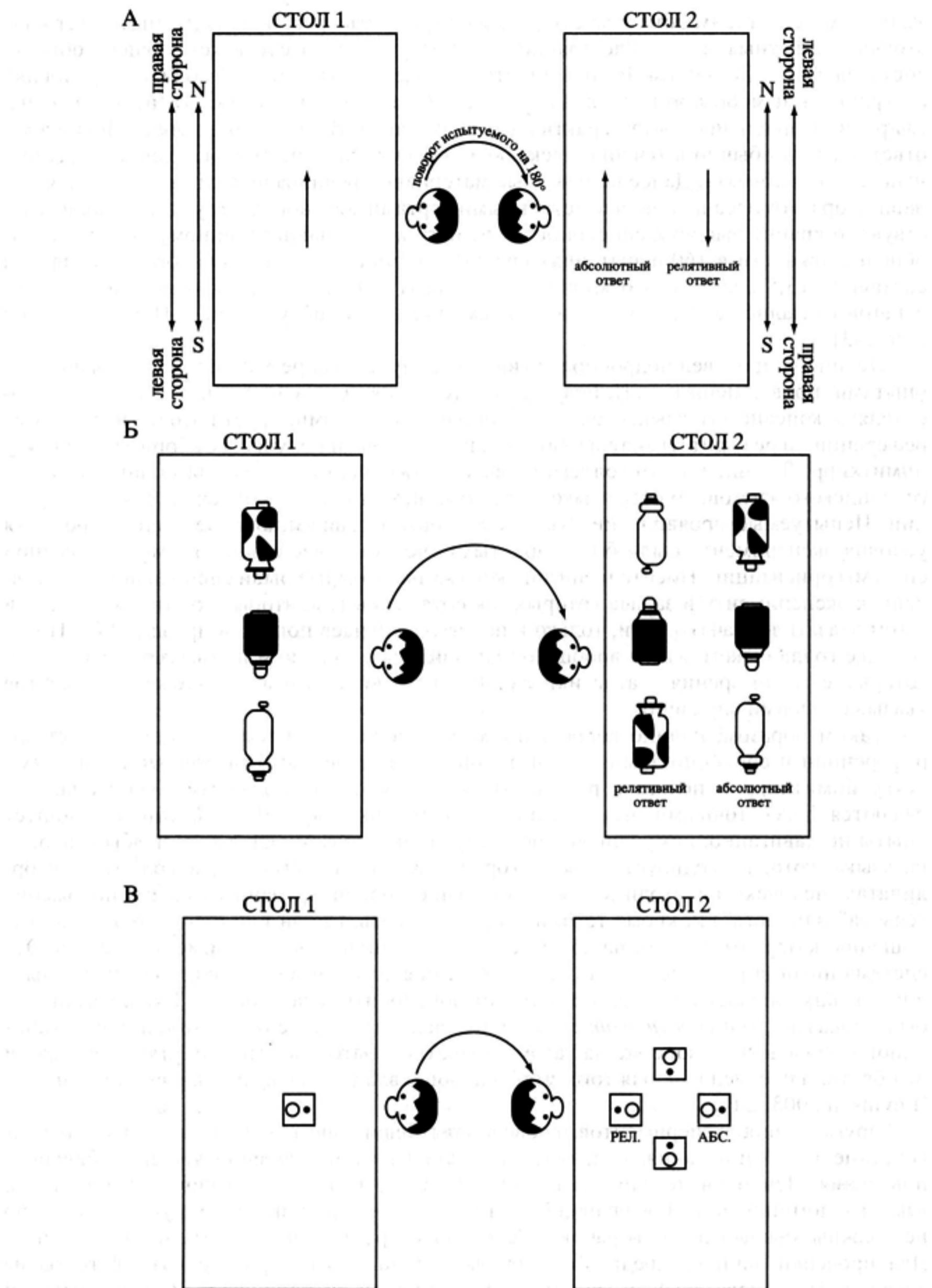

Рис. 2. Прототипы экспериментов Исследовательской группы из Неймегена
[Levinson 2003]

ют результаты, носители гуугу йимитхирр практически во всех случаях предпочитают изображение, которое указывает на север, а не вправо. По этой же модели построены и другие эксперименты (см. рис. 2).

Более сложное задание проводилось в двух противоположных комнатах, где была расставлена мебель так, что одна комната выступала полностью идентичной другой, но как бы повернутой на 180°. Испытание проводилось возле столов, стоявших в разных комнатах, поэтому испытуемые при подходе к столам оказывались лицом либо к северу, либо к югу. На столах раскладывались карточки с изображенными на них красными и голубыми прямоугольниками разной длины (см. рис. 3). Испытуемый заходил в первую комнату, где его просили запомнить одну из двух карточек; затем он шел к столу во второй комнате, где его просили указать карточку, идентичную той, которую он уже выбрал, и вновь запомнить ее. Далее испытуемый возвращался в первую комнату, где карточки уже поменяли местами; его вновь просили выбрать карточку, идентичную запомненной. Наконец, он шел во вторую комнату, где его ожидало то же самое задание, но карточки были разложены вдоль стола. Предположение заключалось в том, что носители гуугу йимитхирр будут запоминать карточку в соответствии с осями абсолютной системы. В испытании участвовали 12 носителей гуугу йимитхирр (билингвов) и 15 голландцев. Инструктаж по эксперименту проводился с аборигенами на английском языке, чтобы исключить возможность языкового влияния. Результаты эксперимента показывают, что носители гуугу йимитхирр чаще демонстрируют абсолютную тенденцию, которая заключается в том, что выбираемые карточки имеют одну и ту же структуру, не зависящую от точки наблюдения испытуемого. Из 34 попыток аборигенов 27 соответствовали абсолютному направлению и лишь 7 – релятивному. В противоположность этому носители голландского языка из 45 попыток показали 44 релятивных направления. Во всех других экспериментах у носителей гуугу йимитхирр также преобладает абсолютная тенденция, в то время как носители голландского языка неизменно демонстрируют релятивную тенденцию. Проведенные эксперименты и их результаты детально описаны в работе Левинсона [Levinson 1997].

К рассмотренным опытам Левинсон и Хэвиленд добавляют также разнообразные ремарки и нюансы, выявленные во время экспериментов, многочисленные анекдоты и факты рефлексии информантов-билингвов над спецификой собственного языка и собственного мышления. Приведенные материалы несомненным образом свидетельствуют о том, что мы имеем дело не просто с группой людей, хорошо ориентирующихся в пространстве, но с языковым сообществом, члены которого обладают специфическими когнитивными способностями, во многом детерминированными особенностями родного языка. Сложность представляет вопрос о том, в каком объеме и на каком этапе имеет место языковая детерминация, но корреляция между лексико-грамматическими особенностями языка и соответствующими когнитивными способностями несомненна. Проведенные эксперименты являются хорошим доказательством существования глубинного влияния языка на мышление и когнитивную область. Влияние затрагивает, прежде всего, память, ориентацию в пространстве, жесты, а также невербальное поведение в широком смысле. Большое значение имеют разбираемые Хэвилендом социокультурные и дискурсивные последствия языковой практики [Haviland 1993].

Важные результаты были получены С. Левинсоном и П. Браун в экспериментах с носителями языка цельталь из мексиканского города Тенеяп [Brown, Levinson 1992; 1993a; 1993b; 1994]. Цельталь (семья майя) – это язык, на котором говорят около 200 тыс. человек в штате Чьяпас на юго-востоке Мексики. Цельталь характеризуется умеренным полисинтезом, использованием суффиксов и префиксов, порядком слов VOS и чрезвычайно широким лексико-грамматическим инструментарием для маркирования пространственных значений. Подробное описание этого инструментария было сделано П. Браун [Brown 2006]. В языке цельталь используются встроенная и абсолютная системы референции. Встроенная система состоит из 15 обозначений частей тела человека и животных, которые проецируются на релятум. Эта система используется при описании отношений между фигурой и релятумом в случаях, когда они находятся

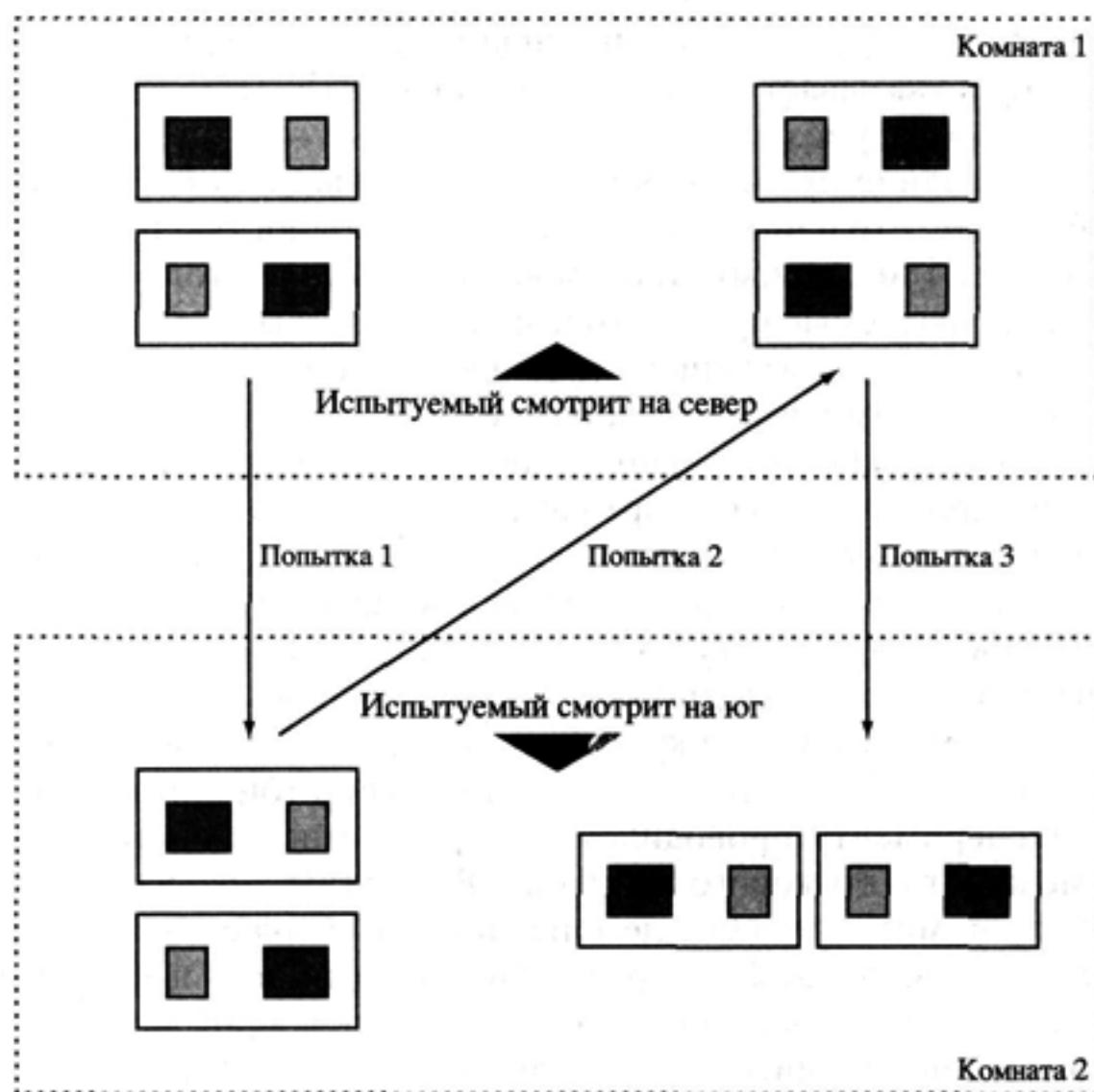

Рис. 3. Эксперимент, проводившийся с носителями гуугу йимитхирр [Levinson 2003: 137]

рядом. К обозначениям относятся как достаточно типичные – *jol* «голова», *elaw* «лицо», *akan* «нога», так и редкие – *ch'ijt* «желудок», *chikin* «ухо», *nuk'* «колено»; часто они также выражают топологический аспект пространственной концептуализации. Абсолютная система референции используется при описании отношений между фигурой и релятивом в тех случаях, когда они находятся на значительном расстоянии друг от друга. Одна из осей абсолютной системы абстрагирована на основе расположения главного холма: *ajk'ol* «вверх по холму» и *alan* «вниз по холму» фактически обозначают «юг» и «север», в определенных позициях эти слова обозначают также «верх» и «низ». Другая ось не разделена на восточную и западную часть и выражена только одним существительным *jejch* «поперек (на восток или на запад)». Что касается релятивной системы референции, то ее элементы отсутствуют в языке цельталь: есть отдельные обозначения для левой и правой руки, передней и задней частей тела, но они не используются для маркирования пространственных отношений.

Влияние абсолютной системы ориентации на когнитивные способности индейцев цельталь ведет к тем же последствиям, что и в случае с носителями гуугу йимитхирр: индейцы цельталь конструируют все реальные и воображаемые пространства в соответствии с осями абсолютной системы, они хорошо ориентируются в пространстве, с точностью используют язык жестов, отдают себе отчет в специфике собственного мышления и часто шутят по этому поводу. Навигационные способности носителей цельталь исследовались П. Браун, о чем уже было сказано ранее; в целом результаты несколько хуже, чем у аборигенов гуугу йимитхирр (что, возможно, объясняется нестандартностью условий эксперимента), но по точности они значительно превосходят результаты англичан и голландцев. Наконец, целая серия опытов по выявлению особенностей неверbalного поведения свидетельствует о том, что носители цельталь, как и носители гуугу йимитхирр, тяготеют к абсолютному кодированию пространственных отношений и избегают релятивного кодирования. Эксперименты были того же типа, что и в случае

с австралийскими аборигенами (см. рис. 2), поэтому мы не будем сейчас на них останавливаться; их подробное описание можно найти в работах Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1993a; Levinson 2003].

Специального рассмотрения заслуживает вопрос о том, как отсутствие релятивной системы ориентации влияет на когнитивные способности индейцев. В языке цельталь существуют обозначения для правой и левой руки: *xin k'ab(al)* «левая рука» и *wa'el k'ab(al)* «правая рука». Оба слова являются композитами, состоящими из существительного «рука», *k'ab*, и существительного со значением стороны. Обозначения сторон могут также употребляться в отношении ног и в некоторых случаях в отношении ушей и глаз, но вне композитов они не встречаются. Обозначения правых и левых конечностей применимы только к людям и животным, при этом они никогда не используются как обобщенные пространственные понятия, то есть они не могут рассматриваться в качестве абстрактных указателей направления, также они не могут проецироваться на неодушевленные объекты. Отсутствие у неодушевленных объектов «правой» и «левой» стороны является важной спецификой встроенной системы референции. Выше уже отмечалось, что в языке цельталь используются встроенная и абсолютная системы. Встроенная система используется в тех случаях, когда расстояние между фигурой и релятумом минимально, и часто она пересекается с топологическими описаниями; в остальных случаях используется абсолютная система. Специфическая дополнительная дистрибуция между референциальными системами в совокупности с отсутствием релятивной системы и спецификой встроенной системы оказывает существенное влияние на когнитивные способности: вероятно, именно здесь кроется главная причина того, что носители языка цельталь испытывают трудности при различении зеркальных образов.

Проблеме различия зеркальных образов, или энантиоморфов, посвящено классическое исследование Браун и Левинсона [Brown, Levinson 1994]. Они рассматривают особенности мышления носителей языка цельталь в контексте западных представлений об универсальности противопоставления левой и правой сторон тела. Из западных исследователей принципиальную необходимость такой дистинкции отстаивал Кант в «докритический» период своего творчества [Кант 1964 (1768)]. В полемике с теорией Лейбница о пространстве как о совокупности отношений между вещами Кант привел несколько мысленных экспериментов, которые, по его мнению, показывают, что при отсутствии восприятия асимметрии трехмерного абсолютного пространства, производной от асимметрии нашего тела, мы должны были бы считать зеркально отраженные объекты тождественными. Кант привел пример с правой и левой рукой, а также с перчатками для правой и для левой руки, но его тезис справедлив и в отношении других энантиоморфов. Несколько упрощенно тезис Канта можно резюмировать следующим образом: не имея представления о левой и правой стороне человеческого тела, мы не можем иметь и представления о левой и правой сторонах внешнего объекта, а значит, энантиоморфы должны казаться нам одним и тем же объектом; более того, согласно Канту, другим следствием данной ситуации было бы неразличение восточного и западного направлений, а также неразличение движения по часовой стрелке и против часовой стрелки. Браун и Левинсон добавляют к данному тезису Канта другие европейские концепции, предполагающие универсальность чувства асимметрии. Например, Р. Герц указывал, что асимметрия левого и правого всегда метафорически связана с такими социальными явлениями, как смерть и рождение, ложь истина, зло и добро и т. д., а Ж. Пиаже выделял три универсальные стадии в усвоении детьми понятий «левого» и «правого»: до усвоения этих понятий дети всегда их смешивают, далее на первой стадии они учатся различать собственные руки, на второй стадии они правильно определяют руки собеседника, на третьей стадии они уже используют «левое» и «правое» для указания пространственных отношений между объектами. Рассматривая эти и другие концепции с опорой на лексико-грамматические особенности языка цельталь и результаты многочисленных экспериментов, Браун и Левинсон показывают, что многие из западных теорий, претендующих на универсализм, в действительности не являются универсальными.

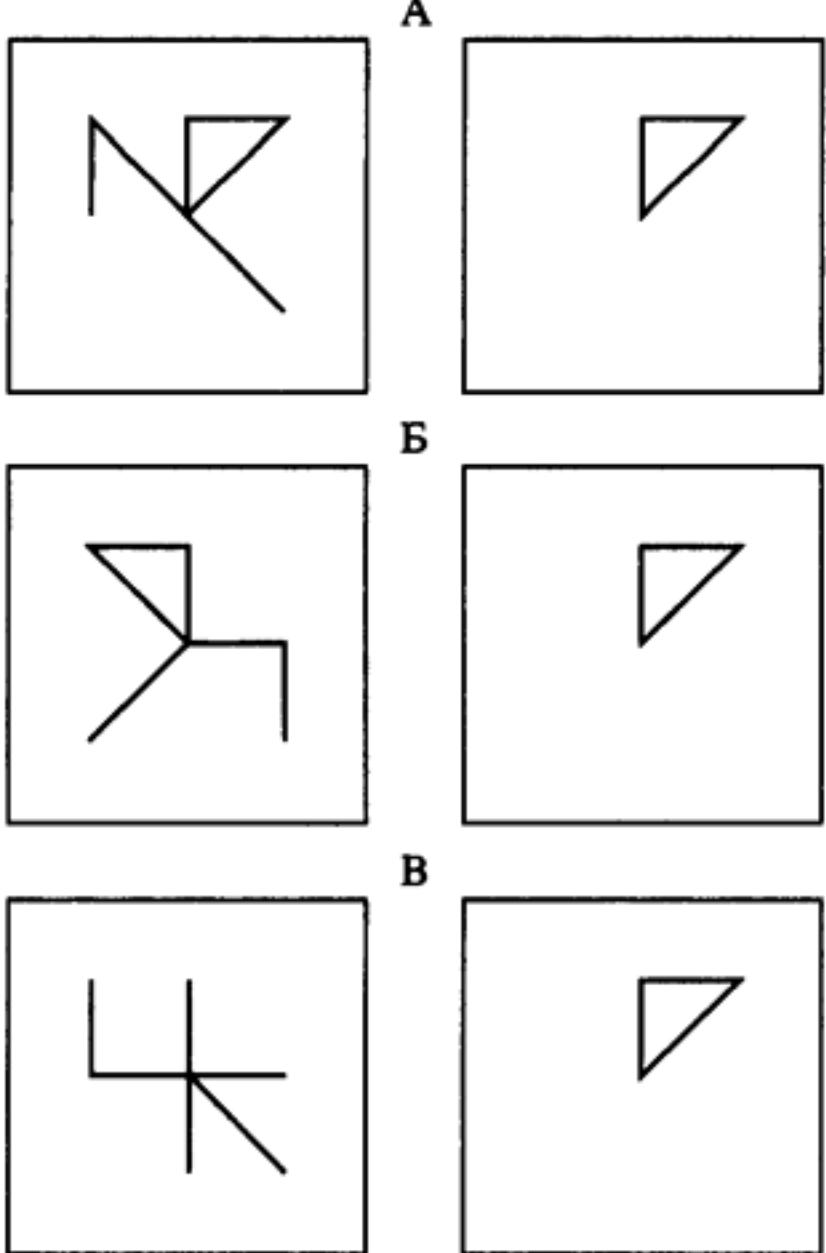

Рис. 4. Тест на различение энантиоморфов [Brown, Levinson 1994: 31]

из фигур заменялась ее энантиоморфом (рис. 4б). Наконец, добавлялась третья пара рисунков, на одном из которых изображена самостоятельная фигура, а на другом – группа линий, из которых не может быть вычленена исходная фигура (рис. 4в). Общая модель эксперимента представлена на рисунке 4. Задача испытуемых заключалась в том, чтобы определить, в каком случае перед ними одна и та же фигура, в каком – зеркальный образ, а в каком – набор линий. В эксперименте принимали участие 16 индейцев цельталь и 15 носителей голландского языка. Как и предполагалось, все носители голландского языка с легкостью отличили фигуру от ее зеркального образа. Что касается говорящих на языке цельталь, то только один человек из 16 регулярно отличал фигуру от энантиоморфа. При этом все испытуемые хорошо отличали фигуру от не-фигуры, что говорит о правильном понимании задания. Чтобы исключить влияние социокультурных факторов, в частности неграмотности испытуемых, были проведены аналогичные эксперименты с индейцами тотонак, живущими в сходных географических и культурных условиях, но говорящих на другом языке. Тотонаки справились с заданием примерно на том же уровне, что и носители голландского языка. Проходившие похожие тесты неграмотные европейцы также хорошо справились с заданием.

Интересно, что индейцы цельталь демонстрируют разную способность к различению энантиоморфов в зависимости от того, являются энантиоморфы одушевленными или нет. Вероятно, это связано с тем, что различие «правой» и «левой» частей тела дано в языке цельталь только в рамках встроенной системы референции и только в отношении одушевленных существ. В одном из экспериментов испытуемым предлагалось описать рисунки, на которых были изображены люди. При описании, как правило,

В общей сложности Браун и Левинсон провели 11 экспериментов, посвященных данной проблеме [Brown, Levinson 1992; 1994]. Проверялись такие особенности мышления индейцев цельталь, как способность к различению собственных рук и рук собеседника, способность к различию неодушевленных энантиоморфов, способность к выделению характерных черт энантиоморфов и др. Результаты, полученные с носителями цельталь, сопоставлялись с результатами аналогичных экспериментов, проводившихся с группой голландцев. В большинстве случаев имеют место принципиальные различия в выполнении заданий, которые свидетельствуют о глубинной корреляции между когнитивными способностями и лексико-грамматическими особенностями концептуализации пространства.

В одном из экспериментов испытуемым предлагались 19 пар изображенных фигур, каждая пара состояла из самостоятельной фигуры и той же самой фигуры, вписанной в какой-либо рисунок, из которого, как предполагалось, она с легкостью может быть вычленена. Два треугольника, изображенные на рисунке 4а, являются примером такой пары. Далее к этой паре добавлялась пара тех же фигур, но одна

использовались слова, обозначающие части тела. Например, рисунок с мужчиной, стоящим с правой стороны от женщины, описывался с помощью следующей фразы:

<i>Tek'el</i>	<i>ta,</i>	<i>ta</i>	<i>s-wa'el</i>	<i>k'ab</i>	<i>te</i>	<i>antz</i>	<i>te</i>	<i>winik-e</i>
стоять	PREP	PREP	3SG.ERG-правая	рука	ART	женщина	ART	мужчина-CL
«Мужчина стоит по правую руку от женщины».								

В данном случае используется встроенная система референции, поскольку описание производится с опорой на особенности строения релятума («правая рука женщины»). Но подобное описание не применяется носителями цельталь к неодушевленным предметам, поэтому, например, описание картинки с изображененным кубом и конусом является одним и тем же вне зависимости от того, находится конус по левую или по правую сторону от куба. Данная информация просто нерелевантна для индейца цельталь. Но самое удивительное то, что фотография неодушевленного предмета и фотография его энантиоморфа описываются испытуемыми как «одно и то же», а сфотографированная рука лишь с большим трудом распознается как «правая» или «левая» [Brown, Levinson 1994: 29-30].

Слова со значением «вверх по холму» и «вниз по холму», играющие важную роль в рамках абсолютной системы референции, в некоторых контекстах также используются носителями цельталь для обозначения «верх» и «низа». Возможность такого дейктического использования понятий, исконно функционирующих внутри абсолютной системы, заставляет предполагать, что неразличение направлений одной из абсолютных осей (*jejch* «поперек») связано с отсутствием обозначений для правой и левой стороны (ср. с идеей Канта о том, что без различия левой и правой стороны мы не могли бы различать восток и запад). Интересно, что абсолютной системе в языке цельталь соответствует система из трех глаголов движения, в которой одна из осей также немаркирована с точки зрения направления: глагол *to* значит «идти вверх», *ko* – «идти вниз», а глагол *jelaw* «идти поперек». Как отмечают Браун и Левинсон, направления не различаются и в круговом движении: не существует противопоставления между движением по часовой стрелке и движением против часовой стрелки.

Лексико-грамматические особенности языка и специфика когнитивных способностей коррелируют с некоторыми особенностями культуры индейцев. Прежде всего, заслуживает упоминания тот факт, что в культуре цельталь отсутствует символическая оппозиция между «правым» и «левым» («правое» не ассоциируется с «правильным», «истинным», «хорошим» и т. д.), хотя таковая встречается уже в соседней культуре цоциль. В ритуальной системе направления не обладают символическим смыслом, и процессы могут идти вокруг города как по часовой, так и против часовой стрелки; в некоторых случаях отдается предпочтение одному из направлений, но выбранное направление никогда не имеет символического значения. Жилище обладает определенным внутренним планом, но его развертывание (слева направо или справа налево) произвольно и в разных домах реализуется по-разному. Центральный вход в жилище открывается не слева направо и не справа налево, но вовнутрь. Традиционные сосуды никогда не имеют только одну ручку, которую можно было бы расположить справа или слева. В культуре также практически не встречаются пары объектов-энантиоморфов (исключением является только обувь). Было бы преждевременным считать, что все эти особенности культуры являются следствием специфики языка, но имеющаяся корреляция не может быть признана случайной. Очевидно, отсутствие у индейцев цельталь внимания к асимметрии, выводимое из особенностей языковой концептуализации, оказывает существенное влияние на поведение, а значит – и на культуру, но для определения границ этого влияния еще требуются детальные исследования.

Таким образом, язык цельталь сразу с нескольких точек зрения представляет интерес для проблемы лингвистической относительности. Во-первых, при описании пространственных отношений между фигурой и релятумом в нем часто используется абсолютная

система референции, что способствует конструированию всех реальных и воображаемых пространств в соответствии с осями абсолютной системы; также это является предпосылкой хорошей ориентации в пространстве, прекрасных навыков навигационного счисления и условием специфического невербального поведения. Во-вторых, используемая встроенная система обладает целым рядом особенностей, связанных с проекцией частей тела человека и животных на релятум, что пока лишь частично исследовано в рамках когнитивной проблематики (ср. здесь же разветвленная система терминов для топологических описаний). В-третьих, дополнительная дистрибуция между абсолютной и встроенной системами, а также отсутствие релятивной системы выступают условием неразличения энантиоморфов. Эта особенность языка цельталь является уникальной, и она ведет к уникальным последствиям в когнитивной сфере. На релятум в рамках встроенной системы и при топологическом описании могут проецироваться обозначения правой и левой конечностей, но лишь при условии, что релятум является одушевленным существом. Если же релятум является неодушевленным объектом, то в отношении него понятия «правая» и «левая» конечность, а значит и вообще разделение на правое и левое, теряют смысл. В гуугу йимитхирр также нет релятивной системы референции и обозначений для правой и левой стороны, но различие сторон любого объекта обусловлено обязательным использованием абсолютной системы (ср. восточная сторона объекта vs. западная сторона объекта). В языке цельталь одна из осей абсолютной системы дефективна, а сама абсолютная система используется не во всех случаях – при небольших расстояниях она уступает место встроенной системе. Данная специфика пространственной концептуализации ведет к тому, что индейцы цельталь демонстрируют слабую способность к различению неодушевленных энантиоморфов. Браун и Левинсон резюмируют полученные ими результаты следующим образом: «В свете большей части западных теорий существование культуры, которая не использует телесное разграничение правого / левого для пространственной концептуализации, представляется весьма шокирующим... Различие правого / левого просто не такое принципиальное или “естественное”, как наша космологическая схема хотела бы это представить. Так что мы можем надеяться найти множество других культур, где, как в тенеяпа, правое и левое или правая рука и левая рука – это слова, которые обладают не большим теоретическим резонансом, чем краткое и долгое или нога и зуб» [Brown, Levinson 1994: 32–33].

В рамках лингвистической теории пространства С. Левинсона выполнены работы исследователей, объединенные в сборник под редакцией Левинсона и Уилкинса [Levinson, Wilkins 2006]. Сборник посвящен описанию моделей пространственной концептуализации на материале 12 языков. Оно часто дополняется психолингвистическими заданиями, позволяющими оценить особенности мышления носителей тех или иных языков. Большим преимуществом данного сборника является то, что лингвистический материал структурирован здесь на основе единой типологии, что позволяет оценивать и сравнивать разные языки по одному и тому же параметру или по способу концептуализации определенных пространственных значений. Психолингвистические тесты также проводятся на основе унифицированной системы, в основном включающей в себя группу изображений. Специальные тесты на невербальное поведение отсутствуют, но благодаря описанным ранее экспериментам, проведенным Левинсоном, Хэвилендом, Браун и др., можно составить себе приблизительное представление о когнитивных предпочтениях носителей языков с определенной моделью пространственного кодирования.

Для наших целей наибольший интерес представляют задания, связанные с использованием различных типов систем референции. Одно из таких заданий включает в себя описание группы иллюстраций под названием «Человек и дерево» (см. рис. 5). В эксперименте принимают участие двое испытуемых, отделенных друг от друга перегородкой или иным способом. Один из испытуемых описывает одно или несколько изображений, другой испытуемый должен выбрать из группы иллюстраций изображение, соответствующее описанию. В это время описание фиксируется организаторами эксперимента и затем анализируется для выявления доминирующей в языке системы референции. Ниже мы приводим результаты по нескольким языкам:

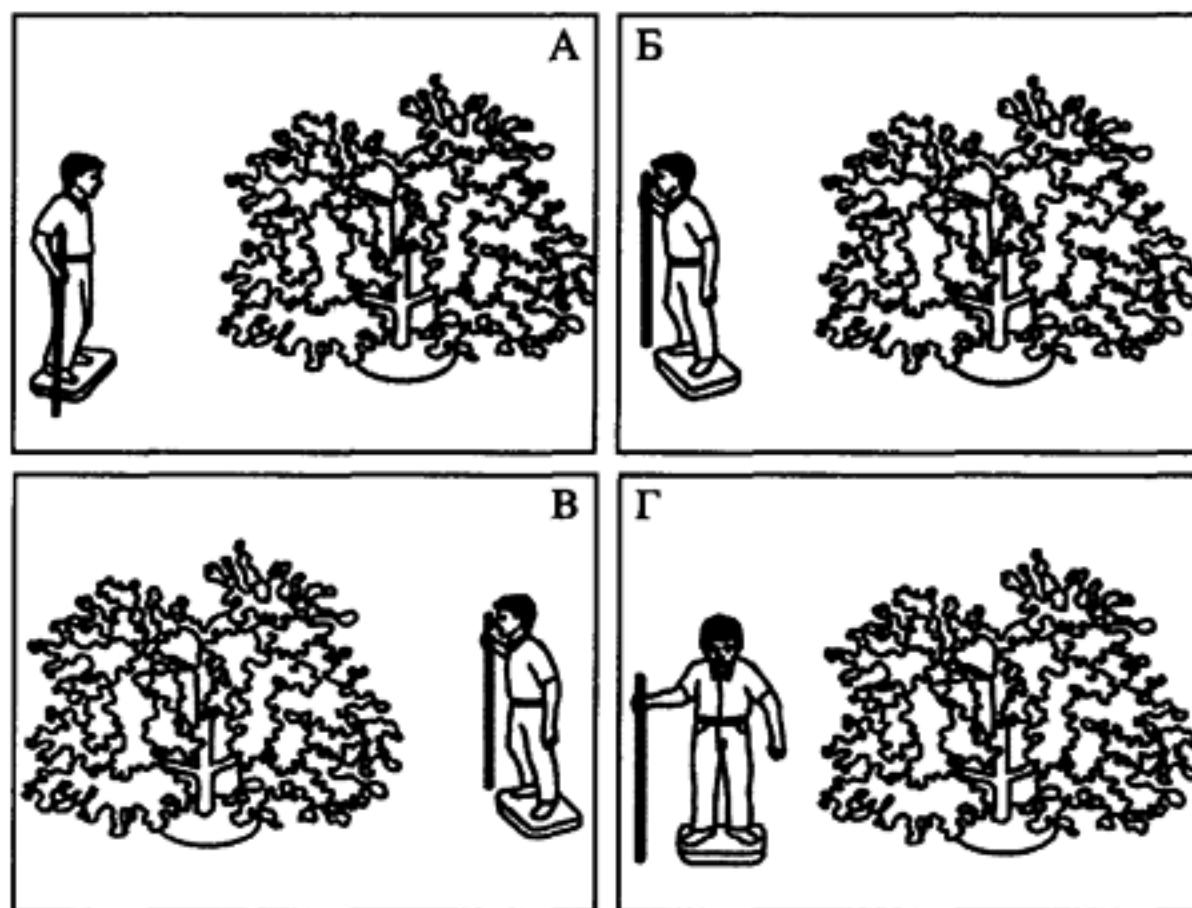

Рис. 5. Иллюстрации из лингвистического задания «Человек и дерево» [Levinson, Wilkins 2006: 12]

Язык: аррернте (Австралия, семья пама-ньюнга)

Система референции: абсолютная (без привязки к ландшафту), встроенная

Исследователь: Д. Уилкинс [Wilkins 2006: 54–55]

Описывается рисунок За, испытуемые ориентированы лицом на юг.

<i>nhenhe-le</i>	<i>alturle-theke</i>	<i>atne-rle.ne-me-rle,</i>	<i>arne</i>	<i>re</i>	<i>kenhe</i>
это-LOC	запад	стоять-PROG-NPST-REL	дерево	3SG.SBJ	CONN
<i>ikwere-nge</i>	<i>alturle-ampinye,</i>	<i>kenhe re</i>	<i>ikngerre-le-arle</i>	<i>atne-rlanerlenga</i>	
3SG.DAT-ABL	запад	CONN	3SG.SBJ	восток-LOC-REL	стоять-PROG

«Здесь (он) стоит (лицом) к западу, дерево же в западной стороне от него, в то время как он стоит в восточной стороне».

Язык: варрва (Австралия, нюлнюлская семья)

Система референции: абсолютная (без привязки к ландшафту), встроенная

Исследователь: У. Мак-Грегор [McGregor 2006: 153]

Описываютя рисунки 3г и 3б, испытуемые ориентированы лицом на север.

<i>yalmban-kudan</i>	<i>yaalu</i>	<i>i-nga-n</i>	<i>wardiya-wurdany</i>	<i>yaalu</i>
юг-СОМ	стоять	3NOM-быть-PRS	запад-СОМ	стоять
<i>i-nga-n,</i>	<i>wardiya,</i>	<i>rirrban</i>	<i>i-nga-n</i>	<i>baalu,</i>
3NOM-быть-PRS	запад	сбоку	3NOM-быть-PRS	<i>baani-wudany</i>

«Этот стоит к югу; этот (другой) стоит (лицом) на запад, дерево же востоку от него».

Язык: йели-дне (остров Россел, изолят)

Система референции: абсолютная (с частичной привязкой к ландшафту), встроенная, релятивная

Исследователь: С. Левинсон [Levinson 2006а: 184–185]

Описывается рисунок За, испытуемые ориентированы лицом на восток.

<i>pi</i>	<i>и</i>	<i>niw:o</i>	<i>kraipi</i>	<i>и</i>	<i>kêténi</i>	<i>ngma</i>	<i>a</i>	<i>тбб;</i>	<i>yi-riii</i>	<i>kraipi</i>
человек	его	лицом	холм	его	сторона	INDF	DEM	сидеть	куст	холм
<i>и</i>	<i>kêténi</i>	<i>wunê</i>	<i>kwo</i>							
его	направление	уже	стоять							

«Здесь человек, сидящий своей передней стороной в направлении холма (= на юг)... Куст стоит в стороне холма (= к югу)».

Язык: юкатекский (Мексика, семья майя)

Система референции: встроенная, абсолютная, релятивная

Исследователь: Ю. Бонмайер и К. Штольц [Bohnemeyer, Stoltz 2006: 302]

Описывается рисунки 3б и 3в.

kax-t и *láak'* *hun-p'éel-o'*, и *sut-mah* и *páach*
искать-APPL ART другой некто-CLF-DEM ART поворачиваться-PRF ART назад
ti'; и *láak'* *hun-p'éel-o'*, *fréenteh* *táan-il* *yàan ti'*, *aktáan-il*
LOC ART другой некто-CLF-DEM перед перед-REL быть LOC перед-REL
yáan *ti'*
быть LOC

«Посмотри на другого, он повернут задней частью к нему (= дереву)... Вот другой, спереди, он перед ним (= деревом), он напротив него (= дерева)».

Язык: японский (Япония, алтайская семья?)

Система референции: релятивная, встроенная, абсолютная

Исследователь: С. Кита [Kita 2006]

Описывается рисунок 3а.

tsugi-wa *hito-ga* *ki-no* *hidari-gawa-ni* *i-te*
следующий-TOP человек-NOM дерево-GEN левая-сторона-DAT быть-CONN
ki-o *mi-te-i-ru* *shashin*
дерево-ACC смотреть-CONN-IPFV-PRS фото

«На следующей фотографии человек с левой стороны от дерева, он стоит лицом к дереву».

Членами Исследовательской группы по когнитивной антропологии также были проведены многочисленные эксперименты, в которых проверялись когнитивные предпочтения и невербальное поведение носителей языков с разными моделями пространственной концептуализации. Были проведены эксперименты с носителями 20 языков. Задания включали в себя как опыты, изображенные на рис. 2, так и некоторые другие. Результаты суммированы в следующих работах: [Pederson et al. 1998; Majid et al. 2004; Levinson 2003: 170–215]. Эксперименты подтвердили главный тезис: невербальное поведение и когнитивные предпочтения коррелируют с преобладающими в языке системами референции. Носители языков с доминирующей абсолютной системой неизменно демонстрируют абсолютную тенденцию, в то время как носители языков с доминирующей релятивной системой склонны к повороту системы координат вместе с собственным вращением. Результаты экспериментов не могут быть объяснены нелингвистическим контекстом. Испытуемые демонстрировали соответствующие склонности вне зависимости от места проведения эксперимента (помещение или открытые пространства), а также независимо от пола, возраста и степени образованности. Объяснить абсолютную тенденцию деревенским образом жизни, а релятивную – городским также в полной мере не удается, хотя определенная корреляция между городским образом жизни и использованием релятивной системы имеет место. Урбанизация вместе с билингвизмом, безусловно, способствуют использованию релятивной системы и игнорированию абсолютной. Результаты экспериментов представлены в таблице 1⁵.

Образцовым исследованием, выполненным в рамках неорелятивистской парадигмы и, следовательно, сочетающим в себе элементы релятивизма и универсализма, является

⁵ Языковая семья: п.-н. – пама-ньюнга, австронез. – австронезийская, тиб.-бирм. – тибето-бирманская, и.-е. – индоевропейская, джам. – джаминджунганская, дравид. – дравидийская. Система референции: х указывает на то, что система референции используется в языке; (х) указывает на использование системы референции лишь в ограниченных случаях; X указывает на базовую систему референции, используемую при описании пространственных отношений между небольшими объектами; X указывает на используемую в невербальном поведении систему (тестировались не все языки). Экологическая зона: П – пустыня, Тр – тропики, ВлСТр – влажные субтропики, Ум – умеренный климат, СТр – субтропики, Св – саванны, ТрДждЛ – тропический дождевой лес, Ал – альпийская тундра. Тип поселения: Д – деревенский, Г – городской. Тип хозяйства: О-С – охота и собирательство, С/х – сельское хозяйство, Инд – индустриальное общество.

монография Дж. Беннардо [Bennardo 2009]. Работа Беннардо посвящена языку, мышлению и культуре народа тонга. Вероятно, на данный момент это самая подробная и разносторонняя монография, в которой язык и культура определенного народа рассматривались бы в связи с проблематикой когнитивности и лингвистической относительности. К тому же, это единственная известная нам монография такого типа, в которой использование полевого материала сочетается с многочисленными экспериментами. Взгляды Беннардо нельзя назвать релятивистскими в строгом смысле слова. Беннардо работает в рамках неорелятивистской парадигмы, но сам он считает классическую формулировку гипотезы лингвистической относительности устаревшей. Ему также принадлежит обзор старых и новых исследований по проблеме «язык и мышление», в котором он пытается показать, что современные данные когнитивных наук требуют перехода от классической формулировки лингвистической относительности к проблеме соотношения языка, мышления и культуры в контексте модулярной теории когниции [Bennardo 2003].

В теоретической позиции Беннардо определяющую роль играют две идеи, касающиеся природы и структуры когнитивности: модель «репрезентационной модулярности» Р. Джекендоффа и «интенсиональный» подход Дж. Келлер, Ч. Келлера и Ф. Лемана. Гипотеза Джекендоффа представляет собой попытку расширить генеративный метод Хомского путем включения семантического анализа. Джекендофф предлагает специфическую модель когнитивности, согласно которой разум конституируется с помощью совокупности взаимосвязанных модулей. Центральную роль играют «концептуальные структуры», представляющие собой уровень ментального представления, в котором отображается вся информация и благодаря которому она связана с другими модулями; этот уровень имеет пропозициональную архитектуру и имеет сходство с синтаксическими структурами. С модулем концептуальных структур связаны другие модули, среди которых, согласно последней версии теории, можно выделить языковой модуль, модуль социальной когниции, модуль действия и модуль пространственных представлений [Jackendoff 2007]; модулярная организация позволяет перейти от классической формулировки лингвистической относительности к проблеме доминирования определенных структур в рамках целостной когниции. Что касается «интенсионального» подхода Дж. Келлер, Ч. Келлера и Ф. Лемана, то его главная идея заключается в том, что когнитивность всегда выражена в действии, а познавательные структуры представляют собой лишь эфемерные совокупности концептуальных единиц, временно конструирующиеся для ответа на какой-либо внешний вызов или для решения конкретной задачи; иначе говоря, познавательные структуры не существуют в законченной форме, но каждый раз порождаются на основе определенных правил. Используя эти две гипотезы, Беннардо частично модифицирует модель пространственной концептуализации С. Левинсона и показывает, каким образом определенные пространственные представления, отраженные в тонганском языке, связаны с другими когнитивными модулями и воспроизведены в них. Базовую схему тонганского мышления, на основе которой порождаются все другие, Беннардо называет «радиальностью» (radiality), тонганцы же, по его мнению, обладают «радиальным умом» (radial mind).

Радиальность заключается в том, что лежащая в поле досягаемости точка, отличная от этого, рассматривается в качестве источника / цели при выстраивании отношений между другими точками этого поля, включая это; данную идею можно также определить как специфический тип деперсонализации, что соответствует социоцентрическому характеру тонганского этого [Bennardo 2009: 13–15]. Радиальность доминирует в тонганском мышлении, но с когнитивной точки зрения она не является достоянием только тонганского мышления. По мнению Беннардо, она составляет одну из возможных когнитивных структур, или «когнитивных молекул». Беннардо сравнивает содержание данного понятия с такими концепциями когнитивной науки, как «фрейм», «скрипт», «ментальная модель», «культурная модель». Он пишет: «Эти структуры функционируют на различных уровнях, от простых, таких как созерцание формы объекта, понимание значения слова или восприятие очертания лица в качестве улыбки, до наиболее слож-

Таблица I

**Результаты экспериментов Исследовательской группы по когнитивной антропологии
(приводятся из [Majid et al. 2004: 112] с дополнениями из [Levinson 2003: 182])**

Язык	Языковая семья	Система референции			Экологическая зона	Тип поселения	Тип хозяйства
		встроенная	релятивная	абсолютная			
аррернте	п.-н.	x		X	П	Д	О-С
балийский	австронез.	x	x	X	Тр	Д	С/х
белхаре	тиб.-бирм.	x	x	X	ВлСТр, Ал	Д	С/х
голландский	и.-е	x	X	(x)	Ум	Г	Инд
английский	и.-е.	x	X	(x)	Ум	Г	Инд
эве	нигер-конго	X	X	X	СТр	Д	С/х
гуугу йимит-							
хирр	п.-н.	x		X	ТрДжДЛ	Д	О-С
хайлъом	койсанская	x	(x)	X	П	Д	О-С
джаминджунг	джам.	X	(x)	(x)	Св, Тр	Д	О-С
японский	(?)	x	X	(x)	Ум	Г	Инд
кгалагади	банту	X	X	X	Тр, Ст	Д	С/х
киливила	австронез.	X	X	X	ТрДжДЛ	Д	С/х
лонггу	австронез.	x	(x)	X	ТрДжДЛ	Д	С/х
мопан	майя	X		(x)	ТрДжДЛ	Д	С/х
тамильский	дравид.	x	X	X	Св	Г + Д	С/х
тирийо	カリбская	X	X	X	ТрДжДЛ	Д	О, С/х
тотонак	тотонакская	X		(x)	Ум	Д	С/х
цельталь	майя	x		X	СТр, Ал	Д	С/х
варрва	ньюньюлская	x		X	П	Д	О-С
юкатекский	майя	X	X	x	ТрДжДЛ	Д	О-С

ных, таких как созерцание движения на переполненной улице, понимание длительной речи или оценка собственного поведения и поведения других» [Bennardo 2009: 174]. Радиальность по своему происхождению является пространственным феноменом, что связано с особой ролью восприятия пространства в познании человека, и как таковая она принадлежит к модулю пространственных представлений.

Подробное описание особенностей концептуализации пространства в языке тонга (океанийская семья) можно найти в целом ряде работ Беннардо [Bennardo 1996; 2003; 2009]. Для выражения пространственных значений в тонганском языке используются предлоги, наречия и пространственные имена. Особенностью языка тонга является то, что в нем для этой цели используются только три предлога: *'i* «возле», *ki* «к», *mei* «от» (для сравнения – в английском используется от 80 до 100 предлогов [Jackendoff 1992: 107–108]). Основную семантическую нагрузку в кодировании пространственных значений несут пространственные имена. В тонганском языке используются все три системы референции: релятивная, встроенная и абсолютная. Релятивная система представлена несколькими подтипами, в том числе достаточно редким трансляционным подтипом, при котором вторичная подсистема переносится на релятум без поворота и отражения (то есть «перед» оказывается не между объектом и говорящим, а за объектом). Для выражения релятивной системы используются все три пространственных предлога, а также пространственные имена: *ti'a* «перед», *tui* «сзади», *to'ohema* «лево», *to'omata'i* «право». Встроенная система не обладает какими-либо особенностями и выражается с помощью тех же средств, что и релятивная система. Наконец, абсолютная система представленаическими подтипами, среди которых встречаются подтипы с фиксированной осью и подтипы с привязкой к ландшафту. Большое значение для мышления тонганцев имеет специальный подтип абсолютной системы, который Беннардо называет «радиальным». Этот подтип состоит из одной оси, направленной к объекту в поле эго; положение референта может быть либо «к» объекту, либо «от» объекта (ср. «он стоит лицом к Джону»). Абсолютная система кодируется с помощью пространственных имен: *hahake* «восток», *hihifo* «запад», *tokelau* «север», *tonga* «юг», *tahi* «море, океан», *kolo* «город», *lalo* «низ», *'ita* «вглубь острова».

Пространственные значения в тонганском языке обладают сложной организацией, и нелегко понять, какая система ориентации является доминирующей. Для выяснения условий использования соответствующих референциальных систем Беннардо провел целую серию экспериментов, включавшую в себя лингвистические тесты, тесты на невербальное поведение, интервью и др. Лингвистические задания проводились в отношении небольших и крупных пространственных масштабов. На небольших пространственных масштабах испытуемые использовали релятивную систему в 74 % случаев, встроенную систему – в 21 %, абсолютную систему – в 5 %. При этом в условиях ограниченного видения преобладал рефлексивный подтип релятивной системы (с отражением вторичной подсистемы), а в условиях хорошей видимости преобладал трансляционный подтип (с переносом вторичной подсистемы). На крупных пространствах чаще использовались релятивная и абсолютная системы, при этом использование их подтипов было весьма специфичным. В условиях хорошей видимости всегда использовался трансляционный подтип релятивной системы, что, по признанию Беннардо, приводило его в замешательство, поскольку высказывание «Дерево стоит перед домом» он привык понимать так, что дерево находится между говорящим и домом, а не позади дома. В условиях ограниченной видимости на смену релятивной системе приходила абсолютная система, которая использовалась в своих нескольких подтипах, но чаще всего в виде подтипа с одной фиксированной осью. Эта ось в зависимости от ситуации может быть трех видов: «в город – вглубь острова», «море / город – вглубь острова», «вниз – вглубь острова страны». Выявленные в лингвистических тестах результаты являются предварительными. Более важными, с точки зрения Беннардо, являются тесты на невербальное поведение, поскольку они позволяют оценить не только лингвистические, но и когнитивные предпочтения. При проверке неверbalного поведения Беннардо использовал эксперименты, уже известные нам из работ Исследовательской группы по когни-

тивной антропологии (см. рис. 2). Полученные результаты выглядят неоднозначными, но Беннардо считает правомерным на их основе утверждать доминирование на когнитивном уровне абсолютной системы референции у тонганцев; выделить с помощью тестов преобладающий подтип абсолютной системы не удалось, но с учетом культурных особенностей можно утверждать, что доминирует радиальный подтип абсолютной системы, который характеризуется привязкой единственной оси к конкретному объекту в поле этого [Bennardo 2009: 88–104].

По мысли Беннардо, радиальный характер пространственных представлений тонга проявляется в использовании систем референции, которые берут начало в точке, находящейся в поле этого, но не тождественной это. В случае встроенной системы и всех подтипов абсолютной системы такой точкой является релятум, поскольку именно релятум должен рассматриваться как начало системы. В случае же трансляционного подтипа относительной системы определяющую роль играет вторичная подсистема, которая проецируется на релятум. Радиальный характер пространственных представлений также выражается в дискурсивном доминировании трансляционного подтипа релятивной системы референции и в когнитивном доминировании абсолютной системы референции. Беннардо утверждает, что хотя на лингвистическом уровне эти системы взаимно не конвертируемы, все же на концептуальном уровне они переводимы и, по сути, отражают одну и ту же идею. Таким образом, и на лингвистическом, и на когнитивном уровне мы имеем доминацию определенной структуры: пространственные отношения конституируются вокруг точки, находящейся в поле этого, но не являющейся это.

Радиальность получила отражение в ментальной презентации времени, поскольку концептуализация времени во многом зависит от пространственной концептуализации. Рассматривая этот вопрос, Беннардо обращается к статье, написанной им в соавторстве с Бендером и Беллером и посвященной разработке понятийного аппарата концептуализации времени [Bender et al. 2010]. Беннардо и его коллеги попытались пересмотреть традиционную интерпретацию темпоральных выражений, связанную с движением, в пользу типологии, которая основана на референции. Для этого они выделили несколько видов темпоральных систем референции, соответствующих пространственным системам. Абсолютная система метафорически трактуется как «стрела времени», система со встроенными характеристиками основана на внутреннем времени объекта, а релятивная система сфокусирована на это и «субъективном настоящем». В рамках релятивной системы выделяются подтипы, из которых для нас важен трансляционный подтип, характеризующийся переносом начала системы с этого на объект и, следовательно, воспроизводящий радиальную структуру. В результате экспериментов с носителями английского, немецкого и тонганского языка было показано, что носители немецкого языка предпочитают встроенную систему, носители английского языка – абсолютную и встроенную систему, а носители тонганского языка используют все три системы. При этом тонганцы используют примерно в 30 % случаев трансляционный подтип релятивной системы, а у пожилых и менее образованных испытуемых такое использование возрастает до 49 %. Беннардо приводит материалы, свидетельствующие о том, что сами тонганцы отмечают меньшее употребление трансляционного подтипа в связи с появлением школьного образования [Bender et al. 2010: 20].

Беннардо обнаруживает радиальность также в представлениях о посессивности. В языках Океании существует два типа посессивности: А-обладание и О-обладание. Они выражаются маркерами '*a*', '*o*' и соответствующими классами притяжательных местоимений. Например, в тонганском языке к А-классу относятся местоимения '*e-ki* «мой», *ho-o* «твой», '*e-pe* «его / ее», а к О-классу – местоимения *ho-ki* «мой», *ho* «твой», *ho-po* «его / ее»: ср. *ko 'ene helé* «его нож» (А-обладание), *ko hono hib* «его мотыга» (О-обладание). Предполагается, что исконно притяжательные местоимения состояли из артикля *he*, посессивного маркера ('*a* или '*o*) и личного местоимения, но в результате элизии, ассимиляции и других фонетических процессов образовались известные нам формы. Условия, при которых употребляется тот или иной тип посессивности, до конца не выяснены. Высказывались точки зрения, что это доминантное и субординантное

обладание, контролируемое и неконтролируемое обладание, отчуждаемое и неотчуждаемое обладание и др. Согласно гипотезе Беннардо, А- и О-обладание мотивированы как обладание с вектором от посессора и обладание с вектором к посессору. В приведенном выше примере в отношении ножа используется местоимение Акласса по той причине, что в традиционной культуре тонга нож рассматривался как личное оружие, которое может быть сделано из бамбука самостоятельно. Следовательно, фраза «его нож» с притяжательным местоимением А-класса мотивирована как «от него нож», «ким сделанный нож». Напротив, мотыга, сделанная из камня, рассматривалась в качестве социального продукта и объекта социального пользования, поэтому фраза «его мотыга» с притяжательным местоимением О-класса мотивирована как «для него мотыга», «для него сделанная мотыга». Похожая ситуация с фразами *hono fo'ha* «его сын» и *'e-pe tata* «ее сын», где в первом случае используется О-обладание («сын для отца»), а во втором случае – А-обладание («сын от матери»). Таким образом, в посессивности воспроизводится радиальная структура, внутри которой специально маркируется направление вектора отношений: от посессора или к посессору.

Радиальность, согласно Беннардо, также получила развитие в разнообразных областях культуры тонганцев. В традиционных верованиях она отражена в понятии *tapa* «мана». Общепринятой трактовки этого понятия не существует, и вряд ли оно вообще переводимо на западные языки. В каких-то контекстах мана может пониматься как сила, субстанция, процесс, состояние, качество, причина, следствие, эффективность, энергия, в то же время она часто персонифицирована или, по крайней мере, связана с конкретным лицом. Посредником между людьми и сверхъестественными существами является вождь, вокруг которого как бы концентрируется мана и от которого она исходит. Носителями маны могут быть и другие объекты: камни, деревья, реки, океан и т. д. Налицо радиальная концептуальная структура: мана концентрируется вокруг объекта, находящегося в поле эго, но, как правило, не являющегося эго. Как свидетельствуют материалы, собранные Беннардо, даже после обращения в христианство тонганцы сохранили представления о мане: в частности, считается, что не обладающий маной священник приносит несчастье деревне [Bennardo 2009: 188–189]. Другая традиционная практика тонга, имеющая радиальную структуру, – это мореплавание. Последний тонганский мореплаватель, владевший традиционным искусством навигации, умер около 40 лет назад, но благодаря ранним источникам и сравнению с микронезийским искусством мореплавания, известно, что для навигации тонганцы использовали так называемый «phantomnyy ostrov» – воображаемый остров, положение которого, будучи соотнесено с сидерическими явлениями, служило началом системы отсчета. Фантомный остров, по мысли Беннардо, соответствует центру радиальной структуры.

Беннардо провел целую серию экспериментов для того, чтобы проверить связь пространственных «радиальных» представлений с разнообразными практиками внутри социальной сферы. В целом можно сказать, что ему удалось установить надежную корреляцию между этими областями. Например, как свидетельствуют эксперименты, тонганцы во время ритуалов лучше запоминают людей, сидящих ближе к центральной фигуре ритуала, чем людей, располагающихся вблизи от испытуемого; Беннардо считает, что ментальные представления тонганцев как бы конституируются вокруг персоны, являющейся носителем маны и играющей ключевую роль в ритуале. При этом сами ритуалы и в семантическом, и в физическом плане также организованы в соответствии с радиальной структурой. Радиальность обнаруживается также в системе родства: вся система выстроена вокруг обозначения для брата / сестры, а не вокруг эго. Беннардо приводит другие многочисленные примеры, свидетельствующие о радиальной архитектуре социальной сферы [Bennardo 2009: 243–338].

Таким образом, Беннардо показывает, что радиальность в качестве когнитивной доминанты проявляется во многих областях языка, мышления и культуры тонга. Она может быть найдена в языковой концептуализации пространства, в концептуализации времени, в грамматикализации посессивности, в особенностях памяти, в религиозных представлениях, в структуре родства и навыках мореплавания. Подробный анализ

социокультурной сферы и многочисленные эксперименты показывают, что многие аспекты общественной жизни и культурного кода устроены в соответствии с радиальной структурой; более важно то, что сами тонганцы мыслят и представляют себе социокультурную область именно в такой организации. Исследование Беннардо проделано с большой тщательностью; привлекается материал из самых разных областей жизни тонга, который анализируется на высоком профессиональном уровне. Не все выводы автора представляются хорошо обоснованными. Прежде всего, нуждаются в дополнительном обсуждении исходные теоретические положения, касающиеся когниции. Когнитивное и языковое доминирование «радиальных» систем референции выражено у тонганцев не так эксплицитно, как хотелось бы, и возможность построения всей концепции «радиальности» на основе этого доминирования может быть поставлена под вопрос. К тому же, понимание референциальных систем отличается у Беннардо от более распространенной модели С. Левинсона и также требует обсуждения (важно, что «радиальная» абсолютная система может пониматься и не как система референции). Специфическая структура родства, рассмотренные религиозные представления и навыки навигации не являются только достоянием тонганцев, хотя Беннардо и не утверждает обратное. Но даже с учетом некоторых недостатков монография Беннардо в методологическом и чисто эмпирическом отношении является образцовым исследованием по когнитивной антропологии. Концепция Беннардо выступает логическим развитием неорелятивизма, и она во многом выводит проблематику лингвистической относительности на новый теоретический и экспериментальный уровень.

В связи с проблемой отражения абсолютной системы референции в культуре стоит также упомянуть крайне интересные работы Ю. Вассманна и П. Дасена о балийском языке [Wassmann, Dasen 1998; 2006]. Авторы показывают встречающееся многообразие подтипов единой абсолютной системы и вскрывают его связь с культурой и когницией. В балийском языке (австронезийская семья) имеется абсолютная и встроенная система референции, а также заимствованные элементы релятивной системы. Абсолютная система, которая может быть охарактеризована как ландшафтная, используется значительно чаще других. Одна из осей прототипически ориентирована по расположению вулкана Агунг и состоит из двух обозначений: *kaja* «к горе», *kelod* «к морю». Другая ось прототипически связана с восходом солнца: *kangin* «восток», *kauh* «запад». Помимо четырех главных обозначений, существуют также четыре второстепенных обозначения: *kaja kangin* «к горе и на восток», *kelod kangin* «к морю и на восток», *kelod kauh* «к морю и на запад», *kaja kauh* «к горе и на запад».

Как и другие народы, являющиеся носителями языков с доминирующей абсолютной системой, балийцы демонстрируют признаки того, что Левинсон называет «абсолютным мышлением». Для того чтобы говорить на балийском языке, нужно знать направление абсолютных осей, в чем сами балийцы хорошо отдают себе отчет. Фразеологизм «не знать, где находится *kaja*» обозначает «быть сумасшедшим». Потеря ориентации в пространстве рассматривается балийцами как большое несчастье, иногда это может приводить к страху, апатии, депрессии и другим негативным психологическим состояниям. Повседневное использование абсолютной системы описывается Вассманном и Дасеном следующим образом: «Абсолютные обозначения используются для описания мест, куда собираются пойти (“в полдень я пойду *kauh*”), или для указания направлений (“поворни налево, затем иди *kangin*”); мать может крикнуть своему ребенку: “Не снимай свою обувь *kauh*!”. Во время еды кто-то может сказать: “Пожалуйста, передайте блюдо, которое *kaja*”. При описании встречи человек может быть описан как “ тот, кто сидел *kelod*”. По-видимому, места запоминаются в абсолютных характеристиках... Как дома, так и в школе, дети должны учиться следовать инструкциям в соответствии с этой системой ориентации. Учителя начальных классов даже используют это знание в качестве теста готовности к школе. Но обучение, которое проводится исключительно на индонезийском, зависит от релятивных терминов. Например, для того чтобы указать на различие между *b* и *d*, учителя прибегают к словам «спереди» / «сзади» или «сле-

ва» / «справа», и только если дети имеют проблемы с пониманием, они обращаются к словам *kaja* / *kelod*» [Wassmann, Dasen 1998: 697].

Абсолютная система имеет большое значение для религии балийцев. Она используется в играх, ритуалах, церемониях. Каждое обозначение несет символический смысл и соотносится с именем бога и цветом. Например, *kaja* соответствует Вишну и черному цвету, *kelod* – Брахме и красному цвету и т. д. Направления *kaja* и *kauh* считаются наиболее священными и чистыми. Балийский вариант индуистской мифологии структурирован в соответствии с направлениями абсолютной системы. Данная модель проецируется на все области жизни и опыта: человеческое тело, храм, деревня, социальная организация, стадии жизни, устройство вселенной и др. Деревни построены вдоль оси *kaja*–*kelod* с главным храмом на стороне *kaja* и кладбищем на стороне *kelod*. Дома ориентированы по этой же оси с сакральным углом *kaja*–*kangin*, где располагается семейный алтарь, и профаническим углом *kelod* / *kauh*, где обитают животные и где складывается мусор. Глава семьи живет на стороне *kangin*, и каждый член семьи спит головой в сторону *kaja* или *kangin* [Wassmann, Dasen 1998: 693].

Главная особенность балийской абсолютной системы заключается в том, что на сравнительно небольшой территории она имеет многочисленные вариации. В разных деревнях ее оси ориентированы совершенно по-разному, что связано с особенностями ландшафта и историческими обстоятельствами. Вассманн и Дасен исследовали вариации абсолютной системы в восточной части острова Бали и составили карту, на которой показано, как жители разных деревень реально представляют себе направления осей абсолютной системы (см. рис. 6). На карте видно, что прототипическая система с осью *kangin*–*kauh* «восток–запад» используется далеко не во всех районах: например, для жителей деревни Лин солнце встает со стороны *kelod* / *kauh*, а для жителей деревни Батукесени – со стороны *kelod*. Сама система редко где представлена в «идеальном варианте» с квадрантами в 90°. Вариант, подвергшийся наибольшей модификации, мы находим в деревне Сега, где *kaja* указывает на вершину склона и покрывает угол в 60°, *kelod* указывает на гору Бисбис и покрывает угол в 150°, *kangin* указывает на восток и покрывает 60°, а *kauh* покрывает оставшиеся 90°. За имеющимся многообразием вариантов скрывается внутренняя логика: во-первых, *kaja* чаще всего указывает на ближайшую гору, служащую символическим заместителем вулкана Агунг (или мифологической «центральной» горы); во-вторых, *kelod* чаще всего действительно указывает в сторону моря и в разных частях острова это разное направление. Кроме того, после миграции жители одной территории могут проецировать старую систему на новую территорию: например, в деревне Бунутан имеет место инверсия оси *kangin*–*kauh*, что объясняется происхождением жителей этой деревни, которые пришли на данную территорию из деревни Бангле. Подробное объяснение многих нюансов, связанных с вариациями системы, можно найти в работе Вассманна и Дасена [Wassmann, Dasen 1998: 698–700].

Такое многообразие типов абсолютной системы ведет к специальному культурному и когнитивному многообразию, поскольку, как уже было сказано, абсолютная референциальная система играет принципиальную роль в культуре и образе жизни балийцев. По сути, в разных деревнях мы встречаем различную реализацию единого социокультурного и когнитивного прототипа. При этом жители деревень понимают, что в соседних деревнях система используется иначе, и каждый раз договариваются между собой при встрече, какой тип системы они будут использовать в разговоре. Стоит также отметить, что во время путешествия по острову использование абсолютной системы требует отличной ориентации в пространстве и детального знания местности. Вассманн и Дасен приводят примечательный пример: при описании пути из деревни Сега в соседнюю деревню Бунутан информант несколько раз меняет обозначения направлений абсолютной системы в зависимости от того, на территории какой деревни он мысленно находится в данный момент [Wassmann, Dasen 1998: 700–701].

В балийском языке могут быть найдены также элементы релятивной референциальной системы. Уже с ранних лет детей учат различать правую и левую руку, поскольку это имеет символическое значение: левой рукой, которая считается нечистой, нельзя

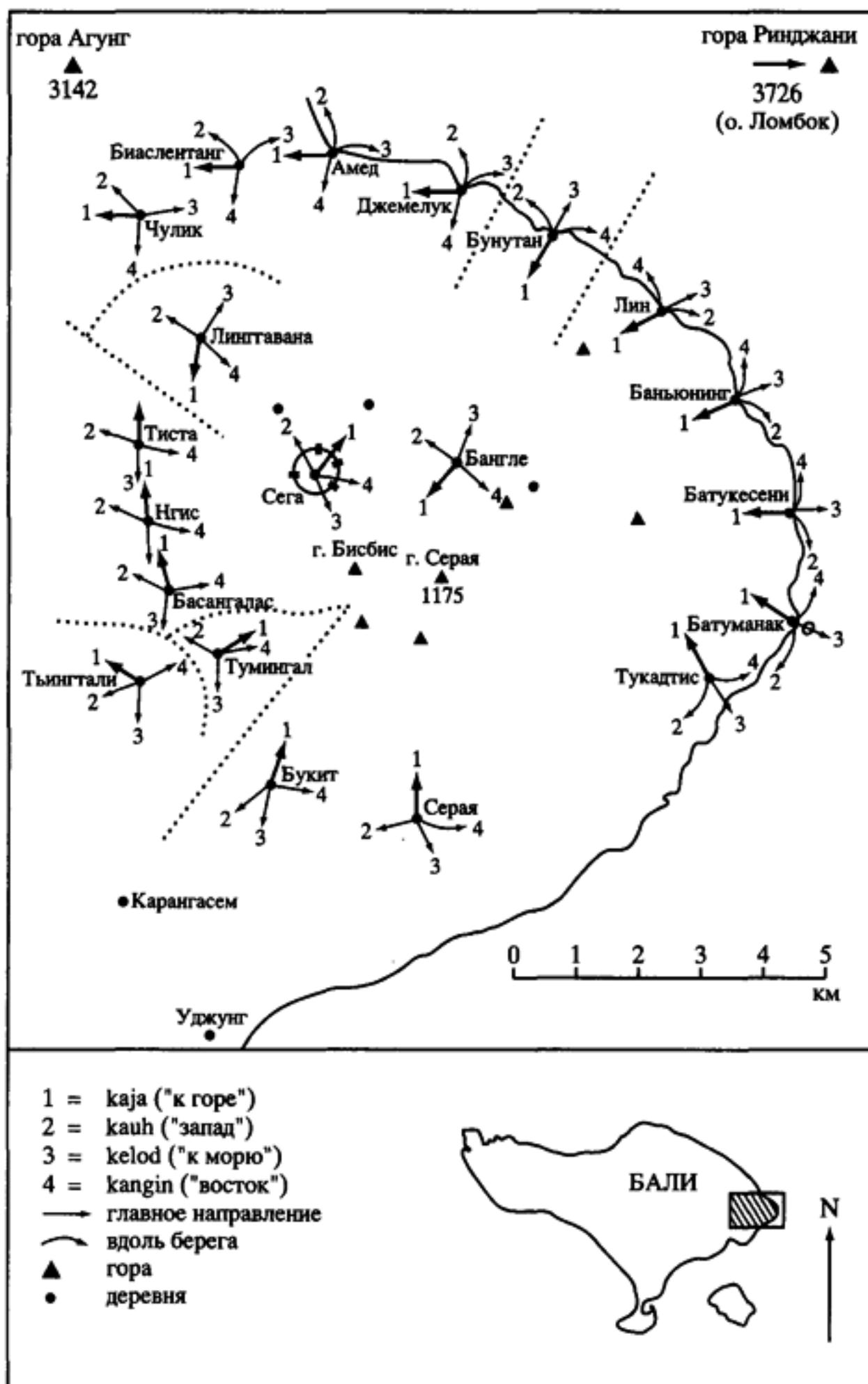

Рис. 6. Вариации абсолютной системы на востоке о. Бали [Wassmann, Dasen 1998: 698]

брать пищу, принимать дар или указывать на что-либо. Но обозначения левой и правой частей тела, как и обозначения передней и задней частей, практически не используются для маркирования пространственных отношений. Только среди взрослых билингвов встречаются случаи такого использования, что связано с влиянием индонезийских релятивных обозначений (при этом указание на левую или правую сторону неизменно сопровождается ссылкой на абсолютное обозначение, ср. «пойди налево, в сторону *kaja*», «пойди направо к *kangin*» и т.д.). Интересно, что использование релятивной системы считается проявлением невежливости по отношению к собеседнику, поскольку релятивная система предполагает центральную роль говорящего и не учитывает ори-

ентацию слушающего; в этом она контрастирует с «политкорректной» абсолютной системой. Эксперименты, проведенные Вассманном и Дасеном, показали, что при выполнении лингвистических заданий балийцы используют абсолютную систему, но при прохождении тестов на невербальное поведение абсолютная тенденция уменьшается; такой результат может объясняться билингвизмом и социокультурными факторами [Wassmann, Dasen 1998: 702–707].

Таким образом, Вассманн и Дасен демонстрируют хороший пример того, как реально функционирует абсолютная референциальная система ландшафтного типа. Балиец должен знать особенности ландшафта, чтобы хорошо ориентироваться и говорить на родном языке; к тому же, он должен знать системы, принятые в разных деревнях, для поддержания контакта с их жителями. Связь абсолютных систем с конкретным ландшафтом обеспечивает социокультурное многообразие: можно сказать, что разные деревни представляют собой различные социокультурные миры, хоть и выстроенные по одному прототипу. На данном примере мы видим, сколь фундаментальную роль система референции играет в конституировании культуры и когнитивности.

В последнее время проблема отражения особенностей пространственной концептуализации в культуре исследуется наиболее интенсивно. Стало понятно, что язык не только дает доступ к культурному коду, но и во многом формирует этот код. Без знания разнообразных лингвистических нюансов невозможно адекватное понимание культуры, и очень часто выражение культурных концептов в аутентичном виде немыслимо вне данного конкретного языка. Но у этой тенденции есть и другая сторона: теперь уже сам язык, и в особенности, грамматические категории языка исследуются с учетом их контекстуального и культурного использования, и некоторые авторы отмечают, что те или иные грамматические категории могут быть поняты только с учетом языковой прагматики. На примере пространственных категорий эти тезисы были развиты еще в классическом исследовании У. Хэнкса о референциальных практиках в юкатекском языке [Hanks 1990], имевшем большое влияние на неорелятивистов; статья Хэнкса, в которой резюмируются его взгляды по этому вопросу, была также включена в программный сборник Левинсона и Гамперца [Levinson, Gumperz 1996]. В связи с данной проблематикой стоит также упомянуть сборник статей под редакцией Дж. Беннардо о пространстве и культуре народов Океании [Bennardo 2002], сборник статей под редакцией Г. Зенфта о пространстве в папуасских и австронезийских языках [Senft 1997] и некоторые статьи из сборника Ю. Вассманна и К. Штокхаус [Wassmann, Stockhaus 2007]. Все эти работы отличает пристальное внимание к тому, как особенности языковой концептуализации пространства отражаются в культуре. В работах задействуется тот потенциал релятивистской парадигмы, на который указывали еще отцы-основатели лингвистической относительности и гумбольдтианцы: значима не только проблема «язык и мышление», но и проблема взаимозависимости языка, мышления и культуры, проблема автономности и автореферентности их единого семиотического поля (ср. также [Gipper 1971]). В рамках данного очерка мы позволим себе не останавливаться на обсуждении этих работ (на русском языке см. рецензию на сборник Беннардо [Мазурова 2005]).

Одной из важных проблем, связанных с языковой концептуализацией пространства, является вопрос о когнитивном статусе референциальных систем и о причинах предпочтения какой-либо системы в языке. Практически общепринятым является мнение, что все виды систем потенциально доступны для всех людей. Как показывают опыты, определенные тенденции в невербальном поведении могут быть проявлены носителями языков, в которых отсутствует или редко используется соответствующая референциальная система. Троадек выяснил, что для французских детей в некоторых условиях доступно абсолютное кодирование пространственных отношений [Troadec 2009]. Ли и ее коллеги показали, что в определенных экспериментах носители языка цельталь, в котором отсутствует относительная система референции, могут использовать релятивное кодирование; иногда они справляются с заданиями, требующими релятивного кодирования, даже лучше, чем носители европейских языков [Li et al. 2011]. Хаун и его коллеги попытались научить носителей голландского языка абсолютному кодированию, а носи-

телей койсанского языка хайльом – релятивному кодированию; около 20 % испытуемых смогли успешно применить новый подход [Haun et al. 2011]. Эти и другие исследования позволяют согласиться с мнением Т. Видлока, что «все люди потенциально способны к развитию релятивной и абсолютной стратегий до какого-то уровня, но реальные способности и манера использования этих систем усваиваются только под влиянием специфических условий, в которых происходит развитие» [Widlok 2007: 274–275]. Иначе говоря, выбор определенной системы связан с усвоением языка и использованием тех или иных социокультурных практик. Хорошой иллюстрацией к данному тезису может служить пример, описанный Де Сильвой в 1931 году: некий американский мальчик отличался невероятными способностями к ориентации по сторонам света; как выяснилось, причина этого заключалась в том, что его мать плохо различала левую и правую стороны и потому часто заменяла их указанием на стороны света. Например, вполне нормальной была фраза «Подай мне щетку, лежащую на северной стороне комода» [de Silva 1931]. Носителю английского языка доступна абсолютная система референции, но она почти не используется в повседневном общении. Из этого примера видно, что в контексте той или иной социокультурной практики частота использования определенной системы может возрастать, что, в свою очередь, будет влиять на когнитивные способности. Другой похожий пример дают нам носители языков с преобладающей абсолютной системой, которые в меняющихся под влиянием глобализации условиях начинают реже использовать абсолютную систему и отдают предпочтение другим системам. В случаях же, когда в языке нет других систем (или они используются крайне редко), носители языка могут конструировать новую систему на основе имеющихся языковых средств (ср. «правая рука» и «левая рука» как обозначения для правой и левой стороны) или путем заимствования из другого языка. Стоит отметить, что все эти процессы происходят, как правило, среди билингвов и не без влияния английского или других языков.

Большое значение для проблемы лингвистической относительности имеет вопрос об усвоении разных систем референции детьми. Классическое исследование в данной области принадлежит Ж. Пиаже и Б. Инхелдер [Piaget, Inhelder 1956]. В процессе наблюдения над развитием европейских детей они пришли к выводу о том, что пространственные представления формируются в такой последовательности: топологическое пространство, проективное пространство и евклидово пространство. Используемая ими пространственная модель, разумеется, несколько отличается от модели С. Левинсона, но общее соответствие может быть найдено. Топологическое пространство характеризуется чисто качественными отношениями («внутри», «вблизи», «в», «на», «спереди», «сзади» и т.д.), и оно соответствует области топологии и встроенной системы референции в терминологии Левинсона. Проективное пространство уже оперирует с точкой зрения наблюдателя, и оно соответствует релятивной системе референции. Евклидово пространство полностью соответствует абсолютной системе референции. Таким образом, согласно этому подходу, сначала формируется встроенная система референции, затем (начиная с 4 лет) релятивная и лишь потом абсолютная. Концепция Пиаже и Инхельдер на данный момент является доминирующей теорией в психологии развития, но существуют и попытки ее пересмотра. В частности, распространена идея о том, что проективное и евклидово пространство развиваются параллельно из топологического пространства.

Из недавних исследований стоит отметить работу Хауна и его коллег [Haun et al. 2006]. В результате экспериментов с немецкими детьми дошкольного возраста и человекообразными обезьянами им было показано, что в невербальном поведении аллоцентрическая пространственная тенденция более приемлема для гоминид, чем эгоцентрическая. В категорию «аллоцентрического» входят как встроенная, так и абсолютная системы референции; их разграничение было сложно произвести в рамках эксперимента, поэтому неясно, о какой системе нужно вести речь. Хаун и его коллеги делают вывод, что пространственное мышление гоминид в основе своей аллоцентрическо, но «эта унаследованная склонность к аллоцентрическому кодированию пространственных отношений может быть перевешена культурными предпочтениями, как в случае нашего

собственного предпочтения кодировать пространство эгоцентрически или релятивно» [Haun et al. 2006: 17572].

В последние годы появляется все больше работ, посвященных проблеме усвоения абсолютной системы референции. Наиболее подробным и разносторонним исследованием по данной теме является монография П. Дасена и Р. Мишры [Dasen, Mishra 2010]. Как справедливо замечают авторы, когнитивные дисциплины «так сильно отмечены их включенностью в западный культурный контекст, что геоцентрическая система референции просто не рассматривается в них в качестве варианта!» [Ibid.: 298] Авторы пытаются исправить это положение: «Работы по психологии развития тяготеют к утверждению о том, что аллоцентрическая система используется детьми на более ранних жизненных этапах, чем эгоцентрическая система. Способ, каким определяется аллоцентрическая система в этих исследованиях, позволяет понять, что речь идет о встроенной системе референции. Но этот тезис не является чем-то новым. Пиаже утверждал это много лет назад в отношении топологического пространства, которое является первым типом пространства, развиваемого детьми, но также часто используется взрослыми вместо эгоцентрической системы. Исследование настоящей геоцентрической системы игнорируется в экспериментах с детьми и взрослыми. Это положение дел сподвигает нас исследовать развитие геоцентрической системы референции в не-западных условиях – в местах, где эта система представляется нормативной и где многообразие социальных и культурных практик организовано таким образом, что оно обеспечивает усвоение геоцентрической системы уже в ранние годы жизни» [Dasen, Mishra 2010: 41]. Дасен и Мишра провели целую серию экспериментов с индийскими, непальскими, балийскими и швейцарскими детьми, в экспериментах участвовали в основном школьники – жители городов и деревень. Эксперименты включали в себя лингвистические тесты и тесты на невербальное поведение, разработанные Исследовательской группой по когнитивной антропологии, а также некоторые психологические задания, взятые из арсенала школы Пиаже. Акцент был сделан на проблеме усвоения абсолютной системы референции, но также затрагивались более общие вопросы, связанные с проблематикой лингвистической относительности. Дасен и Мишра приходят к выводу о том, что встроенная система референции усваивается раньше других, а дальнейшее развитие зависит от семантической структуры усваиваемого языка. Балийские, индийские и непальские дети усваивают абсолютную систему уже в раннем возрасте (4–6 лет), и далее она не сменяется релятивной системой, но, наоборот, только упрочивает свои позиции. «То, что мы видим – это другой путь развития, от геоцентрической системы к еще более геоцентрической, с эгоцентрической системой в качестве перманентной вторичной возможности» [Dasen, Mishra 2010: 313]. При этом усвоение абсолютной системы происходит синхронно с усвоением жестового языка, также характеризующегося абсолютными пространственными обозначениями.

Выводы Дасена и Мишры согласуются с результатами других исследований, в которых рассматривается проблема усвоения абсолютной системы детьми. В подробном исследовании Браун и Левинсона показано, что носители языка цельтай усваивают элементы абсолютной системы в возрасте двух лет, а к 3,5 годам начинают использовать эту систему для описания пространственных отношений; при этом встроенная система усваивается одновременно с абсолютной (в основе обеих лежат топологические обозначения), а релятивная, как уже отмечалось, вообще отсутствует [Brown, Levinson 2000]. Де Леон выяснила, что носители языка цоциль уже в возрасте 4–5 лет владеют абсолютной системой референции, хотя ей предшествует встроенная [de León 1994]. В работе Г. Кэблиц показано, что носители маркинского языка уже в возрасте четырех лет используют абсолютную систему столь же интенсивно, как и взрослые; при этом релятивная система ими игнорируется [Cablitz 2006]. П. Котро-Райс выяснила, что канаки в четыре года интенсивно используют абсолютную систему, но со временем возрастает использование релятивной системы, что связано с влиянием французского языка, на котором ведется преподавание в школе [Cottereau-Reiss 1999]. В исследовании Ле Гуэна показано, что носители юкатекского языка уже в возрасте пяти лет используют встроенные

ную систему референции, а в тестах на невербальное поведение демонстрируют абсолютную тенденцию [Le Guen 2006]. Подробно проблема усвоения систем референции на материале разных языков обсуждается также Левинсоном: он приходит к выводу о том, что релятивная система во всех случаях усваивается позже других, а первичность абсолютной или встроенной системы зависит от усваиваемого языка [Levinson 2004: 307–313].

На основе рассмотренных исследований можно утверждать, что аллоцентрическое кодирование является более естественным для человека. Раньше всего усваиваются топологические описания и далее в зависимости от обстоятельств на их основе развивается либо встроенная, либо абсолютная система референции (в некоторых случаях они могут развиваться параллельно). Позже других усваивается эгоцентрическое кодирование. Степень усвоения и использования систем зависит от усваиваемого языка и социокультурных практик, в которых он реализуется. Вне зависимости от конкретных вариаций главный тезис, заключающийся в том, что эгоцентрическое кодирование формируется позже аллоцентрического кодирования, верен, по-видимому, для всех языков.

* * *

В заключительной части нашего очерка мы бы хотели вкратце рассмотреть теоретические подходы, на основе которых могут анализироваться описанные эксперименты по пространственной концептуализации. Существует достаточно много неорелятивистских теорий, но мы рассмотрим лишь некоторые из них.

Первый подход представлен в фундаментальном исследовании С.Левинсона [Levinson 2003]. Левинсон в целом тяготеет к конструктивистской позиции. Он пишет: «Несмотря на то, что многие современные теории подчеркивают врожденный характер лингвистических и концептуальных категорий, факты лингвистического и когнитивного разнообразия говорят в пользу большой роли конструктивизма в человеческой когниции. Конструктивизм полностью совместим с универсалиями, врожденными склонностями и специфическим развитием, и требуется понять, какую роль способно играть усвоение языка в реструктурировании когниции» [Ibid.: 325]. Левинсон выступает против отождествления лексики языка и категорий мышления, то есть семантических структур и концептуальных структур: по его мнению, семантические представления не тождественны концептуальным и не отличны полностью от них; соотношение между семантическими структурами и концептуальными структурами лучше всего описывается как частичный изоморфизм. В результате критического разбора взглядов Р. Джекендоффа и Дж. Фодора по вопросу о способах реализации универсальных концептуальных структур в семантике естественного языка Левинсон приходит к выводу о том, что необходимо признать существование двух самостоятельных уровней ментального кодирования: низшего уровня, на котором происходит декомпозиция лексем на универсальные концептуальные «атомы», и высшего уровня, на котором мы оперируем самими лексемами естественного языка. «Основные концепты высшего уровня – это сущности, оформленные в виде лексических значений, и они различаются от языка к языку. На этом уровне мы используем наше повседневное мышление, и следовательно, для него нужно предполагать уорфианский эффект, то есть влияние языка на когницию. С другой стороны, мы не ограничены этими концептами высшего уровня, поскольку они, если встает необходимость, могут быть разложены на составные концепты низшего уровня с относительной легкостью. Подобные концепты низшего уровня, или по крайней мере некоторые из них, претендуют на универсальность (хотя из этого, конечно, не следует с необходимостью, что они являются врожденными; можно с большой долей вероятности утверждать, что они возникают в результате взаимодействия организма с общим опытом земного существования). Таким образом, подобная двухуровневая теория позволяет нам всерьез рассматривать возможность уорфианского эффекта, то есть влияния языка на когницию, и в то же время апеллировать к фундаментальному

“психическому единству человечества”... Уорф, несмотря на неясности и преувеличения в его работах, придерживался приблизительно таких же “двууровневых” взглядов, делая различие между универсальным восприятием и находящейся под влиянием языка концептуализацией» [Levinson 2003: 300]. Левинсон выделяет несколько типов уорфианского эффекта: эффект уже высказанных мыслей, эффект при порождении речи и эффект при восприятии и запоминании событий. Последний эффект особенно важен: «Любой язык, принуждающий к специальному языковому кодированию событий, будет способствовать тому, чтобы его носители запоминали релевантные параметры событий в тот момент, когда события воспринимаются» [Ibid.: 302].

Система референции, реализованная в естественном языке, является частным случаем семантической структуры. Левинсон считает, что на уровне базовых характеристик и составных элементов референциальные системы универсальны, но в том виде, в каком системы представлены в конкретном языке они суть «биокультурные гибриды, каковым в действительности является сам язык», ведь «универсальное и относительное глубоко переплетено в любой лингвистической системе» [Ibid.: 324]. Общая архитектура пространственных репрезентаций, по мысли Левинсона, включает в себя пропозициональные представления, геометрические представления, ментальные схемы, представления навигационного счисления пути, когнитивные карты, тактильно-кинетические представления, двухмерную проекцию трехмерных объектов и реконструкцию трехмерных объектов; соотношение этих элементов дается Левинсоном в виде модели, см. [Ibid.: 287]. Доминирующая в языке система референции оказывает принципиальное воздействие на кодирование пространственных репрезентаций: «Как только язык предпочел данную систему референции, а не какую-либо иную, все системы, поддерживающие язык, от памяти до мышления и жестов, должны обеспечивать информацию с помощью именно этой системы референции» [Ibid.: 290]. Универсальность референциальных систем заключается не в том, что они доступны в готовом виде в качестве некоей «врожденной идеи», а в том, что они являются биокультурной возможностью. Реально системы усваиваются в процессе усвоения языка. Следовательно, усвоение языка не просто пассивно отражает внутреннее концептуальное развитие, но активно структурирует когницию (по крайней мере, ее «высший» уровень). При этом Левинсон допускает возможность кодирования информации на базе системы даже в случае ее отсутствия в языке: например, носители гуугу йимитхир или цельталь в определенных условиях могут демонстрировать релятивное кодирование, поскольку оно тесно связано с нашим визуальным восприятием. Свои взгляды Левинсон определяет не как абсолютный конструктивизм, а как частичный конструктивизм: «Язык выбирает один или несколько типов систем референции из набора, изначально доступного в сенсорных модальностях, конструирует отдельные реализации этих типов или их отдельные признаки, и, таким образом, частично конструирует систему» [Levinson 2003: 214].

Несколько иной подход представлен в монографии П. Дасена и Р. Мишры [Dasen, Mishra 2010]. По их мнению, базовые когнитивные процессы универсальны, а культурные различия в когниции связаны с контекстуальными и ситуативными различиями, в которых явлены когнитивные процессы. К базовым когнитивным процессам Дасен и Мишра относят классификацию, запоминание, проблематизацию, умозаключение, логическое мышление и др. Для подчеркивания культурных различий Дасен и Мишра обращаются к идеи «когнитивного стиля» – выработанных или унаследованных особенностей восприятия, запоминания, обработки и представления информации. «Мы имеем дело с когнитивным стилем, когда разные индивидуумы (или разные группы) реагируют на когнитивную проблему (задание, тест, эксперимент и т.д.) по-разному и притом систематически по-разному, хотя они обладают одними и теми же основными когнитивными способностями или компетенцией. Они “предпочитают” реагировать специфическим образом под влиянием группы факторов – таких как возраст, пол, предыдущий опыт, социализация и т. д. Конечно, это не обязательно сознательный “выбор”; скорее, это бессознательный выбор, связанный с привычками, обычаями или предпочтаемыми ценностями – иначе говоря, с “культурой”. Важный аспект когнитивных

стилей заключается в том, что по отношению к конкретному выбору не может быть оценочного подхода. По сути, не существует “лучшего” или “более продвинутого” способа реагировать» [Ibid.: 11]. Свою позицию Дасен и Мишра характеризуют как «умеренный релятивизм»: по их мнению, когнитивные способности могут быть представлены до какой-то степени независимыми от языка, так что не только язык влияет на когнитивные способности, но и когнитивные способности влияют на язык; при этом язык ими мыслится лишь как один из аспектов культуры, и прочие экокультурные факторы также оказывают влияние на невербальное поведение. Дасен и Мишра также отмечают, что лингвистическую относительность легче выявить в качестве тенденции на групповом уровне, в то время как на индивидуальном уровне можно показать частичную независимость когниции от языка.

Именно в контексте проблематики когнитивных стилей должно пониматься различие между моделями пространственной концептуализации и, в частности, между системами референции: «Культурные различия в когниции принадлежат в большей степени к когнитивным стилям, чем к присутствию процесса в одной культурной группе и его отсутствию в другой. Мы думаем, что этот общий вывод также верен в отношении процессов пространственной когниции и, в частности, в отношении центральной проблемы данной работы – проблемы “выбора” между эгоцентрической и геоцентрической системой пространственного кодирования» [Dasen, Mishra 2010: 13–14]. Следовательно, различия в концептуализации пространства – это различия в когнитивном стиле, а не только в языке: «Пространственные когнитивные процессы не могут быть приписаны одной культурной характеристике под названием “язык”; сумма других характеристик, конституирующих структурный контекст развития детей, также должна учитываться для понимания отношений между языком и когницией» [Ibid.: 183]. К важным культурным факторам, влияющим на пространственную концептуализацию, они относят: экокультурные условия, социоэкономический статус, религию, образ жизни, билингвизм и др. Подобно Левинсону, Дасен и Мишра делают различие между «глубинным» и «внешним» уровнями когниции: потенциально системы референции доступны каждому на глубинном уровне, но фактически они реализуются всегда в рамках конкретного когнитивного стиля. «Если мы следуем интерпретации культурных различий с учетом идеи когнитивного стиля, то это значит, что, какая бы система референции ни была выбрана, все же базовые процессы, лежащие в основе пространственного языка и когниции, универсальны, – если и не на внешнем уровне актуальной реализации, то, по крайней мере, на “глубинном” уровне компетенции» [Ibid.: 301]. При этом, разумеется, Дасен и Мишра считают различия на внешнем уровне весьма существенными для поведения и культуры.

Другая теоретическая позиция представлена в монографии Дж. Беннардо [Bennardo 2009]. Мы уже анализировали модель Беннардо, поэтому сейчас не будем на ней специально останавливаться. Отметим только тот факт, что проблема лингвистической относительности в ее классической формулировке отвергается Беннардо. В рамках его теории нужно говорить о доминировании тех или иных структур внутри универсальной когниции. Ключевую роль играет модуль пространственных представлений, поэтому усвоение языка с определенным типом пространственной концептуализации накладывает отпечаток на все другие модули. Беннардо несколько отходит от типологии Левинсона и строит свою типологию референциальных систем, в которой системы выстроены иерархически. В конечном счете, все системы восходят к базовой радиальной прасистеме [Ibid.: 182–186].

Все рассмотренные позиции характеризуются сочетанием элементов универсализма и релятивизма, различием глубинного и внешнего уровней, а также осознанием того, что понятие «когниция» шире понятия «язык» и включает в себя понятие «язык», но при этом усвоение языка на внешнем уровне афиширует когнитивные способности. В понимании роли языка нам представляется лучше всего обоснованной позиция С. Левинсона. Модель Левинсона разработана подробнее других, она опирается на большее количество экспериментов и просто лучше соответствует фактам. Дасен и Мишра

критикуют Левинсона за то, что он преувеличил значение языка и обошел вниманием значение других культурных факторов. Так, анализируя результаты экспериментов, проводившихся с индийскими школьниками, они пишут: «Невозможно выделить язык как каузальный фактор в отношении когниции, поскольку он не встречается отдельно от более общего культурного контекста, то есть он сам приспосабливается к экологическому контексту. Система ориентации, основанная на фиксированных направлениях, подобная той, что встречается в сельской местности в Индии, полностью соотносится как с индуизмом и символическими обозначениями, так и с повседневными делами и заботами» [Dasen et al. 2003]. Подобная критика, действительно, распространена, но, как нам кажется, она бьет мимо цели, поскольку высказываемые здесь тезисы не противоречат методологии Левинсона. Невозможно мыслить язык без учета того, как и при каких обстоятельствах он используется. Нет языка без его использования или, по крайней мере, без понимания того, как он должен использоваться. Данное утверждение вдвойне верно в отношении пространственной концептуализации. Поэтому Левинсон неоднократно отмечает, что он считает системы референции биокультурными гибридами, а не просто языковыми феноменами. В рассматриваемых Дасеном и его коллегами примерах мы, по сути, имеем дело с ситуацией, когда в городском варианте языка нормативной является фраза «Человек стоит слева от дерева», а в деревенском или более традиционном варианте – фраза «Человек стоит к северу от дерева» и это различие коррелирует с различием в неверbalном кодировании. Можно ли считать, что в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же языком хинди? Ответ, безусловно, зависит от более общей теоретической позиции, но представляется, что в рамках рассматриваемой проблемы необходимо как-то разграничивать эти формы языка (например, как диалектные вариации). Во всяком случае, мы точно не можем утверждать, что различие в неверbalном кодировании обусловлено в данном случае в большей степени культурными, чем языковыми факторами; также нельзя согласиться с тезисом Дасена и его коллег о том, что вопрос о каузальном значении языка или культуры равносителен вопросу о первичности яйца или курицы.

Подход Левинсона не отрицает возможности влияния культурных факторов на когницию и язык (в конце концов, языки тоже меняются под влиянием культуры). Но из имеющихся на данный момент типологических материалов с очевидностью следует, что определяющую роль в структурировании когниции играет именно язык, а не иные культурные факторы. Например, абсолютная система референции встречается в совершенно разных культурных группах по всему миру. Среди носителей языков с такой системой можно найти представителей самых разных религий, которые проживают в разнообразных экологических зонах. Встречаются индуисты, христиане, мусульмане, сторонники анимизма и других традиционных верований. Носители таких языков живут в пустыне, саванне, тундре, тропиках, субтропиках и др. Среди них есть как охотники-собиратели, так и земледельцы (см. уже приводившуюся выше таблицу 1). Их объединяет лишь то, что они, как правило, не живут в городах (исключения встречаются редко). Но сама по себе деревенская жизнь не является причиной абсолютного кодирования, поскольку существует множество народов, живущих в деревнях и использующих релятивное кодирование. Отсутствие (или, по крайней мере, ограниченное использование) абсолютного кодирования среди жителей городов, вероятно, объясняется тем фактом, что переезд в город предполагает разрыв с традиционным образом жизни и принятие новых ценностных парадигм, которые часто в совокупности с билингвизмом ведут к изменениям внутри языка (см. многочисленные примеры в монографии Дасена и Мишры [Dasen, Mishra 2010]). Из материалов Исследовательской группы по когнитивной антропологии следует, что носители языков с доминирующей абсолютной системой неизменно демонстрируют абсолютную тенденцию в неверbalном поведении. Как мы видим, подобная корреляция не может объясняться чем-либо иным, кроме как использованием соответствующего языка. Таким образом, определяющим фактором в формировании пространственных представлений является именно язык, хотя он никогда не выступает в качестве единственного фактора и его невозможно

представить вне социокультурного контекста. В этой связи последующим теоретикам неорелятивизма, вероятно, следует учесть замечания Дж. Беннардо о сосуществовании социального и языкового модулей внутри когниции. Интересно, что к похожим выводам приходит также С. Левинсон, который в одной из своих работ выделяет специальный «коммуникативный аспект» когниции [Levinson 2006b].

Проблема корреляции пространственных представлений с невербальным кодированием исследуется несколько десятилетий, и уже сейчас видно, насколько новые исследования превосходят чисто спекулятивные работы релятивистов первой волны (Б. Уорф, М. Матхиот, Г. Хойер, Д. Ли и др.). Тем не менее пока можно говорить только о начальном этапе в изучении этой проблемы. Прежде всего, требуется расширение эмпирического материала (на данный момент подробно рассмотрены лишь несколько десятков языков). Методология школы Левинсона, и в первую очередь методика проведения тестов на невербальное поведение, также требует усовершенствования. Следовательно, все представленные результаты являются предварительными и для построения целостной теории еще требуется время. А. Маджид и ее коллеги справедливо замечают, что в процессе развития теории пространственной концептуализации должны быть получены ответы на следующие вопросы [Majid et al. 2004: 113]:

Каковы нейрокогнитивные основы лингвистических систем референции? До какой степени здесь возможны вариации?

- Как дети усваивают лингвистические системы референции? И когда лингвистические системы референции начинают влиять на пространственную репрезентацию?
- Каковы когнитивные последствия билингвизма в случае владения языками с разными системами референции?
- Не все деревенские общества используют абсолютную систему референции, но городские жители, похоже, используют релятивную систему. Почему это так?
- Какие механизмы используют носители языков с абсолютной системой, чтобы отслеживать направления внутри этой системы?
- Лучше ли носители абсолютных языков носителей релятивных языков справляются с видонезависимым распознаванием объектов?

В качестве финальной ремарки мы бы хотели сделать одно крайне важное замечание. Дело в том, что исследования последних десятилетий вновь обнажили актуальную проблему современности – проблему гибели языков и трансформации языковых сообществ. Один из главных аргументов сторонников охраны языковых сообществ заключается в том, что вымирание языков ведет к вымиранию картин мира, что представляет собой безусловную потерю с точки зрения человеческой культуры и нарушает общечеловеческую «экосистему культурного, интеллектуального и лингвистического многообразия» [Krauss 2007: 16]. Данный тезис справедлив, но по-видимому, проблема несколько сложнее. Неорелятивистские исследования вскрыли те аспекты данной проблемы, которым раньше уделялось недостаточно внимания. Трагическим следствием глобализации является не только вымирание языков. Не менее пагубный феномен представляет собой повсеместное нарушение естественных культурных условий функционирования языка – нарушение, сопровождающееся безвозвратной трансформацией самого языка и моделей его функционирования. Данный процесс хорошо заметен на примере пространственных систем референции. Как следует из работы Де Леон, современные аборигены гуугу йимитхирр уже не усваивают в полной мере традиционную форму своего языка: из 26 детей только три усвоили абсолютную систему референции, при этом язык гуугу йимитхирр находится под сильнейшим влиянием креольского варианта английского языка [de León 1995]. Если бы не своевременно подготовленные работы Хэвиленда и Левинсона, то мы, возможно, никогда бы и не узнали, что существуют языки, использующие только абсолютную систему референции! Многочисленные примеры подобного рода могут быть также почерпнуты

из работы Дасена и Мишры: результаты тестирования индийских, непальских и балийских детей показали, что модернизация, урбанизация и билингвизм являются важным фактором в забвении традиционной абсолютной системы и предпочтении релятивной системы (хотя здесь действует целая группа факторов, и этот процесс является гораздо более сложным, чем кажется на первый взгляд); так, через заимствования из индонезийского языка в балийском формируется эгоцентрическая референциальная система, балийские дети под влиянием школьного обучения на индонезийском начинают меньше использовать традиционную абсолютную систему и т.д. [Dasen, Mishra 2010]. Примеры подобного вырывания языка из традиционных условий его функционирования – примеры «искоренения» языка – могут быть обнаружены практически в каждом современном исследовании по когнитивной антропологии. Проблема еще и в том, что сейчас все сложнее найти необходимые для корректного исследования случаи чистого монолингвизма, сочетающегося с традиционным образом жизни. Таким образом, на данный момент самый большой вызов для лингвистической относительности – это не радикальные нативисты, считающие различия между языками «поверхностными» и «несущественными» (заметим, что подобные высказывания очень часто выходят за рамки науки и являются, по сути, идеологически ангажированными западноцентристскими суждениями); в действительности главный «оппонент» релятивизма и многообразия – это современные тенденции развития человечества. И вероятно, не за горами то время, когда под влиянием интенсивных глобализационных процессов лингвистическая относительность будет окончательно и бесповоротно «опровергнута»…

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

3	3-е лицо	GEN	генитив
ABL	аблатив	INDF	неопределенность
ACC	аккузатив	IPFV	имперфектив
APPL	аппликатив	LOC	локатив
ART	артикль	NOM	номинатив
DU	двойственное число	NPST	непрошедшее время
CL	клитика	PREP	предлог
CLF	классификатор	PROG	прогрессив
COM	комитатив	PRS	настоящее время
CONN	соединительное слово	REL	относительное прилагательное
DAT	датив	SBJ	субъект
DEM	указательное местоимение	SG	единственное число
ERG	эргатив	TOP	тема

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кант 1964 – И. Кант. О первом основании различия сторон в пространстве // И. Кант. Сочинения в шести томах. Т. 2. М., 1964.
- Лакофф 2004 – Дж. Лакофф. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
- Мазурова 2005 – Ю.В. Мазурова [Рец. на:] G. Bennardo (ed.). Representing space in Oceania: Culture in language and mind. Canberra, 2002 // ВЯ. 2005. № 2.
- Пинкер 2004 – С. Пинкер. Язык как инстинкт. М., 2004.
- Сепир 1993 – Э. Сепир. Статус лингвистики как науки // Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Уорф 1960 – Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1960. Вып. 1.
- Bender et al. 2010 – A. Bender, S. Beller, G. Bennardo. Temporal frames of reference: Conceptual analysis and empirical evidence from German, English, Mandarin Chinese, and Tongan // Journal of cognition and culture. 2010. V. 10.
- Bennardo 1996 – G. Bennardo. A computational approach to a spatial cognition: Representing spatial relationships on Tongan language and culture. Ph. D. diss. Urbana (Illinois), 1996.

- Bennardo 2002 – *G. Bennardo* (ed.). Representing space in Oceania: Culture in language and mind. Canberra, 2002.
- Bennardo 2003 – *G. Bennardo*. Language, mind, and culture: From linguistic relativity to representational modularity // M. Banich, M. Mack (eds). Mind, brain and language: Multidisciplinary perspectives. New York, 2003.
- Bennardo 2004 – *G. Bennardo*. Linguistic untranslatability vs. conceptual nesting of frames of reference // K. Forbus, D. Gentner, T. Regier (eds). Proceedings of the 26th annual conference of the Cognitive science society. New York, 2004.
- Bennardo 2009 – *G. Bennardo*. Language, space and social relationships. A foundational cultural model in Polynesia. Cambridge, 2009.
- Bohnemeyer, Stoltz 2006 – *J. Bohnemeyer, Ch. Stoltz*. Spatial reference in Yukatek Maya: A survey // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Brown 2006 – *P. Brown*. A sketch of the grammar of space in Tzeltal // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Brown, Levinson 1992 – *P. Brown, S.C. Levinson*. 'Left' and 'right' in Tenejapa: Investigating a linguistic and conceptual gap // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1992. Bd. 45.
- Brown, Levinson 1993a – *P. Brown, S.C. Levinson*. Linguistic and nonlinguistic coding of spatial arrays: Explorations in Mayan cognition. Nijmegen, 1993.
- Brown, Levinson 1993b – *P. Brown, S.C. Levinson*. 'Uphill' and 'downhill' in Tzeltal // Journal of linguistic anthropology. 1993. V. 3.
- Brown, Levinson 1994 – *P. Brown, S.C. Levinson*. Immanuel Kant among the Tenejapans: Anthropology as empirical philosophy // Ethos. 1994. V. 22.
- Brown, Levinson 2000 – *P. Brown, S.C. Levinson*. Frames of spatial reference and their acquisition in Tenejapan Tzeltal // L. Nucci, G. Saxe, E. Turiel (eds). Culture, thought, and development. Mahwah (NJ), 2000.
- Brugman 1983 – *C. Brugman*. The use of body-part terms as locatives in Chalcatongo Mixtec // Survey of California and other Indian languages. 1983. V. 4.
- Cablitz 2006 – *G. Cablitz*. Marquesan. A Grammar of space. Berlin; New York, 2006.
- Cottreau-Reiss 1999 – *P. Cottreau-Reiss*. L'espace kanak ou comment ne pas perdre son latin! // Annales de la Fondation Fyssen. 1999. № 14.
- Danziger 1993 – *E. Danziger*. Cognition and space kit, version 1.0. Nijmegen, 1993.
- Dasen et al. 2003 – *P. Dasen, R. Mishra, S. Niraula*. Ecology, language and performance on spatial cognitive tasks // International journal of psychology. 2003. V. 38.
- Dasen, Mishra 2010 – *P. Dasen, R. Mishra*. Development of geocentric spatial language and cognition. Cambridge, 2010.
- Evans, Levinson 2009 – *N. Evans, S.C. Levinson*. The myth of language universals: Language diversity and its importance for cognitive science // Behavioral and brain sciences. 2009. V. 32.
- Francois 2004 – *A. Francois*. Reconstructing the geocentric system of Proto-Oceanic // Oceanic linguistics. 2004. V. 43.
- Gentner, Goldin-Meadow 2003 – *D. Gentner, S. Goldin-Meadow*. Whither Whorf // D. Gentner, S. Goldin-Meadow (eds). Language in mind. Advances in the study of language and thought. Cambridge (MA), 2003.
- Gipper 1971 – *H. Gipper*. Gibt es ein sprachliches Relativitätsprinzip? Untersuchungen zur Sapir-Whorf Hypothese. Frankfurt am Main, 1971.
- Hanks 1990 – *W. Hanks*. Referential practice: Language and lived space in a Maya community. Chicago, 1990.
- Haviland 1979 – *J.B. Haviland*. Guugu Yimidhirr // R.M.W. Dixon, B. Blake (eds). Handbook of Australian languages. V. 1. Canberra, 1979.
- Haviland 1993 – *J.B. Haviland*. Anchoring, iconicity and orientation in Guugu Yimidhirr pointing gestures // Journal of linguistic anthropology. 1993. V. 3.
- Haviland 1998 – *J.B. Haviland*. Guugu Yimidhirr cardinal directions // Ethos. 1998. V. 26.
- Haun et al. 2006 – *D. Haun, C. Rapold, J. Call, G. Janzen, S.C. Levinson*. Cognitive cladistics and cultural override in Hominid spatial cognition // Proceedings of the National academy of sciences of the United states of America. 2006. V. 103.
- Haun et al. 2011 – *D. Haun, C. Rapold, G. Janzen, S.C. Levinson*. Plasticity of human spatial memory: Spatial language and cognition covary across cultures // Cognition. 2011. V. 119.

- Jackendoff 1992 – *R. Jackendoff*. Languages of the mind: Essays on mental representation. Cambridge (MA), 1992.
- Jackendoff 2007 – *R. Jackendoff*. Language, consciousness, culture: Essays on mental structure. Cambridge (MA), 2007.
- Kita 2006 – *S. Kita*. A grammar of space in Japanese // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Krauss 2007 – *M. Krauss*. Keynote – mass language extinction and documentation: The race against time // O. Miyaoka, O. Sakiyama, M. Krauss (eds). The vanishing of languages of the Pacific rim. Oxford, 2007.
- Le Guen 2006 – *O. Le Guen*. L'organisation et l'apprentissage de l'espace chez le Mayas Yucatèques du Quintana Roo, Mexique. Unpublished thesis. 2006.
- de León 1994 – L. de León. Exploration in the acquisition of geocentric location by Tzotzil children // Linguistics. 1994. V. 32.
- de León 1995 – L. de León. The development of geocentric location in young speakers of Guugu Yimithirr. Nijmegen, 1995.
- Levinson 1994 – *S.C. Levinson*. Vision, shape, and linguistic description: Tzeltal body-part terminology and object description // Linguistics. 1994. V. 32.
- Levinson 1996 – *S.C. Levinson*. Frames of reference and Molyneux's question: Cross-linguistic evidence // P. Bloom, M. Peterson, L. Nadel, M. Garret (eds). Language and space. Cambridge, 1996.
- Levinson 1997 – *S.C. Levinson*. Language and cognition: The cognitive consequences of spatial description in Guugu Yimithirr // Journal of linguistic anthropology. 1997. V. 7.
- Levinson 2003 – *S.C. Levinson*. Space in language and cognition. Cambridge, 2003.
- Levinson 2006a – *S.C. Levinson*. The language of space in Yéli Dnye // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Levinson 2006b – *S.C. Levinson*. On the human «interaction engine» // N.J. Enfield, S.C. Levinson (eds). Roots of human sociality: Culture, cognition and interaction. Oxford, 2006.
- Levinson 2012 – *S.C. Levinson*. The original sin of cognitive science // Topics in cognitive science. 2012. № 4.
- Levinson, Gumperz 1996 – *S.C. Levinson, J. Gumperz* (eds). Rethinking linguistic relativity. Cambridge, 1996.
- Levinson, Wilkins 2006 – *S.C. Levinson, D. Wilkins* (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Levinson et al. 2012 – *S.C. Levinson, G. Janzen, D. Haun*. Tracking down abstract linguistic meaning: Neural correlates of spatial frame of reference ambiguities in language // PLoS One. 2012. V. 7.
- Li et al. 2011 – *P. Li, L. Abarbanell, L. Gleitman, A. Papafragou*. Spatial reasoning in Tenejapan Mayans // Cognition. 2011. V. 120.
- Lucy 1992a – *J. Lucy*. Language diversity and thought. A reformulation of the linguistic relativity hypothesis. Cambridge, 1992.
- Lucy 1992b – *J. Lucy*. Grammatical categories and cognition. Cambridge, 1992.
- Majid et al. 2004 – *A. Majid, M. Bowerman, S. Kita, D. Haun, S.C. Levinson*. Can language restructure cognition? The case for space // Trends in cognitive sciences. 2004. V. 8.
- McGregor 2006 – *W. McGregor*. Prolegomenon to a Warrwa grammar of space // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Palmer 2002a – *B. Palmer*. Absolute spatial reference and grammaticalisation of perceptually salient phenomena // G. Bennardo (ed.). Representing space in Oceania: Culture in language and mind. Canberra, 2002.
- Pederson 1993 – *E. Pederson*. Geographic and manipulable space on two Tamil linguistic systems // U. Andrew, F. Campari, I. Campari (eds). Spatial information theory: A theoretical basis for GIS. Berlin, 1993.
- Pederson 2006 – *E. Pederson*. Spatial language in Tamil // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). Grammars of space. Explorations in cognitive diversity. Cambridge, 2006.
- Pederson 2007 – *E. Pederson*. Cognitive linguistics and linguistic relativity // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds). The Oxford handbook of cognitive linguistics. Oxford, 2007.
- Pederson et al. 1998 – *E. Pederson, E. Danziger, D. Wilkins, S.C. Levinson, S. Kita, G. Senft*. Semantic typology and spatial conceptualization // Language. 1998. V. 74.
- Piaget, Inhelder 1956 – *J. Piaget, B. Inhelder*. The child's conception of space. London, 1956.
- Senft 1997 – *G. Senft* (ed.). Referring to space: Studies in Austronesian and Papuan languages. Oxford, 1997.

- de Silva 1931 – *H. de Silva*. A case of a boy possessing an automatic directional orientation // *Science*. 1931. V. 73.
- Troadec 2009 – *B. Troadec*. Genèse de connaissances et contextes écologiques et culturels: les exemples de l'espace et du temps. *Habilitation à diriger des recherches*. Bordeaux, 2009.
- Senft 2007 – *G. Senft*. The Nijmegen space games: studying the interrelationship between language, culture and cognition // J. Wassmann, K. Stockhaus (eds). *Experiencing new worlds*. Oxford, 2007.
- Wassmann, Dasen 1998 – *J. Wassmann, P. Dasen*. Balinese spatial orientation: Some empirical evidence of moderate linguistic relativity // *Journal of the Royal anthropological institute*. 1998. V. 4.
- Wassmann, Dasen 2006 – *J. Wassmann, P. Dasen*. How to orient yourself in Balinese space: combining ethnographic and psychological methods for the study of cognitive processes // J. Straub, D. Seidemann, C. Kolbl, B. Zielke (eds). *Pursuit of meaning: advances in cultural and cross-cultural psychology*. Bielefeld, 2006.
- Wassmann, Stockhaus 2007 – *J. Wassmann, K. Stockhaus* (eds). *Experiencing new worlds*. Oxford, 2007.
- Widlok 2007 – *T. Widlok*. Conducting cognitive tasks and interpreting the results: the case of spatial inference tasks // *J. Wassmann, K. Stockhaus* (eds). *Experiencing new worlds*. Oxford, 2007.
- Wilkins 2006 – *D. Wilkins*. Towards an Arrernte grammar of space // S.C. Levinson, D. Wilkins (eds). *Grammars of space. Explorations in cognitive diversity*. Cambridge, 2006.
- Whorf 1956 – *B. Whorf*. *Language, thought and reality*. Cambridge (MA), 1956.
- Zlatev 2007 – *J. Zlatev*. Spatial semantics // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds). *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Oxford, 2007.

Сведения об авторе:

Сергей Юрьевич Бородай
Институт востоковедения РАН
sergey_boroday@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 15.11.2012.

© 2013 г. О.Е. ПЕКЕЛИС

«ЧАСТИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ» В КОНСТРУКЦИИ С ПОВТОРЯЮЩИМСЯ СОЮЗОМ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

В статье анализируется явление частичного согласования в числе сказуемого с сочиненным подлежащим, при котором сказуемое, несмотря на множественность субъектов, получает форму единственного числа. Факторы, определяющие допустимость частичного согласования, уточняются на материале повторяющихся союзов (*и...и, ни...ни, или...или, то...то*). Демонстрируется, что выбор между частичным и стандартным согласованием, а в случае частичного согласования также взаимное линейное расположение сказуемого и подлежащего, влияют на интерпретацию сочиненного подлежащего в терминах семантики множественности.

Ключевые слова: сочинение, согласование, повторяющийся союз, корпус

In this paper we discuss the phenomenon of partial agreement with coordinated subjects; that is, a strategy when a verb agrees with just one of the conjuncts. The factors which underlie the possibility of partial agreement are discussed for coordinate constructions with the Russian correlative conjunctions *i...i, ni...ni, ili...ili, to...to*. We argue that the choice between the standard and the partial agreement strategy, as well as, in the latter case, the linear order of subject and verb, determine the interpretation of the coordinate phrase in terms of the semantics of plurality.

Keywords: coordination, subject-verb agreement, partial agreement, correlative conjunction, corpus

ВВЕДЕНИЕ

Во многих, в том числе типологически несходных, языках распространенным является феномен «частичного согласования» (partial agreement) глагола с сочиненным подлежащим ([Corbett 1983; 2006; Munn 1999; Sadler 2003; Санников 2008] и др.)¹. Речь идет о случаях, когда глагол согласуется (по крайней мере, на первый взгляд) не с совокупностью конъюнктов, а только с одним из них. Ср. пример частичного согласования в числе из русского языка:

- (1) *Его мучит рефлексия и ирония – эти страсти развитого ума* [И. Золотуский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь» (2002)].

Как правило, глагол согласуется с линейно ближайшим конъюнктом:

- (2) *У Сережи моментально менялся (*-лось) тон и выражение лица.*

В существенно меньшем числе языков контролером согласования может быть дистанционно расположенный конъюнкт. По данным [Corbett 1983], такое возможно в латыни,

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00179 и Программы стратегического развития РГГУ.

сербохорватском и словенском. Ср. примеры частичного согласования в роде из словенского:

- (3) *Groza in strah je prevzela vso vas.*
horror.FEM.SG and fear.MASC.SG has seized.FEM.SG the-whole village
'Horror and fear have seized the whole village' [Corbett 1983: 180].

Предмет нашего рассмотрения – частичное согласование по числу в конструкции с повторяющимся сочинительным союзом (КПС) в русском языке. Мы стремимся предложить этому явлению такую трактовку, которая учитывала бы по возможности все его особенности, формальные и семантические, и одновременно объясняла бы сам факт существования частичного согласования.

Поясним, почему выбран повторяющийся союз. Оказалось, что в вопросе частичного согласования повторяющийся союз является более удобным материалом для исследования, чем одиночный. Дело в том, что семантические особенности повторяющегося союза, отсутствующие у одиночного, подчеркивают семантические особенности конструкции с частичным согласованием и тем самым обнажают эти особенности. По этой причине выводы, полученные в работе, не могут быть непосредственно перенесены на одиночный союз.

Говоря коротко, предлагаемая трактовка частичного vs. стандартного согласования в КПС сводится к следующему. Выбор между частичным и стандартным согласованием влияет на интерпретацию сочиненного подлежащего в терминах семантики множественности. Множественное число глагола при стандартном согласовании (ср.: *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжали*) индуцирует интерпретацию сочиненного подлежащего как множества индивидуализированных объектов. Семантика единственного числа глагола при частичном согласовании (ср.: *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал*) зависит от семантики повторяющегося союза. В целом возможностей здесь две: конъюнкты интерпретируются как отдельные или, наоборот, как объединенные сущности. Сразу обе эти возможности реализуются только в конструкции с соединительным союзом *и...и*, в зависимости от взаимного расположения глагола и сочиненного подлежащего. А именно, постпозиция глагола ведет к объединенной, препозиция – к отдельной интерпретации конъюнктов. В конструкциях с другими рассматриваемыми союзами, в значение которых входит разделительный компонент (*ни...ни, или...или, то...то*), единственное число глагола независимо от линейного порядка индуцирует отдельную интерпретацию конъюнктов. Семантическая специфика стандартного и частичного согласования, кроме того, особым образом взаимодействует с важной особенностью повторяющегося союза: такой союз требует дистрибутивной интерпретации конъюнктов (ср. невозможность взаимной соотнесенности конъюнктов с предикатом: **И Петя, и Вася похожи*). Семантика согласования может подкреплять эту дистрибутивность (при отдельной интерпретации конъюнктов) или ослаблять ее (при объединенной интерпретации), образуя разные виды, или степени, дистрибутивности. В целом функциональное назначение частичного согласования видится в том, чтобы дифференцировать разные семантические типы единичности / множественности.

Специфическая трудность при исследовании семантики частичного и стандартного согласования состояла в том, что обсуждаемые семантические различия часто не имеют непосредственного, наглядного проявления. Так, произвольно взятая пара примеров, скажем, с союзом *ни...ни*, различающихся только типом согласования (ср.: *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал / -ли*), не позволяет убедительно показать, что множественное число сказуемого индуцирует интерпретацию подлежащего как множества индивидуализированных объектов, а единственное число – как отдельных сущностей. Предполагаемые различия проявляются косвенно: во-первых, в некоторых специальных контекстах, и во-вторых – в том, что факторы, определяющие выбор между частичным и стандартным согласованием, сами по себе объясняются на основе об-

суждаемых различий в семантике. Наша цель, таким образом, состояла в экспликации таких неочевидных проявлений.

В статье рассмотрены четыре повторяющихся сочинительных союза: *и...и*, *ни...ни*, *или...или*, *то...то*. Наиболее подробно рассмотрен самый частотный из них – союз *и...и*. В ходе изучения частичного согласования в терминах семантики множественности необходимо было выявить и классифицировать для каждого союза в отдельности факторы, разрешающие частичное согласование. Хотя общий набор таких факторов известен, он изучен в основном на материале одиночного союза *и*; другие союзы, тем более повторяющиеся, насколько нам известно, подробно и системно не рассматривались.

Статья имеет следующую структуру.

В разделе 1 перечислены основные факторы, определяющие допустимость частичного согласования при сочинении. В разделе 2 проведена корпусная проверка этих факторов на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) для повторяющегося союза *и...и*. В разделе 3 изложена и обоснована семантическая трактовка стандартного и частичного согласования в конструкции с *и...и*. В разделах 4, 5 и 6 в аналогичном семантическом ракурсе рассмотрены союзы *ни...ни*, *или...или* и *то...то* соответственно.

1. СТАНДАРТНОЕ vs. ЧАСТИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ: РЕЛЕВАНТНЫЕ ФАКТОРЫ

Факторы, влияющие на выбор единственного числа глагола в сочинительной конструкции, известны и систематизированы ([Пешковский 1928/2001; Перетрухин 1979; РГ 1980; Граудина и др. 2008; Санников 2008] и др.). Это, прежде всего, следующие факторы²:

- 1) выбору единственного числа способствует препозиция глагола;
- 2) вероятность выбора единственного числа глагола максимальна при неодушевленных конъюнктах абстрактной семантики и минимальна при конъюнктах, обозначающих имена собственные;
- 3) выбору единственного числа способствует отсутствие у глагола характеристики рода;
- 4) в прошедшем времени (т.е. при наличии у глагола характеристики рода) выбору единственного числа способствует совпадение рода у всех конъюнктов.

Факторы 1–4 можно изобразить в виде иерархий, характеризующих вероятность единственного числа глагола (чем выше по иерархии, тем вероятнее единственное число):

- 1'. Постпозиция глагола (порядок SV) < препозиция глагола (порядок VS).
- 2'. Имена собственные < одушевленные нарицательные < неодушевленные конкретные < неодушевленные абстрактные.
- 3'. Прошедшее время < настоящее / будущее время.
- 4'. В прошедшем времени: род не совпадает < род совпадает.

Приведем объяснение для каждой из иерархий.

Иерархия 1' убедительно объяснена А.М. Пешковским [Пешковский 1928/2001: 450]: «Когда сказуемое стоит перед подлежащими, оно склонно согласоваться с ближайшим из них, когда же оно стоит после подлежащих, оно предпочитает объединить собой всех их. Причина этого различия очень проста: объединение в мысли того, что еще последует, труднее для говорящего <...>. Наоборот, объединить мыслью то, что уже сказано, – дело совершенно естественное».

² Перечисленные ниже факторы являются слабыми, в том смысле что они способствуют частичному согласованию, но не предопределяют его заведомо. Сильные факторы, однозначно определяющие модель согласования (например, интерпозиция сказуемого, ср.: *И семга надоела (*-и), и икра*), мы не рассматриваем, поскольку нас интересуют прежде всего причины колебаний между стандартным и частичным согласованием.

Объяснение иерархии 2' предложено в [Кодзасов 1987]; правда, оно касается действия данной иерархии при частичном согласовании с сочиненным подлежащим не глагола, а атрибутивного прилагательного (*белая шляпка и блузка* и т. п.). Тем не менее, поскольку релевантная иерархия одна и та же, можно ожидать, что и закономерности, лежащие в ее основе, совпадают для случаев прилагательного и глагола. Приведем пространную цитату из названной работы:

«В собранном нами массиве примеров сингулярная форма определений при абстрактных конъюнктах почти не знает исключений. <...> Вероятно, здесь действуют две причины. Первая состоит в том, что абстрактным конъюнктам не соответствует объективная материальная связь, т.е. пространственная, временная или функциональная близость. Их соединение носит чисто интеллектуальный характер и не подкрепляется соответствующими чувственными образами. Поэтому они подвергаются атрибуции не как парное множество, а как отдельные сущности. Вторая причина состоит в том, что плуральная форма атрибута как бы предполагает счетность элементов, входящих в определяемое множество, а это противоречит неисчисляемости абстрактных имен» [Там же: 217].

К обсуждению данного объяснения мы вернемся в разделе 3.3.

Наконец, иерархии 3' и 4' объяснены в [Санников 2008: 159, 160]. Совпадение характеристик рода у всех подлежащих облегчает выбор единственного числа сказуемого (иерархия 4') потому, что «это сказуемое оказывается потенциально согласующимся с каждым из сочиненных подлежащих». Данного вопроса вообще не возникает, если у сказуемого отсутствуют характеристики рода – отсюда иерархия 3'.

2. КОРПУСНАЯ ПРОВЕРКА РЕЛЕВАНТНЫХ ФАКТОРОВ

Наш анализ направлен на иллюстрацию иерархий 1'-4' для случая союза *и...и* как самого частотного повторяющегося союза. Судя по данным НКРЯ, все четыре иерархии для *и...и* релевантны. Этот факт демонстрируется ниже в таблице 1.

Обратим внимание, что количественные данные представлены не вполне традиционно – не в конкретных цифрах, а в общих обозначениях «МНОГО ПРИМЕРОВ» (МП, если соответствующих примеров в корпусе нашлось более четырех) и «ЕДИНИЧНЫЕ ПРИМЕРЫ» (ЕП; если примеров нашлось четыре и менее). Граница, установленная на «четверке», выбрана достаточно условно, поэтому такой способ подсчета, конечно, огрубляет реальное положение дел. Так, с одной стороны, ярлыками «много» и «единичные примеры» оказываются разграничены случаи, для которых число найденных примеров равняется четырем и пятью, т.е. отличается всего на единицу. С другой стороны, ярлыком «много примеров» оказываются отождествлены случаи, для которых разница в количестве найденных примеров исчисляется десятками. Тем не менее не кажется, что такое огрубление способно существенно исказить общий результат. Для наших целей главное, что принятый способ работы с корпусом позволяет видеть явные контрасты в степени приемлемости частичного согласования при разных наборах параметров. Действительно, если примеров, отвечающих некоторым параметрам, нашлось пять и более, можно заключить, что конструкция при соответствующих параметрах в целом стандартна. Если примеров два-три, конструкция, по-видимому, экзотична. Наконец, если примеров не находится вовсе, правомерно заключить о сомнительности конструкции. Данное разграничение между стандартными, экзотичными и сомнительными конструкциями мы и видели своей задачей.

Преимуществом допущенного нами статистического огрубления стала наглядность в изображении материала: в таблице 1 согласованное действие факторов 1–4 представлено в виде цельной картины, без отвлечения на малозначимые (в контексте поставленной задачи) колебания цифр. «Малозначимой» в нашем случае можно считать разницу между, скажем, результатом в 10 и результатом в 20 примеров: оба результата свидетельствуют о стандартности конструкции.

Оговорим, что при поиске в корпусе из рассмотрения были исключены следующие случаи (некоторые для простоты, некоторые потому, что заведомо предопределяют грамматему числа сказуемого):

- конструкции, где один или оба конъюнкта имеют форму множественного числа;
- конструкции с интерпозицией сказуемого, где сказуемое очевидным образом согласуется только с предшествующим конъюнктом, а не с сочиненной группой (ср.: *В раю и зима была, и лето, а про дома не говорится* [А. Иличевский. Перс (2009)]);
- конструкции, где сочиненной группе предшествуют обобщающие местоимения типа *все, ничего* и т. п., поскольку сказуемое согласуется тогда с этим местоимением, а не с сочиненной группой (ср.: *В начале Петров-Водкин требовал, чтобы всё – и натурица и фон – было выполнено одним синим цветом* [Н. Чушкин. В. Дмитриев. Творческий путь (Записи бесед, выписки, наброски и др. материалы) (1948)]);
- конструкции с конъюнктами, выраженными субстантивированными причастиями или прилагательными среднего рода – в этом случае сказуемое с высокой вероятностью принимает форму единственного числа независимо от других факторов [Санников 2008: 153], ср.: *Он изменился. И старое и новое похорошело* [Е. Гиль. Свидание с юностью (2003) // «Вестник США»];
- конструкции со сказуемым в будущем времени – для проверки иерархии 3' мы ограничились сравнением настоящего и прошедшего времени глагола;
- конструкции, где сказуемое выражено формами глагола *быть*, омонимичными с точки зрения числа (ср.: *Я люблю «Совенок» – и тепло и выбор есть* [Наши дети: Малыши до года (форум) (2004)]);
- конструкции, где конъюнкты и глагол расположены неконтактно.

Таблица 1 организована следующим образом. Столбцы различают разные семантические типы существительного: неодушевленные, среди них абстрактные и конкретные, и одушевленные, среди них нарицательные и собственные. Строки различают два порядка слов – с препозицией и постпозицией сказуемого; внутри каждого порядка – настоящее и прошедшее время сказуемого, и внутри последнего случая – совпадение и несовпадение рода у конъюнктов.

Как видно из таблицы, данные корпуса подтверждают согласованное действие иерархий 1'–4'. Самой сильной, судя по таблице, является иерархия 1': при порядке VS, благоприятствующем частичному согласованию, примеров нашлось «много» независимо от значения других параметров. Другие иерархии проявили себя при порядке SV: по мере прохождения вниз по иерархиям, т.е. от наибольшей вероятности единственного числа к наименьшей (от существительных абстрактной семантики к именам людей, от настоящего времени сказуемого к прошедшему и т.д.), планомерно снижается и количество найденных примеров. Единственное отклонение от ожидаемого результата касается разницы между «неодушевленными конкретными» и «одушевленными нарицательными» конъюнктами в графе «SV, наст. вр.»: во втором случае, вопреки ожиданиям, примеров больше, чем в первом. Однако это отклонение объяснимо, если учитывать специфику одушевленных нарицательных конъюнктов.

Такие конъюнкты делятся на две группы: референтные и нереферентные ИГ (именные группы). Известно (см., например, [Санников 2008: 157]), что выбору единственного числа глагола способствуют нереферентные ИГ (поскольку приближаются к абстрактным существительным), а референтные ИГ, напротив, препятствуют единственному числу (поскольку приближаются к именам людей). Ср. примеры:

- (4) *“Сам постыдный плотский грех никак не назывался – и прокурор, и адвокат, и свидетель вынужден был говорить обиняками.*
- (5) *Бывает, что и вор, и преступник поступится в нашу дверь* [митрополит Антоний (Блум). Исцеление гергесинских бесноватых (1981)].
- (6) *Все двери перед ним – настежь, и штатский, и военный почитает за честь находиться в его обществе* [Я. Козловский. Мошенство копировщика (1999) // «Дружба народов»].

Таблица 1

Семантические типы компонентов (СТК)		Неодуш. абстрактные	Неодуш. конкретные	Одуш. нарицательные	Собственные
Линейный порядок компонентов (ЛПК)					
порядок VS	Наст. вр.	МП: <i>От этого – от мысли – идет и фантазия, и temperament, и то, что в результате остается в памяти у зрителей</i> [В. Да- выдов. Театр моей мечты (2004)].	МП: <i>При этом, разумеется, исчезает и выпивка и закуска</i> [Ф. Чернин. Вячик Слонимов и его путешествие в непонятное // «Звезда» (2002)].	МП: <i>В это верит и епископ, и мирянин, и священник, и диакон, а если не верит, – то нет у него и Церкви</i> [Иоанн Мейendorf. Православное свидетельство в современном мире (1992)].	МП: <i>Вздыхает и Горкин, и Домна Панферовна. А кругом весело, ярко, зелено</i> [И. Шмелев. Богомолье (1930–1931)].
	Пр. вр.	Совп. род	МП: <i>В его голосе чувствовалось и удивление, и беспокойство</i> [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)].	МП: <i>И под каждым ей кустом был и стул, и дом</i> [Н. Коляда. Барак (1987)].	МП: <i><...> так же ходил и отец, и дед, и прадед</i> [В. Белов. За тремя волоками (1965)].
		Несовп. род	МП: <i>Я знал, как у Сережи моментально менялся и тон, и выражение лица</i> [М. Александр. Сережа. Быль (2003) // «Вестник США»].	МП: <i>Вместе с Отариком погибла и партия, и фонд социальной защиты спортсменов</i> [Г. Кучерена. Бал беззакония (2000)].	МП: <i>И вот уже исчез и актер, и женщина</i> [К. Чуковский. Осип Дымов. Солнцеворот. Содружество. (1905)].

порядок SV	Наст. вр.	МП: Сидишь один – и смех, и зло разбирает [П. Гнедич. Книга жизни (1918)].	ЕП: И картошка, невесть кем посаженная, в огороде растет, и подсолнух, и кукуруза зреет [А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)].	МП: Все двери перед ним – настежь, и штатский, и военный почтает за честь находиться в его обществе [Я. Козловский. Мошенство копировщика (1999)].
	Совп. род	ЕП: И смех, и ужас напал на меня, – хлад мраза тонка, как говорят мистики [Д. Мережковский. Александр Первый (1922)].	ЕП: Мне хотелось тоже попить чайку, у меня и чай, и сахар был [Ф. Решетников. Очерки обозной жизни (1867)].	ЕП: для случая общий род + женский род: Сложились мы все – кому как сила – и сирота и вдова дала – всяк дал; на, говорят, Сидорыч, иди; ищи защиту [А. Сухово-Кобылин. Дело (1861)].
	Несовп. род	ЕП: Я всегда люблю прличные разговоры; чтобы, как говорят, вместе и услаждение и назидательность была [Н. Гоголь. Вчера на хуторе близ Диканьки: предисловие ко второй части (1831–1832)].		

Именно оппозиция референтных vs. нереферентных существительных стоит за тем, что для параметров «SV, нарицательные, наст. вр.» примеров обнаружено больше, чем в аналогичном случае с неодушевленными конкретными конъюнктами. Дело в том, что во всех примерах с нарицательными конъюнктами (семь примеров) фигурируют нереферентные конъюнкты, а такие конъюнкты, повторим, сближаются с существительными абстрактной семантики. Последние же, в соответствии с иерархией 2', благоприятствуют частичному согласованию больше, чем конкретные существительные.

Действием того же фактора можно объяснить и разницу между столбцами «одушевленные нарицательные» и «собственные» при порядке SV (наличие примеров в первом, но не во втором случае). Так, при настоящем времени сказуемого для случая нарицательных конъюнктов в корпусе, как сказано выше, обнаруживаются исключительно примеры с нереферентными конъюнктами. При аналогичном сочетании параметров, но конъюнктах – именах людей (естественно, референтных), примеров, как видно из таблицы 1, не найдено.

3. ЧАСТИЧНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗОМ И...И: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Известно, что частичное согласование менее распространено при соединительных союзах (*и*, *и...и* и др.), чем при разделительных (*или*, *или...или* и др.). Это связано с тем, что соединительный союз семантически предрасполагает к множественному числу глагола, тогда как разделительный, наоборот, предрасполагает к единственному числу. Тем самым частичное согласование при соединительном союзе, в отличие от разделительного, не может быть объяснено очевидными семантическими причинами, и потому представляет особый интерес.

Настоящий раздел посвящен выявлению семантической специфики частичного согласования при соединительном союзе *и...и*. Будучи центральным повторяющимся союзом соединительной семантики, он в контексте нашей темы прежде всего заслуживает внимания (о других союзах см. ниже).

3.1. Частичное vs. стандартное согласование в конструкции с союзом *и...и*: основная семантическая закономерность

Наша основная гипотеза состоит в том, что в конструкции с *и...и* выбор между стандартным и частичным согласованием, а в последнем случае – выбор между линейным порядком VS и SV влияет на семантическую интерпретацию конъюнктов.

(7) Основная семантическая гипотеза

- а. При стандартном согласовании в конструкции с союзом *и...и* конъюнкты интерпретируются как множество индивидуализированных объектов.
- б. При частичном согласовании в конструкции с союзом *и...и* интерпретация зависит от порядка слов:
  1. При порядке VS конъюнкты интерпретируются как отдельные объекты.
  2. При порядке SV конъюнкты интерпретируются как объединенные объекты³.

Введенные понятия «отдельности» и «объединенности» ниже будут уточнены (раздел 3.2).

Следующие два раздела посвящены обоснованию Гипотезы (7).

³ Термин «объекты» употреблен до некоторой степени условно: в случае абстрактных конъюнктов точнее было бы говорить не об объектах, а, скажем, о «сущностях». В дальнейшем этим различием мы пренебрегаем.

3.2. Основная закономерность: прямые аргументы

Под прямой аргументацией мы пониманием аргументацию на материале примеров, в которых закономерность (7) непосредственно проявляется.

Рассмотрим следующие контрастирующие примеры:

- (8) а. *Это была и правда и неправда* [А. Солженицын. В круге первом (1968)].
б. **Это были и правда, и неправда.*
в. *В его словах была/были и правда, и неправда.*
г. *Это были и удивление, и любовь.*

Данные примеры относятся к особому типу биноминативных конструкций, в которых затруднена идентификация подлежащего и сказуемого [Падучева, Успенский 1979/2002]. Поэтому, строго говоря, такая проблемная конструкция – не лучший материал для иллюстрации. Тем не менее используем его, потому что в нем, с одной стороны, ярко проявляется обсуждаемый тезис (7), а с другой, наблюдаемый контраст между примерами вряд ли можно отнести к грамматике; ср. структурно идентичные примеры (8б) и (8г).

В примерах (8а, б) лексическими средствами подчеркнута отдельность конъюнктов. Отдельность подчеркивается тем, что утверждается: нечто имело свойство X и свойство не-Х; ясно, что обладать свойствами X и не-Х должны разные – отдельные! – части этого «нечто».

Наше предположение, согласно Гипотезе (7), состоит в том, что примеры (8а, б) – с частичным согласованием при порядке VS и стандартным согласованием соответственно – подразумевают выбор между отдельной интерпретацией конъюнктов в (8а) и их интерпретацией как множества в (8б). Ввиду того, что здесь лексически акцентирована «отдельность», единственным допустимым оказывается вариант (8а) с частичным согласованием – как и предсказывается Гипотезой.

Почему при этом допустим пример (8в)? Если (8б) представляет собой предложение тождества, то (8в) – бытийное предложение (о типах предложения см. [Арутюнова 1976]). В (8б) один и тот же объект отождествляется с двумя противоположными свойствами; отсюда неизбежно противоречие, порождающее акцент на отдельных «частях» этого объекта. В (8в) противоположные свойства не отождествляются с объектом, а локализуются на «территории». Но на одной и той же территории могут существовать самые разные свойства; поэтому противоречие менее выражено и сопутствующего акцента на отдельности не возникает.

Тем более нет акцента на отдельности в (8г).

Аналогично:

- (9) а. *Это был и рай и ад.*
б. **Это были и рай и ад / и добро и зло / и счастье и горе / и вера и неверие / и т.д.*
в. ?*Там, откуда мы вернулись, были и рай и ад.*
г. ?*Внутри нас были и рай и ад.*

Хотя примеры (9в, г), как и (8в) – бытийные предложения, при данном лексическом наполнении в них частично присутствует тот же эффект, что и в предложениях тождества (8б) и (9б): подчеркнута отдельность конъюнктов и поэтому сомнительно множественное число глагола.

До сих пор мы сравнивали частичное и стандартное согласование при порядке VS. Чтобы аргументировать предложенное семантическое разграничение порядков VS и SV при частичном согласовании, требовалось бы убедиться, что недопустимые предложения типа (8б, 9б) приемлемы при постпозиции глагола. Однако данный тип предложения тождества невозможен с постпозитивным глаголом, поскольку анафорическое *это* не может выступать в заключительной рематической позиции (**И правда и неправда были это*). Поэтому единственное, что мы здесь можем сделать – сравнить с «постпози-

тивными» аналогами бытийные предложения (9в, г). Как и ожидается, примеры (9в, г), сомнительные при препозиции глагола, заметно улучшаются при его постпозиции:

- (10) а. *Ирай и ад были там, откуда мы вернулись.*
б. *Ирай и ад были внутри нас.*

Согласно нашему предположению, пример (10а) лучше примера (9в), а (10б) – лучше (9г) потому, что отдельность конъюнкта, подчеркнутая лексическим составом, требует единственного числа глагола при порядке VS, но не SV.

Впрочем, сказанное подтверждает только, что порядок SV, в отличие от VS, не соединен с интерпретацией конъюнкта как отдельных объектов (тезис (76.1)), однако необходимость их интерпретации как «объединенных объектов» при порядке SV (тезис (76.2)) из приведенных примеров не следует. Последовательному обоснованию части (б) Гипотезы (7), касающейся частичного согласования, посвящен дальнейший материал раздела.

Прежде всего уточним, что в нашем понимании значит интерпретировать конъюнкты как «отдельные vs. объединенные объекты» (ниже для простоты используются ярлыки «отдельная vs. объединенная интерпретация»). Данное уточнение, в свою очередь, требует от нас остановиться на некоторых особенностях повторяющегося союза, поскольку такой союз сам по себе накладывает ряд ограничений на семантику конъюнкта.

Отступление. Семантические особенности повторяющихся союзов.

Повторяющиеся союзы, в том числе *и...и*, обладают следующими семантическими свойствами ([Haspelmath 2007: 15], см. также [Пекелис 2012]). В конструкции с повторяющимся союзом:

- (11) а. подчеркивается, что каждый конъюнкт участвует в сочинении;
б. каждый конъюнкт по отдельности соотносится с предикатом.

Относительно (11а) уточним, что под «конъюнктом» здесь понимается «терм или ситуация, выражаемая конъюнктом», т.е. единица семантической, а не синтаксической природы. Согласно (11а), повторяющийся союз подчеркивает, что выражаемое им отношение затрагивает обе ситуации / терма (в отличие от одиночного союза, который данный смысл выражает, но не акцентирует). Ср. примеры (12, 13) с повторяющимся и одиночным *и*: в первом примере, по сравнению со вторым, акцентирован тот факт, что выгоду из миграции извлекают обе соответствующие конъюнктам единицы – банки и правительства; в примере с одиночным *и* этот факт сообщен без специального акцента.

- (12) *<...> и банки, и правительства учатся извлекать выгоды из миграции* [«Вопросы статистики» (2004)].

- (13) *Банки и правительства учатся извлекать выгоды из миграции.*

Свойство (11б) проявляется, в частности, в том, что при повторяющемся союзе недопустим так называемый «симметричный предикат», соотносящий конъюнкты друг с другом:

- (14) **И испанский, и португальский похожи.*

- (15) **И Миша, и Катя целуются* – невозможно в «симметричном» понимании ('друг с другом').

Интерпретацию сочиненного подлежащего, при которой конъюнкты соотносятся с общим предикатом по отдельности, принято называть дистрибутивной. Свойство (11б), таким образом, означает, что повторяющийся союз обязывает к дистрибутивной интерпретации конъюнктов.

Вернемся к обсуждению основной Гипотезы (7) – точнее, ее части (б).

Под интерпретацией конъюнктов как «объединенных объектов» при порядке SV (тезис (7б.2)) мы понимаем их **объединение в некоторую собирательную общность**. Так, в примере (16) антонимичные (в данном контексте) конъюнкты *девчонка – мальчишка* индуцируют понимание ‘каждый, всякий внук любит бабушку любой’.

- (16) *И девчонка, и мальчишка, Любят бабушку любой!* [Наши дети: Дошкольята и младшие школьники (форум) (2005)].

Аналогично, в предложении *И чай, и сахар у меня был* конъюнкты объединяются в собирательную общность ‘все, необходимое для чаепития’.

Тому, чтобы реализовалась указанная объединенная интерпретация конъюнктов, способствует свойство (11а) повторяющегося союза (подчеркивание того, что «каждый конъюнкт участвует в сочинении»). Именно из-за данного свойства союз *и...и* легко индуцирует значение цельности, всеобщности и сочетается с местоимениями *все, всё*. Ср.:

- (17) *И костюмы, и говор, и игры, и фольклорные песни – всё позволяет отнести его к народному театру (не по форме, а по сути)* [Классика на школьной сцене // «Народное творчество» (2004)].

Не случайно в [Урысон 2011: 306] для *и...и* предложен термин «и исчерпанного множества».

Обратим внимание, что второе свойство повторяющегося союза – обязательность дистрибутивной интерпретации конъюнктов – наоборот, в некотором смысле противодействует объединенной интерпретации. При порядке SV, таким образом, имеет место своего рода «сниженная дистрибутивность»: конъюнкты интерпретируются как собирательная общность, частные представители которой, однако, по отдельности соотносятся с предикатом.

При порядке VS, наоборот, дистрибутивность прототипическая: конъюнкты не только по отдельности соотносятся с предикатом, но и, в соответствии с тезисом (76.1), интерпретируются как отдельные объекты. Под отдельностью мы понимаем **любое, подсказанное контекстом, разъединение объектов**. Это разъединение может обеспечиваться самыми разнородными факторами, из которых ниже приводятся два: пространственно-временная разделенность объектов, выражаемых конъюнктами, и различие в семантико-коммуникативном весе конъюнктов. Вопрос о том, как еще может реализовываться отдельность конъюнктов, мы оставляем в настоящей работе открытым.

С учетом приведенных уточнений обратимся к примерам:

- (18) а. *?Ко мне сегодня уже заходил и Коля, и Петя.*
б. **Вместе со мной гуляет / идет и Коля, и Петя.*
в. **И Коля, и Петя ко мне сегодня уже заходил.*

В (18а) и (18б) представлен порядок VS. Объясним различие в приемлемости данных примеров, опираясь на нашу интерпретацию частичного согласования при данном порядке (тезис (76.1)).

И в (18а), и в (18б) конъюнкты – имена собственные. Напомним, что имена собственные в наименьшей степени, по сравнению с другими типами существительных, совместимы с частичным согласованием. Следовательно, семантический тип конъюнктов

и в (18а), и в (18б) препятствует частичному согласованию. Однако в (18а) действует фактор, который отсутствует в (18б) и который в (18а) частичному согласованию способствует. Этот фактор – глагол *заходить*: выражаемый им смысл ‘приходить ненадолго’ и несовершенный вид, связанный с повторяемостью и хабитуальностью действий, ведут к тому, что ‘приход Коли’ и ‘приход Пети’ могут интерпретироваться как события, разнесенные во времени (‘Петя и Коля заходили в разное время’). Именно это, как представляется, обеспечивает «отдельную» интерпретацию конъюнктов и делает частичное согласование в (18а) относительно приемлемым, несмотря на конъюнкты – имена собственные. Напротив, в примере (18б) такая разнесенность во времени – отдельность – блокирована лексическим составом предложения (*гуляет вместе со мной*). Поэтому в примере (18б) частичное согласование недопустимо.

Контраст между примерами (18а) и (18б) свидетельствует в пользу части (61) Гипотезы (7): отдельная интерпретация при препозиции глагола. Чтобы проверить часть (62) (объединенная интерпретация при постпозиции глагола), следовало бы убедиться, что при порядке SV пример (18а) недопустим, что мы и видим в (18в). Однако при более пристальном рассмотрении оказывается, что пример (18в), в действительности, не показателен: его неприемлемость в первую очередь связана с тем, что при порядке SV и конъюнктах – именах собственных частичное согласование вообще недопустимо (см. таблицу 1).

Аналогичным соотношением связана следующая тройка примеров:

- (19) а. *Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке* [В. Панова. Спутники (1945)].
б. [?]*Записался и Иван, и Мария.*
в. ^{*}*И сестра Фаина, и Низвецкий записался.*

Контраст между (19а) и (19б) снова свидетельствует в пользу части (61) Гипотезы (7). В (19а) определенное несходство и, значит, отдельность конъюнктов обеспечивается их лексико-семантической разнородностью (*Низвецкий, сестра Фаина*). В (19б), наоборот, конъюнкты выраженно однородны в лексико-семантическом отношении (*Иван, Мария*) – отсюда затрудненность отдельной интерпретации конъюнктов, а следовательно, и частичного согласования. В (19в), где линейный порядок противоположен порядку в (19а), частичное согласование неприемлемо, что как будто согласуется с частью (62) утверждения (7). Однако и здесь этот контраст непоказателен, потому что неприемлемость единственного числа глагола в (19в) связана прежде всего с общим запретом на частичное согласование при конъюнктах – именах собственных и порядке SV.

Для аргументации тезиса (7б.2) следовало бы рассмотреть примеры, где запрет на частичное согласование при порядке SV связан только с невозможностью объединенной интерпретации, но не с другими посторонними факторами.

Именно таковы следующие примеры:

- (20) а. <Кто только ни побывал триумфатором.> *И стар и млад, и штатский и военный побеждал в этом соревновании.*
б. <Проигравших не было.> [?]*И стар и млад, и штатский и военный победил в этом соревновании.*
в. <Проигравших не было.> *В этом соревновании победил и штатский, и военный.*

В (20а) частичное согласование приемлемо, в (20б) – сомнительно, при том что (20а) и (20б) различаются только контекстом и видом глагола; никакие факторы из известных в литературе (см. раздел 1) здесь не фигурируют. В чем же причина?

Семантика концепта ‘победы’ в общем случае предполагает, что победитель находится на особом положении; его наделяет этим особым, обособленным положением сам факт победы. В примере (20б) контекст и совершенный вид глагола, выражающий однократность события, индуцируют понимание: ‘и стар и млад, и штатский и воен-

ный стали победителями **одного и того же соревнования**'. Тем самым победители противопоставлены друг другу как победившие в рамках одного и того же события. Такая противопоставленность подчеркнута указанной онтологической особенностью концепта победы. С этим, как мы предполагаем, и связана сомнительность частичного согласования в (20б): с одной стороны – противопоставленность конъюнктов, с другой – постпозиция глагола, предполагающая, наоборот, их объединенность.

Почему тот же эффект не «срабатывает» в примере (20а)? В (20а) контекстом и несовершенным видом глагола подсказано понимание, при котором победы разных победителей имели место в разные годы, а не в рамках одного и того же соревнования. Поэтому не возникает, как в (20б), противопоставленности конъюнктов, несовместимой с объединенной интерпретацией при порядке SV.

Здесь необходимо разъяснить одно кажущееся противоречие. Выше мы назвали пространственно-временную разделенность ситуаций фактором, индуцирующим отдельную интерпретацию. Почему же теперь мы говорим, что «победа в разные годы» – это, наоборот, объединяющий фактор?

Дело в том, что «объединенность» и «отдельность» конъюнктов устроены, по-видимому, асимметричным образом. Отдельность обеспечивается непосредственно: разного рода разъединяющими факторами. Объединенность же обеспечивается «от противного»: отсутствием разъединяющих факторов. Именно поэтому противопоставленность победителей в рамках одного соревнования – наличие разъединяющего фактора – затрудняет частичное согласование, а отсутствие такой противопоставленности ему способствует. При этом неважно, что средством, обеспечивающим отсутствие противопоставленности, является разделенность во времени («победа в разные годы»): это означает только, что противопоставленность победителей в рамках одного соревнования – более сильный разъединяющий фактор, чем времененная разделенность. Последнее, в свою очередь, свидетельствует о том, что разъединяющий фактор, достаточный для обеспечения отдельной интерпретации при порядке VS, при порядке SV может не «срабатывать»: его разъединяющей силы может оказаться недостаточно, чтобы воспрепятствовать объединенной интерпретации и, далее, частичному согласованию при порядке SV⁴.

Вернемся к рассмотрению примеров. В примере (20в), отличающемся от сомнительного (20б) только линейным порядком, частичное согласование не затруднено потому, что порядок VS предполагает не объединенную, а отдельную интерпретацию, и указанного конфликта не возникает. Отметим, впрочем, что пример (20в) снова не вполне показателен: нельзя исключать, что здесь дело не в «отдельности», а в общем приоритете порядка VS над SV при частичном согласовании. Поэтому для строгости обоснования лучше не сравнивать порядки SV и VS, а независимо иллюстрировать необходимость объединенной интерпретации при SV и отдельной при VS. Так мы и поступали выше.

Еще примеры:

- (21) а. *<Триумфаторами этого соревнования побывали самые разные люди.> И спортсмен, и пенсионер добирался до финиша.*
б. *<Проигравших не было.> ⁷И спортсмен, и пенсионер добрался до финиша.*
в. *<Проигравших не было.> До финиша добрался и спортсмен, и пенсионер.*

⁴ Чем объяснить указанную асимметрию объединенной и отдельной интерпретации? Возможно, самой природой понятий объединенности и отдельности. Отдельность – непредельное понятие: об отдельности можно говорить при наличии хотя бы одного разъединяющего фактора; все прочие разъединяющие факторы будут просто увеличивать степень этой отдельности. Объединенность между тем имеет предел: объединенными естественно называть такие объекты, которые объединены полностью (ср. неправильность **полностью отдельны*). Поэтому при оценке того, имеет ли место объединенность или нет, существенной оказывается степень объединенности. Поскольку же общих критериев для определения этой степени нет, удобным оказывается оценивать объединенность от противного: с опорой на то, что препятствует объединенности.

Здесь другими лексическими средствами выражен тот же самый концепт победы. В (21а), за счет контекста и несовершенного вида глагола, речь идет о победах в разные годы, поэтому акцента на противопоставленности победителей в рамках одного и того же соревнования не возникает. Но такой акцент возникает в (21б), отсюда шероховатость предложения. Напротив, при порядке VS, способствующем отдельной интерпретации, совершенный вид глагола не препятствует частичному согласованию (что, впрочем, опять не вполне показательно).

Обратимся к примерам другого рода:

- (22) а. *<Маше все симпатизировали. И сосед, и одноклассник мечтал с ней увидеться.*
б. *<Машу встречали очень тепло. ?И сосед, и одноклассник бросил все дела, чтобы с ней увидеться.*

Пример (22б), где частичное согласование сомнительно, и пример (22а), где оно приемлемо, различаются семантикой сказуемого: в (22б) сказуемое имеет более агентивный характер, чем в (22а). Какое отношение это различие имеет к частичному согласованию?

Агентивность принято связывать с наличием у агенса инициативы, воли и ответственности в совершении соответствующего действия. В нашем случае имеем два агensa, у каждого из которых своя воля, ответственность и т.д. Тем самым два конъюнкта разделены наличием двух (разных) активных начал. Напротив, пациентивность связывают с отсутствием у пациенса воли и ответственности в совершении действия. Если в примере (22б) видим две разные воли (разъединяющий фактор), то в (22а) – отсутствие воли (объединяющий фактор)⁵. Поэтому (22а) скорее, чем (22б), допускает частичное согласование.

В (22б), кроме того, сказывается тот же эффект, что и в примерах (20, 21а—в) выше: совершенный вид глагола подразумевает, что действие *бросить все дела* было совершено участниками примерно в одно время, а это усиливает противопоставленность двух активных начал. Напротив, несовершенный вид глагола в (22а) способствует отсутствию противопоставленности.

Фактор агентивности затрудняет частичное согласование и в следующем примере (23б) (ср. с (23а), где агентивность отсутствует):

- (23) а. *Мне хотелось тоже попить чайку, у меня и чай, и сахар был* [Ф. Решетников. Очерки обозной жизни (1867)].
б. *?И чай, и сахар нанес вред его организму.*

То, что активная семантика глагола затрудняет частичное согласование, отмечается в [Перетрухин 1979: 180]. Однако в [Санников 2008: 159–160] это утверждение оспаривается с ссылкой на примеры, где сказуемое имеет пассивный характер, но частичное согласование все равно невозможно. Ср. (24а) и (24б) (в названной работе обсуждаются аналогичные примеры с одиночным *и*):

- (24) а. **И Миша, и Петя хорошо виден отсюда* (глагол имеет «неактивную семантику»).
б. **И Миша, и Петя ушел отсюда* (глагол имеет «активную семантику»).

Отсутствие в (24а, б) ожидаемого контраста связано прежде всего с тем, что здесь действуют более сильные факторы, запрещающие частичное согласование: порядок SV и имена собственные в качестве конъюнктов. В примерах (22б, в) и (23а, б) между тем таких «затемняющих» контраст факторов нет, поэтому доступным наблюдению становится фактор агентивности.

⁵ Речь идет, конечно, о большей пациентивности глагола в (а) относительно глагола в (б), но не об абсолютной пациентивности глагола в (а).

Вместе с тем рассмотренный материал заставляет задуматься, почему все проанализированные выше примеры демонстрируют не резкий контраст (безусловно приемлемого предложения с безусловно неприемлемым), а тонкий и зыбкий. Этот вопрос стоит в одном ряду с другим: почему предполагаемое различие между порядками VS и SV, сформулированное в (7б), эксплицируется лишь в отдельных, специально подобранных примерах, но не в любой паре примеров, отличающихся только линейным порядком?

Различие (7б), как представляется, является не первичным семантическим различием между SV и VS, а вторичным эффектом работы грамматических механизмов. Обратим внимание, что во всех разобранных примерах частичное согласование сомнительно тогда, когда реализация (7б) затруднена, т. е. затруднена реализация объединенной интерпретации при порядке SV и отдельной при порядке VS. Другими словами, (7б) не проявляется непосредственно, а только «под нажимом» сопутствующих условий. Это как раз и свидетельствует о том, что (7б) не относится к семантике как таковой, а возникает как побочный эффект работы других механизмов. Мы вернемся к обсуждению этого вопроса в Заключении.

Завершая раздел, привлечем к рассмотрению одиночный союз *и*. В силу своих семантических отличий от повторяющегося одиночный союз не позволяет провести между порядками VS и SV столь определенной семантической границы. Так, рассмотренные выше приемлемые примеры с *и...и*, контрастирующие с соответствующими неприемлемыми, при замене союза на одиночный *и* ухудшаются:

- (25) **Ко мне сегодня уже заходил Коля и Петя.*
ср. с (18а): ?*Ко мне сегодня уже заходил и Коля, и Петя.*
- (26) <*Кто только ни побывал триумфатором.*> ?*Стар и млад, штатский и военный побеждал в этом соревновании.*
ср. с (20а): <*Кто только ни побывал триумфатором.*> *И стар и млад, и штатский и военный побеждал в этом соревновании.*
- (27) <*Триумфаторами этого соревнования побывали самые разные люди.*> *?*Спортсмен и пенсионер добирался до финиша.*
ср. с (21а): <*Триумфаторами этого соревнования побывали самые разные люди.*> *И спортсмен, и пенсионер добирался до финиша.*

Тот факт, что повторяющийся союз способствует частичному согласованию, прежде уже отмечался ([Гвоздев 1973; РГ 1980] и др.). Правда, он оспаривается в [Санников 2008: 156], но в таком случае непонятно, чем объяснить проиллюстрированный выше контраст.

Можно заключить, таким образом, что закономерность (7б) по отношению к одиночному *и* не действует или, по крайней мере, действует в меньшей степени. В чем причина этого отличия *и* от *и...и*?

Причина в том, что одиночный союз не обладает указанными выше семантическими особенностями повторяющего союза. Напомним, что в конструкции с *и...и* объединение конъюнктов при порядке SV облегчается «акцентом на участии в сочинении каждого конъюнкта» (свойство (11а)). Отдельность конъюнктов при порядке VS согласуется с другим свойством повторяющегося союза: обязательность дистрибутивной интерпретации (свойство (11б)). Взаимодействуя с этими особенностями повторяющегося союза, отсутствующими у одиночного, семантическая специфика частичного согласования проявляет себя нагляднее, чем в конструкции с одиночным союзом.

3.3. Основная закономерность: косвенные аргументы

Помимо примеров, в которых Гипотеза (7) проявляется непосредственно, имеются и некоторые косвенные аргументы.

Во-первых, сама по себе связь объединенной интерпретации конъюнктов с постпозицией глагола, а отдельной интерпретации – с препозицией глагола кажется понятной и естественной. Убедительное объяснение этой связи мы видим в приведенной выше формулировке А.М. Пешковского: «Объединение в мысли того, что еще последует, труднее для говорящего <...>. Объединить мыслью то, что уже сказано, – дело совершенно естественное» [Пешковский 1928/2001: 450]. Слова Пешковского относятся к тому факту, что препозиция глагола скорее, чем постпозиция, способствует частичному согласованию (иерархия 1' выше). Та же логика правомерна и в нашем случае.

Во-вторых, в пользу (7) свидетельствует иерархия 2', ставящая допустимость частичного согласования в зависимость от семантики конъюнктов. Повторим 2' для удобства изложения:

2'. имена собственные < одушевленные нарицательные < неодушевленные конкретные < неодушевленные абстрактные.

Напомним, что в [Кодзасов 1987] предлагается объяснять 2' тем, что абстрактным конъюнктам не соответствует объективная материальная связь, поэтому они должны интерпретироваться как «отдельные сущности», а не «парное множество».

Представляется, однако, что отсутствие у абстрактных конъюнктов «объективной материальной связи» способствует лишь тому, чтобы единственное число глагола предпочтеть множественному, но само по себе единственное число не означает еще интерпретации конъюнктов как «отдельных сущностей». В самом деле, множественное число глагола предполагает, что конъюнкты интерпретируются как множество индивидуализированных объектов (= «парное множество» по Кодзасову). Понятно, что абстрактные сущности – как нечто, не имеющее отчетливых материальных границ и очертаний – с трудом могут интерпретироваться как множество индивидуализированных объектов, и этим они противостоят именам собственным, которые, наоборот, склонны обозначать индивидуализированные объекты. Но какой тогда интерпретации в терминах единичности / множественности способствует семантика абстрактных существительных? Представляется, что логических возможностей здесь две. Первая – та, что названа в [Там же]: абстрактные конъюнкты интерпретируются как отдельные сущности. Вторая возможность состоит в том, чтобы интерпретировать абстрактные конъюнкты как субъектный объект, полученный объединением нескольких сущностей. Здесь опять-таки абстрактные сущности противостоят именам собственным: первые, не имея отчетливых границ, с большей легкостью «объединяются» в субъектный объект⁶.

Согласно нашему основному предположению (7), при частичном согласовании в конструкции с *и...и как раз* и реализуются обе названные возможности: первая при порядке VS, вторая – при порядке SV.

Итак, иерархия 2', по-видимому, отражает степень того, в какой мере совокупность разных сущностей склонна интерпретироваться как множество индивидуализированных объектов. У имен собственных эта склонность максимальна (отсюда высокая вероятность множественного числа глагола), у абстрактных конъюнктов – минимальна (отсюда низкая вероятность множественного числа глагола). Поэтому абстрактные существительные выбирают одну из двух возможностей: или, при порядке SV, интерпре-

⁶ Из сказанного не следует, конечно, что одушевленные объекты, в отличие от абстрактных сущностей, не могут объединяться в субъектный объект (ср. субъектные существительные *молодежь, профессура* и т.п.). Речь идет лишь об относительной предрасположенности к такому объединению абстрактных имен по сравнению с конкретными.

тируются как собирательный объект, чему способствует абстрактная семантика; или, при порядке VS, интерпретируются как отдельные объекты.

То, что наша интерпретация иерархии 2' справедлива, подтверждается данными английского языка, где существительные в единственном числе, обозначающие группу или собрание объектов, могут употребляться со сказуемым во множественном числе при условии, что объекты одушевленные [Barker 1992; Pearson 2011]. Ср. допустимость множественного числа глагола (*are*) при существительных *team* ('команда') и *family* ('семья'), но не при существительном *forest* ('лес'):

- (28) a. *The team is considering its decision.*
b. *The team are considering their decision.*

- (29) a. *My family is tall except me.*
b. *My family are all tall.*

- (30) a. *The forest is tall.*
b. **The forest are all tall.*

При этом единственное число подчеркивает единство целого, а множественное число акцентирует «индивидуальность» каждого из объектов. Подчеркнуть индивидуальность неодушевленных объектов (средствами данной английской конструкции), как видно, невозможно. Это согласуется с нашим утверждением, что неодушевленные и тем более абстрактные сущности в наименьшей степени склонны обозначать индивидуализированные члены множества.

В пользу такой трактовки говорит, кроме того, следующее практическое наблюдение. Согласно (7б), при частичном согласовании в КПС объединенная интерпретация имеет место при порядке SV, и отдельная – при порядке VS. Поэтому можно ожидать, что частичное согласование окажется затруднено при порядке SV и конъюнктах – именах собственных, поскольку именно такие конъюнкты, по нашему предположению, в наименьшей степени позволяют объединенную интерпретацию. Наоборот, при порядке VS, индуцирующем отдельную интерпретацию, имена собственные должны быть разрешены.

Данные таблицы 1 показывают, что такое ожидание оправдывается. Независимо от значения параметров времени и рода в НКРЯ не нашлось примеров для порядка SV и конъюнктов, обозначающих имена людей. Напротив, таких примеров нашлось достаточно для порядка VS.

Итак, второе косвенное свидетельство в пользу Гипотезы (7) заключается в том, что иерархии 2' удается предложить такую интерпретацию, которая с (7) согласована.

3.4. Формализация предлагаемой трактовки

Предложенную семантическую интерпретацию частичного и стандартного согласования, сформулированную в (7), можно формализовать, пользуясь моделью множественности, принятой в формальной семантике. Начиная с классической работы [Link 1983] онтология множественности представляется в виде следующей схемы:

- (31) а. Атомы:
(i) простые атомы: a, b (единичные объекты)
(ii) группы: k (англ. *family*, *team*, *committee*) (единий объект, представляющий собой слияние объектов)
б. Множества: $a^{\oplus}b$, $a^{\oplus}k$, $b^{\oplus}k$, $a^{\oplus}b^{\oplus}k$ (сумма индивидуализированных объектов)

Используя данную классификацию, можно сказать, что единственное число глагола в конструкции с *и...и* сигнализирует об интерпретации сочиненной группы как атома (а),

а множественное число – об интерпретации сочиненной группы как множества (b). При единственном числе глагола порядок VS означает отнесенность конъюнктов к простым атомам (i), а порядок SV – отнесенность к группам (ii).

Данная аналогия, впрочем, в значительной мере условна. Основным препятствием для проведения полной аналогии служат «группы». Дело в том, что «группа» в настоящем смысле слова (ср. англ. *family*, *team*, *committee*) представляет собой цельный объект. Эта цельность и есть характеристическая черта группы, отличающая ее от множества. Между тем, как выше неоднократно говорилось, в конструкции с повторяющимся союзом каждый конъюнкт соотнесен с предикатом по отдельности. Поэтому настоящего слияния конъюнктов в группу в КПС не происходит.

Таким образом, привлеченная аналогия не означает, что конъюнкты в конструкции с *и...и* обладают, в зависимости от числа глагола и линейного порядка, типичными свойствами простых атомов, групп и множеств (о таких свойствах см., например, [Pearson 2011]). Эта аналогия всего лишь призвана продемонстрировать, что соотношение трех выделенных случаев – (1) множественное число глагола, (2) единственное число + порядок VS, (3) единственное число + порядок SV – похоже на то, как соотносятся три типа множественности, традиционно выделяемые в рамках формальной модели.

Завершая анализ союза *и...и*, подведем итог тому, как соотносятся разные типы множественности с дистрибутивной интерпретацией конъюнктов, к которой обязывает повторяющийся союз. По-видимому, обсуждаемые три случая отражают три разновидности дистрибутивного прочтения. Прототипическая дистрибутивность реализуется при интерпретации конъюнктов как простых атомов – т.е. при частичном согласовании и порядке VS. Два других случая так или иначе способствуют объединению конъюнктов (в «группу» или в «множество») и поэтому характеризуются менее выраженной, «смазанной» дистрибутивностью.

4. СОЮЗ *НИ...НИ*

Данный союз традиционно относят к классу соединительных и считают отрицательным аналогом *и...и* [РГ 1980, II: 618; Санников 2008: 300]. Поэтому априори можно было бы ожидать, что в отношении частичного согласования *ни...ни* ведет себя так же, как *и...и*. Однако при ближайшем рассмотрении такое ожидание не оправдывается. Главное отличие *ни...ни* от *и...и* заключается в том, что *ни...ни* свободно допускает единственное число глагола при порядке SV и референтных одушевленных конъюнктах, в том числе именах собственных. Продемонстрируем этот факт с помощью корпусного анализа.

Результат анализа *ни...ни* представлен в таблице 2 (ср. с таблицей 1 для союза *и...и*). Мы ограничились рассмотрением лишь части тех параметров, которые учитывались при анализе *и...и*. Во-первых, для *ни...ни* игнорировались параметры рода конъюнктов и времени глагола. Во-вторых, мы рассмотрели лишь «крайние» семантические типы конъюнктов – неодушевленные абстрактные конъюнкты, с одной стороны, и одушевленные (в том числе референтные), с другой. Вместе с тем в одном отношении *ни...ни* исследован подробнее, чем *и...и*: анализ частичного согласования мы дополнili анализом стандартного при аналогичных параметрах. Это связано с тем, что для *ни...ни*, в отличие от *и...и*, не выявлено случаев, когда частичное согласование было бы вовсе неприемлемо. В этих условиях сопоставление разных стратегий согласования могло оказаться полезным при оценке частотности конструкции (для *ни...ни* этот расчет не оправдался; однако он оправдался при анализе *или...или*: частичное согласование в одном случае оказалось более частотным, чем стандартное (см. раздел 5)).

По аналогии с *и...и* вместо точной статистики использовались ярлыки «много примеров» (пять и более примеров) и «единичные примеры» (четыре и менее примеров). Впрочем, последний ярлык, как видно из таблицы 2, не понадобился.

Указанное выше отличие *ни...ни* от *и...и* не только следует из проведенного корпусного анализа, но и отмечается в [Граудина и др. 2008: 39]. Союз *ни...ни* выделен в дан-

Таблица 2
НИ...НИ

СТК ЛПК	Неодуш. абстр.		Одуш.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
VS	МП: Без этого не обходится ни кораблестроение, ни конструирование автомобилей, ни энергетика [С. Кузьмина, П. Карклэ. Эолова арфа, самолеты и мосты (2009) // «Наука и жизнь»]	МП: Удовлетворительного ответа на этот вопрос до сих пор не дали ни наука, ни практика [Н. Моисеев, В. Чуенков. Классификация лесов по целевому назначению и режиму их использования (2003) // «Лесное хозяйство»].	МП: Что с нами делать – не знал ни Лукашин, ни Костенецкий [А. Азольский. Диверсант (2002)].	МП: Их не замечали ни тесть, ни зять [В. Балан. Шолохов и другие (2003) // «Лебедь» (Бостон)].
SV	МП: Их ни дождь, ни снег не держит [Б. Шергин. Золотая сюрприза (1930–1960)].	МП: Ни дождь, ни грязь не были помехой [Б. Екимов. Фетисыч (1996)].	МП: Ни отец, ни мать не помнила, которого числа я родился [Ф. Решетников. Никола Знаменский (1866)].	МП: Его соседа и одноклассника Витьку Кошелкина ни мать, ни отец не порют [А. Славинский. Гибель гитариста (1994–1995)].

ной работе как разрешающий (в отличие от *и и и...и*) единственное число глагола при постпозитивном сказуемом. Ср. приведенный там пример именно с одушевленными референтными конъюнктами:

(32) *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал.*

Если *ни...ни* отличается от *и...и* только полярностью, чем объяснить выявленное различие в частичном согласовании?

В действительности, семантическое различие между *и...и* и *ни...ни* не исчерпывается полярностью. Как и всякий повторяющийся сочинительный союз, *ни...ни* соотносит предикат по отдельности с каждым из конъюнктов:

(33) *Ни Маша, ни Петя не уехали* ≈ 'Ни Маша не уехала, ни Петя не уехал' ≠ 'не уехали Маша+Петя'.

Напомним, что *и...и* обладает тем же свойством, однако в конструкции с *и...и*, в отличие от *ни...ни*, соотнесение предиката с конъюнктами по отдельности синонимично соотнесению с совокупностью конъюнктов (ср. с (33)):

(34) 'И Маша и Петя уехали' ≈ 'И Маша уехала, и Петя уехал' ≈ 'Маша + Петя уехали'.

Данное отличие *ни...ни* от *и...и* обусловлено различием в полярности и может быть сформулировано языком математической логики. Конъюнкция отрицаний (согласно

«закону де Моргана») не тождественна отрицанию конъюнкции, потому что последнее тождественно дизъюнкции отрицаний:

$$(35) \neg A \& \neg B \neq \neg(A \& B) = \neg A \vee \neg B.$$

В конструкции с *и...и* в отсутствие отрицания аналогичного преобразования конъюнкции в дизъюнкцию не происходит. Не случайно в [Граудина и др. 2008: 39] союз *ни...ни*, вопреки традиции и в отличие от *и...и*, назван разделительным.

Как отмеченная особенность *ни...ни* оказывается на частичном согласовании? А именно, почему *ни...ни*, в отличие от *и...и*, разрешает единственное число глагола при линейном порядке SV и конъюнктах – именах собственных?

Напомним, чем выше мы объяснили затрудненность употребления *и...и* при данных параметрах. Порядок SV, согласно части (6.2) нашей основной Гипотезы (7), индуцирует объединенную интерпретацию конъюнктов. Однако имена людей в минимальной степени, по сравнению с другими семантическими типами существительных, склонны к объединению. Отсюда затрудненное употребление *и...и*.

Союз *ни...ни*, как мы видели, устроен иначе: в его семантике присутствует компонент, который заведомо гарантирует определенную степень раздельности в интерпретации конъюнктов. Эта раздельность предотвращает объединение конъюнктов при порядке SV. Поэтому не возникает и запрета на частичное согласование при порядке SV и конъюнктах – именах собственных.

Из сказанного следует, что семантическое различие (76) между порядками SV и VS, выявленное в конструкции с *и...и*, в конструкции с *ни...ни* отсутствует: объединенной интерпретации при порядке SV препятствует раздельный компонент в семантике *ни...ни*.

Итак, логика нашего рассуждения такова: *и...и*, но не *ни...ни*, обладает свойством (76.2). *Ни...ни* не обладает данным свойством в силу раздельного компонента в своей семантике. Благодаря тому, что *ни...ни* не обладает свойством (76.2), данный союз допускает частичное согласование при порядке SV и конъюнктах – именах людей.

Обратим внимание, что сама по себе лексическая семантика *и...и* и *ни...ни* не позволяет объяснить выявленного различия между союзами в том, что касается частичного согласования. Оба союза являются прототипическими соединительными союзами в том смысле, что в утвердительном ключе характеризуют отнесенность обеих ситуаций к реальному миру, только *и...и* – со знаком «плюс», а *ни...ни* – со знаком «минус». Само по себе это не объясняет, почему *ни...ни*, в отличие от *и...и*, легко допускает частичное согласование при конъюнктах – именах собственных. Изложенное выше рассуждение, напротив, увязывает все факты воедино.

Если для *ни...ни* не действует семантическая закономерность (76.2), какие типы множественности различает *ни...ни* в зависимости от типа согласования и линейного порядка?

По-видимому, стандартное согласование, т.е. множественное число сказуемого, свидетельствует об интерпретации сочиненной группы как множества индивидуализированных объектов («множество» в терминологии, привлеченной в разделе 3.4). Частичное согласование, т.е. единственное число сказуемого, независимо от линейного порядка свидетельствует об интерпретации конъюнктов как отдельных объектов («простых атомов»). Реализация третьего типа множественности – «группы» – при союзе *ни...ни* невозможна ввиду раздельного компонента, отличающего данный союз от *и...и*. Ср.:

- (36) а. *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжали* (‘члены множества {машинист, помощник} не выезжали’).
б. *Ни машинист, ни помощник сегодня не выезжал* (‘машинист не выезжал, помощник не выезжал’).

Семантическое различие между (36а) и (36б) настолько тонкое, что требует, кроме апелляции к языковой интуиции, независимого подтверждения. Такого подтверждения для союза *ни...ни* нам найти не удалось, однако оно нашлось для разделительного союза *или...или*, с точки зрения семантики согласования устроенного похожим образом. Этому посвящен следующий раздел.

5. СОЮЗ ИЛИ...ИЛИ

Данный союз традиционно считается разделительным, поскольку предполагает выбор одной из двух альтернатив. Такая семантика предопределяет единственное число сказуемого при сочиненном подлежащем. Поэтому частичное согласование в конструкции с *или...или*, в отличие от *и...и* и *ни...ни*, является скорее нормой, чем отклонением. Более того, исходя из семантических соображений можно было бы ожидать, что при *или...или* невозможно множественное число сказуемого. Тем не менее *или...или* допускает обе граммемы числа глагола (ср. примеры ниже).

Как представляется, возможность выбора граммемы числа как раз и служит для дифференциации разных типов множественности: «простые атомы» при единственном числе глагола и индивидуализированные члены «множества» – при множественном числе. Поскольку в *или...или* разделительный семантический компонент еще более выражен, чем в *ни...ни*, третий тип множественности «группы», при котором конъюнкты интерпретировались бы объединенно, в случае с *или...или* не реализуется.

В поддержку нашего предположения снова обратимся к корпусу. Его результаты представлены в таблице 3. Как и в случае с *ни...ни*, мы, во-первых, ограничились рассмотрением двух «крайних» семантических типов конъюнктов (неодушевленных абстрактных и одушевленных существительных) и, во-вторых, не брали в расчет время глагола и род конъюнктов. Кроме того, поскольку *или...или* – заметно менее частотный союз, чем *и...и* и *ни...ни*, статистика приведена в точных цифрах: введенное выше разграничение между ярлыками «много примеров» и «единичные примеры» здесь не имело смысла.

Оговорки требует принятное противопоставление абстрактных и одушевленных конъюнктов. Строго говоря, «крайними» по отношению к неодушевленным абстрактным существительным являются референтные одушевленные ИГ. Напомним, что именно такие ИГ затрудняют частичное согласование в конструкции с союзом *и...и*, тогда как прочие – нереферентные – одушевленные ИГ частичное согласование нередко допускают (см. раздел 2). При анализе союза *или...или* мы тем не менее рассматривали одушевленные существительные как цельную группу, однако обращали внимание на наличие хотя бы одного примера с референтными конъюнктами. Такой пример нашелся при порядке VS (см. таблицу 3), но не при порядке SV. Однако ввиду общей малочисленности примеров при порядке SV неправильным, по-видимому, было бы заключить, что параметр (не)одушевленности релевантен для союза *или...или* в том же смысле и в той же степени, что и для *и...и*. Так, обнаруженный в корпусе пример с *или...или* для случая одушевленных (и референтных) конъюнктов, порядка VS и единственного числа глагола (см. таблицу 3), как кажется, остается приемлемым и при изменении порядка на SV:

(37) *Только что сомкну глаза, передо мною или капитан, или Варочка является.*

Ср. также:

(38) *Со 100 % уверенностью можно сказать, что котенок будет носителем, только в том случае, если или отец, или мать является настоящим шоколадом, а другой будет даже не носителем гена (Google).*

По-видимому, при порядке SV и референтных одушевленных конъюнктах стандартное согласование в конструкции с *или...или* предпочтительнее частичного, но (в

Таблица 3

ИЛИ...ИЛИ

ЛПК СТК	Неодуш. абстр.		Одуш.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
VS	17 примеров <i>Была или панихида, или кривлянье и гримасы</i> [П. Гнедич. Книга жизни (1918)].		13 примеров <i>Только что сомкну глаза, передо мною является или капитан, или Варочка</i> [Т. Шевченко. Капитанша (1855)].	1 пример <i>Во время поездок Эмбо за границу его заменяли или Орлов, или Розанов</i> [В. Гиляровский. Москва и москвичи (1926–1934)].
SV	1 пример <i>Или правда, или отчаяние руководствовало первом на обертке такого письма</i> [И. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822)].		2 примера <i>...Или жена или девица или отрок дает на руки смотреть волхву</i> [Ф. Буслаев. Эпическая поэзия (1851)].	2 примера <i>Или дочь, или жена приходили на помощь</i> [Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1886)].

отличие от *и...и!*) не является единственно возможным. (О сопоставлении степени релевантности разных параметров для разных союзов см. также раздел 6.)

Помимо данных о параметре одушевленности, значимыми представляются четыре факта, представленные в таблице 3.

Во-первых, само наличие в НКРЯ примеров для обеих граммем числа убеждает, что *или...или* в самом деле допускает и единственное, и множественное число сказуемого.

Во-вторых, значимо заметное преобладание примеров с единственным числом глагола при порядке VS: для союза *или...или*, таким образом, нормой является единственное число сказуемого, как и ожидалось ввиду его разделительной семантики⁷.

В-третьих, обращает на себя внимание различие между строками «VS» и «SV»: в первом случае примеров с единственным числом сказуемого заметно больше. Казалось бы, это различие демонстрирует, что фактор линейного порядка (иерархия 1', раздел 1) для союза *или...или* релевантен. Такой вывод, однако, представляется слишком сильным. Данные таблицы 3 означают только, что нежелательный для частичного согласования порядок SV в конструкции с *или...или* сам по себе менее часттен, чем порядок VS; однако порядок SV не ведет, при прочих равных условиях, к неприемлемости

⁷ Множественное число сказуемого по семантическим причинам недопустимо в тех случаях, когда контекстом навязывается интерпретация союза как строго дизъюнктивного, ср.: *Или вторник, или четверг был днем <“были днями> его рождения* vs. *Хорошо бы, чтобы или вторник, или четверг был свободен <были свободными> от тренировок*.

частичного согласования с данным союзом. По крайней мере, мы не знаём примера, когда в конструкции с *или...или* единственное число сказуемого было бы недопустимо при порядке SV, но допустимо при порядке VS. Для сравнения, для союза *и...и* такие примеры находятся:

- (39) а. *Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке* [В. Панова. Спутники (1945)].
б. **И сестра Фаина, и Низвецкий записался.*

Понимая релевантность параметра порядка в том смысле, в каком этот параметр релевантен для союза *и...и*, по-видимому, неверным будет говорить о релевантности данного параметра для союза *или...или* (ср. выше аналогичный вывод для параметра одушевленности).

Наконец, четвертый существенный факт, представленный в таблице 3, – отсутствие примеров для случая «неод. абстр., мн. ч.» (независимо от линейного порядка!). Этот последний факт кажется значимым потому, что он объясним исходя из предложенной семантической трактовки согласования в конструкции с *или...или*.

Действительно, множественное число глагола, по нашему предположению, сигнализирует об интерпретации конъюнктов как множества индивидуализированных объектов. Однако неодушевленные абстрактные существительные с наибольшим трудом, по сравнению с другими семантическими типами существительного, интерпретируются как множество индивидуализированных объектов (см. 3.3).

Почему аналогичного эффекта не возникает в конструкции с *ни...ни* (ср. таблицу 2, где для параметров «неод., абстр., мн. ч.» примеры находятся)? Напомним, что с точки зрения семантики множественного числа глагола мы охарактеризовали оба союза единообразно: множественное число индуцирует интерпретацию конъюнктов как «множества». Но дело в том, что в *или...или* заметно более, чем в *ни...ни*, выражен разделительный компонент (не случайно *ни...ни* традиционно даже не относят к числу разделительных союзов). Этот компонент в конструкции с *или...или* дополнительно индивидуализирует, противопоставляет конъюнкты при множественном числе глагола. Неодушевленные абстрактные существительные, очевидно, не допускают такой акцентированной «индивидуализации».

Подтвердим наше рассуждение дополнительными примерами:

- (40) а. ??*В его глазах были или радость, или удивление.*
б. ??*За окном хлестали или снег, или дождь.*
в. ??*На всех лицах изображались или страх, или недоумение.*
г. ??*Из комнат слышались или храп, или болтовня.*

В (40а–г) представлен порядок VS и, кроме того, те параметры, примеры для которых не нашлись в корпусе: «неод. абстр., множ. ч.» Данные примеры сомнительны по двум причинам. Во-первых, здесь семантически уместнее не союз *или...или*, а союз *то ли...то ли*, потому что контекстом подсказан смысл, характерный именно для *то ли...то ли*: «незнание того, какая из альтернатив имеет место» [НОСС 2003: 439]. Чтобы убедиться, что это не единственная причина сомнительности примеров (40а–г), заменим *или...или* на *то ли...то ли*. В результате такой замены примеры улучшаются, но остаются шероховатыми:

- (41) а. ?*В его глазах были то ли радость, то ли удивление.*
б. ?*За окном хлестали то ли снег, то ли дождь.*
в. ?*На всех лицах изображались то ли страх, то ли недоумение.*
г. ?*Из комнат слышались то ли храп, то ли болтовня.*

Вторая причина сомнительности (40а–г) (а также (41а–г)) – множественное число глагола: замена множественного числа на единственное в (41а–г) устраняет всякую шероховатость:

- (42) а. *В его глазах была то ли радость, то ли удивление.*
б. *За окном хлестал то ли снег, то ли дождь.*
в. *На всех лицах изображался то ли страх, то ли недоумение.*
г. *Из комнат слышался то ли храп, то ли болтовня.*

Рассмотренные контрастирующие примеры демонстрируют (в дополнение к корпусу), что *или...или* с трудом допускает множественное число глагола при абстрактных конъюнктах. Этот факт, как показано, объясним в рамках предлагаемой трактовки.

6. СОЮЗ *ТО...ТО*

Данный союз выражает чередование ситуаций во времени. Тем самым в *то...то* представлена еще одна разновидность взаимодействия соединительной семантики с разделительной. Если в *и...и* разделительность вообще отсутствует, в *ни...ни* присутствует, но преобладает соединительность, а в *или...или*, наоборот, отсутствует соединительность, то в *то...то* присутствует и то и другое примерно в равном соотношении. С одной стороны, в конструкции с *то...то* все ситуации, выражаемые конъюнктами, соответствуют действительности (соединительность), с другой – конъюнкты разнесены во времени, и в тот момент, когда имеет место одна ситуация, не имеет места другая (разделительность)⁸.

Вместе с тем по «качеству» соединительной семантики *то...то* из всех союзов ближе всего к *и...и*: оба вводят утверждения о соответствии действительности каждой из ситуаций. Напротив, *ни...ни* обозначает, что ни одна из ситуаций не имеет места, а *или...или* подразумевает выбор одной из альтернатив и, значит, соответствие действительности только одной ситуации. Как мы выше убедились, различия, обнаруженные между союзами *и...и*, *ни...ни* и *или...или* в том, что касается частичного согласования, в значительной степени сводимы к соотношению соединительных и разделительных компонентов в их семантике. Поэтому можно ожидать, что в отношении частичного согласования *то...то* имеет сходство с *и...и*. Такое ожидание, как показывает анализ, подтверждается. Поэтому дальнейшее изложение построено как сопоставление *то...то* с *и...и*.

Начнем с различий между союзами. Основное различие состоит в том, что в конструкции с *то...то* при единственном числе глагола линейные порядки VS и SV не противопоставлены семантически так, как в конструкции с *и...и*: оба порядка связаны с отдельной интерпретацией конъюнктов. Объединенная интерпретация, имеющаяся, согласно Гипотезе (7б), в конструкции с *и...и*, в случае с *то...то* не реализуется из-за разделительного компонента, входящего в семантику союза. Именно поэтому *то...то* допускает частичное согласование при порядке SV и конъюнктах, обозначающих имена людей (ср. таблицу 1: для *и...и* таких примеров в корпусе не нашлось):

- (43) *Надя кивала и вздыхала от восторга – и то Вадя, то Король вручал ей банку вне очереди* [А. Иличевский. Матисс (2007)].

- (44) *To Вася, то Ваня приходил.*

vs.

- (45) **И Вадя, и Король вручал ей банку вне очереди.*

- (46) **И Вася, и Ваня приходил.*

⁸ «Соединительно-разделительная» природа *то...то* отмечается в [Санников 2008: 183].

ТО...ТО

ЛПК	СТК	Неодуш. абстр.		Одуш.	
		ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
VS		18 примеров <i>По лицу спящей Леночки скользит то свет, то тень</i> [Т. Шохина. Время и место рождения (1987) // «Крестьянка»].	5 примеров <i>Из бронированных утроб слышались то храп, то болтовня с матерком</i> [В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].	9 примеров <i>Почти всем снился то император, то Варенька Нелидова</i> [Ю. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)].	13 примеров <i>Заходили то Мещерский, то Бугорков</i> [Э. Казакевич. Звезда (1946)].
SV		2 примера <i>To дождь, то снег хлестал в окно</i> [Р. Райт-Ковалева. Роберт Бернс (1959)].	1 пример <i>To страх, то радость изображаются на всех лицах</i> [И. Лажечников. Как я знал М.Л. Магницкого (1865)].	1 пример <i>To Вадя, то Король вручал ей банку вне очереди</i> [А. Ильинский. Матисс (2007)].	5 примеров <i>To Зина, то Наташа аккомпанировали Корневу</i> [Н. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)].

Напомним, что запрет на конъюнкты – имена собственные в конструкции с *и...и* выше мы объяснили тем, что имена собственные в наименьшей степени, по сравнению с существительными других семантических типов, способны к объединенной интерпретации, возникающей при порядке SV. В отсутствие такой интерпретации в конструкции с *то...то* отсутствует и запрет на конъюнкты – имена собственные.

Таким образом, *то...то* (так же, как *ни...ни* и *или...или*) из-за разделительного компонента в семантике различает только два типа множественности: конъюнкты как «простые атомы» при единственном числе глагола и конъюнкты как «множество» индивидуализированных объектов при множественном числе глагола. Как подтверждает корпусный анализ, результат которого представлен в таблице 4, оба варианта реализуемы при обоих порядках – VS и SV, и при обоих крайних семантических типах конъюнктов – абстрактных и одушевленных (в том числе референтных) существительных.

Обратимся теперь к сходствам *то...то* с *и...и*.

Во-первых, для частичного согласования в конструкции с *то...то*, как и для *и...и*, релевантной является оппозиция одушевленных и неодушевленных конъюнктов. Рассмотрим примеры:

Порядок SV:

- (47) а. **To Маша, то Ваня приходил.*
б. *To Вася, то Ваня приходил.*

- (48) а. *To усмешка, то испуг пробегал по лицу.*
б. *To раздумье, то радость вспыхивала в глазах.*

Порядок VS:

- (49) а. **Приходил то Ваня, то Маша.*
б. *Приходил то Ваня, то Вася.*
- (50) а. *Она что-то бормотала, по лицу пробегала то усмешка, то испуг, то жестокость* [А. Иличевский. Матисс (2007)].
б. *В глазах вспыхивала то радость, то раздумье и досада* [В. Ставский (Кирпичников В.П.). Волк (1929–1930)].

Как видим, при конъюнктах – именах собственных независимо от порядка единственное число глагола затруднено в случае, если использован глагол в прошедшем времени и конъюнкты различаются родом (ср. (47а) и (49а), где конъюнкты разного рода, с (47б) и (49б), где род одинаковый). При абстрактных конъюнктах несовпадение рода допустимо (примеры (48а, б) и (50а, б)). Отсюда следует, что в конструкции с *то...то* параметр одушевленности / неодушевленности играет роль при выборе между частичным и стандартным согласованием.

Данная особенность *то...то* объясняется в целом так же, как и аналогичное свойство *и...и* (см. раздел 3.3).

Из примеров (47)–(50) видно, что для *то...то* релевантным является также фактор (не)совпадения рода у конъюнктов. Это второе общее свойство *то...то* и *и...и*. Данное свойство имеет, как кажется, двойственную природу.

С одной стороны, несовпадение в роде подчеркивает противопоставленность, индивидуализированность конъюнктов, способствуя этим появлению множественного числа глагола. Поскольку *и* *то...то*, *и* *и...и* указывают на реальность обоих конъюнктов и этим семантически предрасполагают к множественному числу глагола, для них такое подчеркивание может оказаться решающим и привести к неграмматичности.

С другой стороны, однако, здесь действует более общая, сугубо грамматическая закономерность, не связанная с частной семантикой *то...то* и *и...и*: это общая грамматическая тенденция к тому, чтобы глагол мог потенциально согласовываться в роде с каждым конъюнктом. Такая тенденция действует для всех союзов, в том числе для *или...или* и *ни...ни*. Именно поэтому *или...или* и *ни...ни*, как ниже будет показано, тоже чувствительны к совпадению рода, но чувствительны в меньшей степени, чем *то...то* и *и...и*. Мы объясняем это тем, что в случае с *или...или* и *ни...ни* совпадения рода требует только указанная общая закономерность, а в случае с *то...то* и *и...и* – еще и их семантическая специфика.

Третье сходство союзов *то...то* и *и...и* состоит в том, что частичное согласование возможно скорее при порядке VS, чем SV. Об этом свидетельствуют данные таблицы 4. Ср., кроме того, следующие примеры, из которых видно, что при порядке VS (примеры (а)), но не при порядке SV (примеры (б)) удается семантическими средствами ослабить запрет на единственное число глагола при конъюнктах – именах собственных, имеющих разные граммемы рода:

- (51) а. *Почти всем снился то император, то Варенька Нелидова* [Ю. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)].
б. **To Варенька Нелидова, то император снился почти всем.*
- (52) а. *Каждому грезился то Наполеон, то Маша Иванова.*
б. **To Маша Иванова, то Наполеон грезился почти всем.*
- (53) а. *Вдали виднелся то Иван Петрович, то моя сестра Маша.*
б. **To моя сестра Маша, то Иван Петрович виднелся вдали.*

В примерах (51а, 52а, 53а) частичное согласование допустимо за счет семантики глагола, имеющей выраженно пациентивный характер (ср. с (49а), где глагол агенти-

вен). Напомним, что пациентивность глагола облегчает частичное согласование и в конструкции с *и...и* (см. 3.2).

Обратим внимание, что в примерах (51а), (52а) и (53а) конъюнкты имеют разный семантико-коммуникативный вес (*император – Варенька, Наполеон – Маша Иванова*). Это различие само по себе облегчает частичное согласование: оно способствует интерпретации конъюнктов как отдельных объектов. Убедиться в этом позволяет замена конъюнктов в (51а), (52а) и (53а) на такие, которые имеют подчеркнуто равный семантико-коммуникативный вес; приемлемость частичного согласования в этом случае снижается:

(54) *?Почти всем снился то Иван, то Марья.*

(55) *?Вдали виднелся то Ваня, то Маша.*

(56) *?Каждому грезился то Иван Петрович, то Марья Ивановна.*

Здесь конъюнкты равнозначны в семантико-коммуникативном отношении. Это препятствует их интерпретации как отдельных (простых) атомов. Отсюда затрудненность частичного согласования, несмотря на пациентивный характер глагола.

Напомним, что различие в семантико-коммуникативном весе конъюнктов способствует частичному согласованию и в конструкции с *и...и*. Ср.:

(57) = (39) *Записался и Низвецкий, и сестра Фаина, и даже Сухоедов: он умел играть на балалайке* [В. Панова. Спутники (1945)].

(58) *?Записался и Иван, и Мария.*

Тем самым это еще одно свойство, общее для *то...то* и *и...и*.

Отметим, что указанными свойствами, общими для *и...и* и *то...то*, союзы *ни...ни* и *или...или* не обладают. Так, рассмотрим предложения:

(59) *Ни отец, ни мать не помнила, которого числа я родился* [Ф. Решетников. Никола Знаменский (1866)].

(60) *Или мать, или отец покрывал все убытки.*

В обоих примерах имеем одушевленные референтные конъюнкты (не совпадающие в роде и равноценные в лексико-семантическом отношении), прошедшее время глагола и порядок SV. Иначе говоря, все потенциально релевантные параметры принимают здесь самые неблагоприятные для частичного согласования значения. Тем не менее частичное согласование допустимо, т.е. релевантность указанных параметров для *ни...ни* и *или...или* не подтверждается⁹. Следовательно, данные параметры проводят границу между *и...и* и *то...то*, с одной стороны, и *ни...ни* и *или...или*, с другой (оговорки, однако, требует параметр рода, об этом см. ниже). Этот факт объясняется тем, что *ни...ни* и *или...или* имеют отрицательно-разделительный компонент в семантике: указание

⁹ Оговоримся, что релевантность мы понимаем здесь в «сильном» смысле: релевантным мы называем фактор, который может привести к неприемлемости конструкции. Релевантность в «слабом» смысле влияет на частотность конструкции, но не исключает полностью ее употребления. Для допустимости частичного согласования при союзе *или...или* факторы (не)одушевленности и линейного порядка не обладают сильной, но обладают слабой релевантностью (см. раздел 5). Напомним, кроме того, что в конструкции с *или...или* затруднено множественное число глагола при конъюнктах – абстрактных существительных, т. е. параметр одушевленности является сильно релевантным для допустимости стандартного согласования (там же).

на реальность одной, но не второй ситуации в *или...или*; указание на то, что ни одна из ситуаций не имеет места и раздельная интерпретация этих ситуаций в *ни..ни*. Напомним, что в *то...то* тоже имеется разделятельность – ситуации разнесены во времени, но отсутствует отрицательность. Поэтому *ни..ни* и *или...или*, в отличие от *то...то* и *и...и*, предрасполагают к единственному числу глагола семантически, и соответственно, накладывают на частичное согласование меньше ограничений.

Особняком стоит параметр рода. Как показывает более пристальное рассмотрение, фактор (не)совпадения рода для *ни..ни* и *или...или* отчасти все-таки релевантен. Так, пример (60) ухудшается, если поменять конъюнкты местами, в результате чего глагол получает граммему женского, а не мужского рода:

(60) а. *?Или отец, или мать покрывала все убытки.*

Но, как уже упоминалось выше, здесь дело, по-видимому, не в семантике союза (как в случае с *и...и* и *то...то*), а в сугубо грамматической тенденции к тому, чтобы даже и при частичном согласовании глагол мог потенциально согласовываться с обоими конъюнктами, для чего они должны быть одного рода. Несмотря на эту общую тенденцию, союз *или...или*, судя по примеру (60), допускает несовпадение в роде при одушевленных конъюнктах, но все-таки предпочитает в этом случае согласование по «дефолтному» мужскому роду, как в (60), а не по более «маркированному» женскому, как в (60а). Союзы *и...и* и *то...то* находятся от фактора (не)совпадения рода в более сильной зависимости.

Итак, разнообразные факты, связанные с выбором между частичным и стандартным согласованием в конструкции с *то...то*, в частности сходства и различия *то...то* и *и...и*, удается объяснить исходя из предпосылки, что единственное число глагола служит отдельной интерпретации конъюнктов (как «простых атомов»), а множественное число глагола – интерпретации их как «множества».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы стремились предложить системный анализ оппозиции частичного vs. стандартного согласования в числе при повторяющихся союзах.

Наш основной вывод состоит в том, что частичное согласование противостоит стандартному в терминах семантики множественности. Стандартное согласование, независимо от конкретного союза, предопределяет интерпретацию сочиненного подлежащего как множества индивидуализированных объектов. Семантика частичного согласования варьирует в зависимости от союза. Центральный соединительный союз *и...и* при частичном согласовании в зависимости от линейного порядка различает два типа множественности: объединенная интерпретация конъюнктов при порядке SV и отдельная – при порядке VS. Другие рассмотренные союзы (*ни..ни*, *или...или*, *то...то*) при частичном согласовании индуцируют отдельную интерпретацию конъюнктов независимо от линейного порядка, потому что объединенная интерпретация несовместима с разделяльным компонентом в их семантике.

Допустимость частичного согласования, как обнаружилось, для четырех рассмотренных союзов регулируется разными факторами. Общее распределение таких релевантных факторов резюмировано ниже в таблице 5.

Символ «+» означает, что соответствующий фактор для соответствующего союза обладает «сильной» релевантностью, т. е. при прочих равных условиях может привести к неприемлемости конструкции. Символ «+/-» означает, что фактор обладает «слабой» релевантностью – не ведет к неграмматичности, но снижает частотность конструкции. Наконец, символ «-» означает, что фактор нерелевантен, или, точнее, его релевантность заметно менее очевидна, чем в случаях, отмеченных знаками «+» и «+/-». Последняя оговорка нужна поскольку не исключено, что при общих неблагоприятных

Таблица 5

Факторы, релевантные при выборе между частичным и стандартным согласованием в КПС

	И...И	ТО... ТО	ИЛИ...ИЛИ	НИ...НИ
Совпадение рода в прош. вр.	+	+	+/-	+/-
Абстр. vs. неодуш. vs. одуш. vs. имена людей	+	+	+	-
SV/VС	+	+	+/-	-
Агентивный vs. пациентивный глагол	+	+	-	-
Лексико-сем. вес конъюнктов	+	+	-	-

для частичного согласования условиях (например, конъюнктах – именах людей и порядке SV) способствовать частичному согласованию может фактор, отмеченный нами как нерелевантный (скажем, пациентивная семантика глагола в конструкции с союзом или...или). Границы подобного тонкого взаимодействия разных факторов в работе до конца не прояснены.

В целом точно охарактеризовать удельный вес каждого фактора для каждого из союзов крайне затруднительно, потому что в конкретном случае факторы действуют согласованно, и непонятно, как отделить действие одного от действия другого. Таблица 5, таким образом, представляет лишь примерную картину.

Отметим также, что один и тот же фактор для разных союзов может быть релевантным в разном смысле. Этого обстоятельства, выявленного в ходе нашего анализа, таблица 5 не отражает. Так, в таблице не показано различие между факторами, релевантными для допустимости частичного согласования, и факторами, релевантными для допустимости стандартного. То, что это не одно и то же, демонстрирует союз или...или: как мы убедились, он допускает частичное согласование независимо от фактора одушевленности/абстрактности конъюнктов, но допустимость стандартного согласования от этого фактора зависит (см. разделы 5 и 6).

Оговорим, наконец, что в таблице 5 указана не вся совокупность факторов, значимых при выборе модели согласования: вне рассмотрения остались факторы, релевантные для отдельных союзов и связанные с их индивидуальными особенностями. Так, выбор между стандартным и частичным согласованием при союзе или...или может зависеть от того, в строгом ли смысле понимается выражаемая союзом дизъюнкция, а это, в свою очередь, определяется контекстом. Данный и аналогичные частные факторы остались не затронутыми, поскольку нас интересовали прежде всего общие свойства частичного согласования как такового, проявляющиеся при всех или большинстве союзов.

Причину релевантности ряда факторов, резюмированных таблицей 5 (семантика конъюнктов, семантика глагола, лексико-семантический «вес» конъюнктов), удалось объяснить исходя из совместного действия двух моментов: 1) различие между частичным и стандартным согласованием в терминах семантики множественности и 2) различный удельный вес соединительного и отрицательно-разделительного компонентов в семантике союзов.

Результаты, полученные применительно к повторяющемуся союзу, не позволяют, однако, продвинуться в понимании частичного согласования при одиночном союзе. Семантические особенности повторяющегося союза заостряют, высвечивают, делают

более явной семантику частичного согласования. В конструкции с одиночным союзом такие семантические контрасты затемнены и поэтому труднее поддаются непосредственному наблюдению (подробнее см. раздел 3.2).

В заключение вернемся к одной выявленной семантической закономерности, свойственной только союзу *и...и*: при частичном согласовании в конструкции с *и...и* семантически различаются линейные порядки SV и VS; первый связан с объединенной, второй – с отдельной интерпретацией конъюнктоў (часть (б) Гипотезы (7)).

Специфика (7б) заключается в том, что это различие, как представляется, для говорящего не является осознанным; оно порождается не концептуально-семантической системой языка (в рамках какой бы формальной модели такая система ни рассматривалась), а порождается морфосинтаксической системой. Другими словами, обсуждаемое различие есть семантическое следствие работы грамматики.

Поясним свою мысль. Говорящий осуществляет выбор между порядками VS и SV, исходя из нескольких разных факторов. Это, в первую очередь, факторы тема-рематического членения и жанровой принадлежности текста. Данные факторы являются осознанными. Фактор (7б), напротив, не осознанный; это означает, что он, в отличие, скажем, от тема-рематического членения, не принимается говорящим в расчет при порождении предложения, а возникает вне замысла говорящего – по факту линейного порядка, выбранного исходя из других факторов.

Под осознанностью мы понимаем, конечно, не способность говорящего объяснить разницу между словами или конструкциями, а сознательный выбор между ними. Так, не все носители русского языка в состоянии эксплицировать семантическое различие между квазисинонимами *улучшить* и *исправить*, но каждый в конкретном контексте умеет выбрать и сознательно выбирает один из них. Таким образом, говоря, что (7б) не является, а тема-рематическое членение является осознанным фактором при разграничении порядков VS и SV, мы имеем в виду, что говорящий не выбирает сознательно (и не умеет выбирать) между семантикой порядка SV и семантикой порядка VS, как она представлена в (7б), но выбирает сознательно между эффектами того или иного тема-рематического членения.

Если наше предположение справедливо, оно объясняет, почему, с одной стороны, семантическое различие между порядками VS и SV далеко не всегда является наглядным. Так, сравнение предложений (61а) и (61б), отличающихся только линейным порядком, не позволяет отчетливо уловить семантического различия между ними, сформулированного в (7б):

- (61) а. *Меня охватил и смех, и ужас.*
б. *И смех, и ужас охватил меня*¹⁰.

С другой стороны, различие (7б) доступно наблюдению, когда имеется какое-либо препятствие для его реализации. Так, в следующем примере частичное согласование

¹⁰ Смутная тень такого различия, пожалуй, все-таки уловима: в (61а) скорее утверждается ‘меня охватило и одно, и другое – и смех, и ужас’, в (61б) скорее утверждается ‘и смех, и ужас – все эмоции разом охватили меня’. Это различие вызвано, в частности, различием в тема-рематическом членении: в (а) конъюнкты входят в рему, в (б) – в тему. Поэтому напрашивается мысль, что грамматическим механизмом, индуцирующим различие (7б), как раз и является, в числе прочего, тема-рематическое членение. В основе (7б), кроме того, несомненно лежит тот факт, что при построении говорящим постпозитивной глагольной формы, в отличие от препозитивной, сочиненное подлежащее уже «построено». Ср. приводившееся выше высказывание А.М. Пешковского: «Объединение в мысли того, что еще последует, труднее для говорящего <...>. Объединить мыслью то, что уже сказано, – дело совершенно естественное» [Пешковский 1928/2001: 450]. Детальное рассмотрение вопроса о том, каковы грамматические предпосылки обсуждаемой семантической закономерности, мы оставляем за рамками нашей работы.

сомнительно, потому что затруднена объединенная интерпретация конъюнктов (подробнее см. 3.2):

(62) *<Проигравших не было. > И штатский, и военный победил в этом соревновании.*

Только в таких контекстах, препятствующих реализации различия (7б), это различие и становится наблюдаемым, а вне этих контекстов оно не входит в «инструментарий» носителя языка¹¹.

По-видимому, на периферии сознания находится для говорящего и само противопоставление стандартного и частичного согласования. На эту мысль наводит обстоятельство, выявленное нами в результате опроса отдельных информантов и собственного интроспективного анализа: носитель русского языка, если ему во взятом вне контекста предложении предложат выбрать между стандартным и частичным согласованием, вероятнее всего, выберет стандартное. Причем выбор этот будет, весьма возможно, в пользу стандартного согласования даже и в том случае, когда действуют все факторы, способствующие согласованию частичному. Однако, если предложить носителю языка тот же самый пример, но с уже выбранным частичным согласованием и взятым в контексте, можно ожидать, что это убедит его в допустимости частичного согласования в данном конкретном случае. Одним словом, частичное согласование как будто больше затруднено при пристально контролируемом построении фразы, чем при понимании уже готовой фразы.

Почему так происходит? Возможно, потому, что стандартное согласование выбирается исходя из осознанной модели множественности, основанной на арифметике: один объект – единственное число, два объекта – множественное. Именно такая «арифметическая» модель множественности работает при (пристально контролируемом, как в описанной ситуации) построении фразы. Семантическая специфика частичного согласования, как менее осознанная, в такой ситуации говорящим не учитывается. Напротив, при понимании готовой фразы различие между стандартным и частичным согласованием уже является свершившимся фактом. Не требуя от носителя языка сознательного использования частичной стратегии, этот факт не вызывает и внутреннего сопротивления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова 1976 – Н.Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.
- Гвоздев 1973 – А.Н. Гвоздев. Современный русский литературный язык. Синтаксис. Ч. II. М., 1973.
- Граудина и др. 2008 – Л.К. Граудина, В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. Словарь грамматических вариантов русского языка. М., 2008.
- Кодзасов 1987 – С.В. Кодзасов. Число в сочинительных конструкциях // А.Е. Кибрик, А.С. Нариняни (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>.
- НОСС 2003 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. 2-е изд. М., 2003.

¹¹ Предлагаемая интерпретация закономерности (7б), на первый взгляд, близка тому, что в традиции Московской семантической школы принято называть «слабым компонентом значения». Это «такой семантический компонент <...>, который подавляется (вычеркивается) в высказывании противоречащим ему семантическим компонентом» [НОСС 2003: XLVII] (благодарим рецензента журнала «Вопросы языкоznания» за подсказанную нам аналогию). В действительности, однако, в нашем случае речь идет о другом: закономерность (7б) не подавляется противоречащим компонентом; напротив, наличие такого компонента как раз и позволяет увидеть действие этой закономерности, в отсутствие противоречия наблюдению почти не доступное (см. 3.2).

- Падучева, Успенский 2002 – *Е.В. Падучева, В.А. Успенский*. Подлежащее или сказуемое? (Семантический критерий различия подлежащего и сказуемого в биноминативных предложениях) // В.А. Успенский. Труды по нематематике. М., 2002.
- Пекелис 2012 – *О.Е. Пекелис*. Двухместные сочинительные союзы: опыт системного анализа (на основе корпусных данных) // Вопросы языкоznания. 2012. № 2.
- Перетрухин 1979 – *В.Н. Перетрухин*. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке. Воронеж, 1979.
- Пешковский 1928/2001 – *А.М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М., 2001.
- РГ 1980 – Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. В 2 т. М., 1980.
- Санников 2008 – *В.З. Санников*. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.
- Урысон 2011 – *Е.В. Урысон*. Опыт описания семантики союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. М., 2011.
- Barker 1992 – *C. Barker*. Group terms in English: Representing groups as atoms // Journal of semantics. 1992. V. 9. № 1.
- Corbett 1983 – *G. Corbett*. Resolution rules: Agreement in person, number and gender // E.K.G. Gazdar, G.K. Pullum (eds). Order, concord and constituency. Dordrecht, 1983.
- Corbett 2006 – *G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
- Haspelmath 2007 – *M. Haspelmath*. Coordination // T. Shopen (ed.). Language typology and syntactic description. V. II. Cambridge, 2007.
- Link 1983 – *G. Link*. The logical analysis of plurals and mass terms: A lattice theoretical approach // R. Bäuerle, C. Schwarze, A. von Stechow (eds). Meaning, use, and the interpretation of language. Berlin, 1983.
- Munn 1999 – *A. Munn*. First conjunct agreement: Against a clausal analysis // Linguistic inquiry. 1999. V. 75. № 3.
- Pearson 2011 – *H. Pearson*. A new semantics for group nouns // M.B. Washburn, K. McKinney-Bock, E. Varis, A. Sawyer, B. Tomaszewicz (eds). Proceedings of the 28th West Coast conference on formal linguistics. Somerville (MA), 2011.
- Sadler 2003 – *L. Sadler*. Coordination and asymmetric agreement in Welsh // M. Butt, T.H. King (eds). Nominals: Inside and out. Stanford, 2003.

Сведения об авторе:

Ольга Евгеньевна Пекелис
Российский государственный гуманитарный университет
ginzburg@aha.ru

Статья поступила в редакцию 11.09.2012.

© 2013 г. Ю.Л. КУЗНЕЦОВА, Л.А. ЯНДА

ПРИСТАВКИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ТИПОЛОГИИ

(отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян)

В статье [Янда 2012] предлагается рассматривать глагольные приставки в русском языке как систему с глагольными классификаторами. В ответной статье [Зализняк, Микаэлян 2012] критикуется этот подход, теория когнитивной лингвистики, в рамках которой было высказано названное предположение, и данные, на основе которых были сделаны выводы. В настоящем отклике рассматривается одно из важных отличий теории когнитивной лингвистики от других лингвистических теорий: когнитивная лингвистика не делает априорных предположений о структуре языка. Лингвисты, работающие в рамках этой теории не предполагают, что в языке существуют строгие однозначные критерии выделения классов и категорий с жесткими границами. Вместо этого в когнитивной лингвистике предлагаются модели для категорий с градуальной структурой. Для изучения таких явлений используются статистические методы. В нашем отклике мы объясняем, как устроена база данных Exploring Emptiness, материалы которой послужили основным источником данных в наших работах. Наше исследование предоставляет дополнительные аргументы в пользу гипотезы Вея – Схоневельда на большом массиве эмпирических данных.

Ключевые слова: русский язык, приставки, вид, классификаторы, когнитивная лингвистика, типология, статистические методы.

[Янда 2012] claims that Russian verbal prefixes constitute a verb classifier system. [Зализняк, Микаэлян 2012] is a critical response that calls into question the validity of this claim, its theoretical framework, and the data used to support it. In this rebuttal we explain that cognitive linguistics differs from many other linguistic frameworks because it avoids unnecessary *a priori* assumptions about the structure of language. We do not assume that language has strict criteria and discrete categories, but instead apply statistical methods to explore the gradience of linguistic phenomena, consistent with what is known about general cognitive mechanisms. We explain how the Exploring Emptiness database of aspectual pairs was designed and the special features it offers (labels, frequencies, definitions). Our overview of the empty prefix hypothesis demonstrates its prominence in Russian linguistics and textbooks and the need for our extensive empirical study to support and extend the Vey – Schooneveld overlap hypothesis.

Keywords: Russian, prefixes, aspect, classifiers, cognitive linguistics, typology, statistical methods

Мы рады, что работы Лоры Янды и всей нашей исследовательской группы, работающей в университете Тромсё в Норвегии, вызывают интерес в России. Нам хотелось бы отметить, что статья Анны Андреевны Зализняк и Ирины Львовны Микаэлян, напечатанная в № 6 журнала «Вопросы языкоznания» за 2012 г., опирается не только на статью Л. Янды, напечатанную в том же номере, но и на другие работы Л. Янды и членов группы CLEAR¹. Для того чтобы читателю было легче понять аргументы, приводящиеся в этой дискуссии, мы предлагаем ему обратиться к сайту, где можно ознаком-

¹ CLEAR: Cognitive linguistics: Empirical approaches to Russian – научная исследовательская группа, в которую входят Л. Янда, Т. Нессет, Ю.Л. Кузнецова, О.Н. Ляшевская, А.Б. Макарова, С.В. Соколова, А.А. Эндресен.

миться со всеми работами Л. Янды: <http://ansatte.uit.no/laura.janda/mypubs/mypubs.html>. Более того, наша исследовательская группа сделала доступными все статистические результаты проведенного анализа на сайте университета Тромсё: база данных префиксальных аспектуальных пар размещена по адресу emptyprefixes.uit.no, а подробное описание статистических методов можно найти на странице emptyprefixes.uit.no/book.htm. Последняя ссылка ведет на сайт, созданный специально для книги [Janda et al. 2013]. В этой книге собраны результаты исследования, которое группа CLEAR провела в рамках проекта Exploring Emptiness, посвященного глагольным приставкам в русском языке.

В настоящей статье будут рассмотрены: 1) научная парадигма нашего исследования, в основе которого лежит современная теория когнитивной лингвистики и которое опирается на применение статистических методов; 2) предложение рассматривать глагольные приставки в русском языке как глагольные классификаторы; 3) гипотеза о «чистовидовых» приставках и ее роль в описании русского языка; 4) состав и структура нашей базы данных.

1. НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА НАШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В этом разделе мы рассмотрим статус предлагаемой нами лингвистической модели, основывающейся на современной лингвистической теории, которая опирается на использование статистических методов. В своей статье Анна А. Зализняк и И.Л. Микаэлян называют предлагаемую нами модель «наивной» и «устаревшей». Мы хотели бы подчеркнуть, что мы работаем в парадигме современной когнитивной лингвистики. Существует несколько важных положений этой дисциплины, от которых мы отталкиваемся и которые могут показаться неочевидными человеку, не очень близко знакомому с основными принципами когнитивной лингвистики. Представители данного направления не делают никаких априорных предположений о структуре языка, но стремятся изучать язык преимущественно эмпирически. При этом в когнитивной лингвистике считается очень важным стремиться, чтобы теоретические утверждения о языке согласовывались с имеющимися в психологии и медицине представлениями о том, как работает человеческий мозг. В результате в когнитивной лингвистике не принимается распространенное во многих современных грамматических теориях априорное положение о том, что язык устроен как строгая логическая система с однозначными критериями правильности и непересекающимися категориями.

В частности, так как в нашей модели мы пытаемся отразить ощущения носителя языка, мы стараемся считать слова, сходные по форме и смыслу, скорее многозначными, нежели омонимичными. Мы признаем, что существуют бесспорные случаи омонимии, например, глагол *жать* с первым лицом единственного числа *жну* и глагол *жать* с первым лицом единственного числа *жму* являются омонимами. Однако во многих случаях, в частности в приводимом в статье А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян примере различий между *колоть* – *уколоть* и *колоть* – *заколоть*, мы не уверены, что стоит проводить столь строгую границу. Многие глаголы в русском языке многозначны, и тем не менее их значения связаны друг с другом. Разделение таких глаголов на два омонимичных варианта, такие как *колоть*, и *колоть₂*, как нам кажется, противоречит интуиции носителя языка, которую нам хотелось бы отразить в нашей модели. По этой же причине мы не считаем проблематичным тот факт, что такие глаголы, как *ронять*, по историческим причинам содержат имперфективизирующий суффикс. В нашу базу данных пары типа *ронять* – *уронить* включены наравне с другими синхронными видовыми коррелятами.

Мы стараемся не делать выводов о внутренней структуре слов, если такие выводы не являются интуитивными для носителя языка. Так, мы хотели бы подчеркнуть, что в наших работах не постулируется однозначное направление морфологической деривации от глагола несовершенного вида к глаголу совершенного вида. Нас в первую очередь интересует наличие в русском языке пар типа «бесприставочный глагол несовершенного вида – глагол с приставкой совершенного вида», и именно таким парам и посвящено наше исследование. Во многих работах как российских, так и зарубежных лингвистов

отмечается, что в словообразовании очень часто сложно говорить об однодиапазонной деривации (ср., например, [Земская 1975: 69–94; Улуханов 1977: 22–34; Немченко 1979: 41–46; Панов 1999: 93–96; Катышев 2005: 14–70; Booij 2010: 32–47; Brown, Hippisley 2012: 35–37]). Так, существительное *перевыборы* одновременно связано с глаголом *перевыбирать* и с существительным *выборы* [Панов 1999: 93]. Более адекватным кажется представление о группе связанных между собой деривационными механизмами слов как о морфологической сети (ср. понятие «network morphology» в работе [Brown, Hippisley 2012]), в которой мотивирующими могут служить разные элементы (ср. также русскоязычный термин «полимотивация»). Элементы парадигмы в этом случае являются морфологическими конструкциями в терминологии Х. Боя [Booij 2010]. Важным аргументом в пользу такой точки зрения оказываются производные слова, которые не имеют непосредственной производящей основы, ср., например, такие семельфактивные глаголы, как *вздремнуть* при отсутствии *вздремать и *дремнуть или *всплакнуть* при отсутствии *всплакать и *плакнуть.

Одной из важных целей когнитивной лингвистики является построение модели языка, которая соотносилась бы с нашими знаниями о работе человеческого мозга и экспериментальными данными, свидетельствующими о механизмах языковой категоризации. Результаты таких экспериментов начиная с работ Э. Рош [Rosch 1973; 1975] демонстрируют, что языковые категории могут пересекаться и обладают нежесткими границами. В то же время неверно, что языковые категории никак не структурированы: напротив, они обладают внутренней структурой, в них есть более и менее прототипические элементы, и носителям языка обычно интуитивно ясно, какой элемент категории находится ближе к центру, а какой – ближе к периферии. Более того, границы категорий могут видоизменяться как для одного носителя языка, так и варьируясь по социолектам и диалектам.

На практике достаточно сложно предложить критерии вроде критерия Маслова, неукоснительно им следовать и в результате получить список истинных видовых пар. В диссертации Ю.Л. Кузнецовой [Kuznetsova 2013] обсуждаются сложности, связанные с применением критерия Маслова. Одну из основных проблем можно кратко сформулировать следующим образом. Если для того, чтобы признать два глагола парой, достаточно только одного контекста, в котором глаголы несовершенного и совершенного вида будут взаимозаменимы, то такие контексты могут оказаться маргинальными, и в результате парами будут признаны такие очевидно непарные глаголы, как, например, *целовать* и *перецеловать* (ср. [Перцов 2001: 127]²). Если же принять, что для признания двух глаголов парой необходимо, чтобы можно было заменить глагол совершенного вида на глагол несовершенного вида во всех контекстах, очень может быть, что в русском языке не найдется ни одной такой пары, потому что, согласно корпусным данным, наборы конструкций, в которых употребляются глаголы совершенного и несовершенного вида, не бывают идентичными. Дополнительные сложности вызывает тот факт, что разные критерии выделения пар могут давать разные результаты³. Наконец, как показывает анкетирование, проведенное в рамках аспектологического семинара филологического факультета МГУ, разные лингвисты могут по-разному применять один и тот же критерий; ср. [Анкета 1997; Горбова 2011]. Рассмотрев все эти обстоятельства, Ю.Л. Кузнецова предлагает относиться более осторожно к критерию Маслова и сходным с ним синтаксическим критериям и пользоваться дополнительными эмпирическими методами для выделения видовых пар. Предлагается критерий, основанный на сравнении двух выборок примеров из корпуса: сравниваются наборы конструкций, которые встречаются в примерах, содержащих глагол несовершенного вида, и в примерах, со-

² Н.В. Перцов приводит такие примеры, как *Он вчера пришел и всех наших девушек смело перечеловал* и *Он вчера приходит и всех наших девушек смело целует*.

³ Авторы работы [Kuznetsova, Sokolova forthcoming], анализируя видовые тройки, показывают, что предложения с *praesens historicum* тяготеют к вторичному имперфективу, а предложения с императивом при отрицании к бесприставочному имперфективу.

держащих глагол совершенного вида. Такой подход выигрышен с двух точек зрения: с одной стороны, он предоставляет нам несложный алгоритм сравнения потенциально парных глаголов, с другой стороны, в результате мы получаем числовую меру парности двух глаголов, которая в свою очередь может быть использована для сравнения разных пар между собой.

К сожалению, требования установить жесткие границы классов, которые были так популярны в эпоху структурализма, трудно удовлетворить: современным лингвистам известно, что языковые единицы редко формируют классы с жесткими границами; ср. [Langacker 2008]. Большая часть языковых категорий обладает градуальной структурой. Модель, основанная на принятии такой градуальности, является не возвратом, а шагом вперед к когнитивной лингвистике, принимающей градуальность языковых категорий. Как это часто бывает в истории науки, эта парадигма отчасти похожа на предыдущую стадию, потому что, как все мы знаем, научным теориям часто свойственно развиваться по спирали.

Мы считаем, что единственno верный подход к градуальным явлениям в языке лежит в сфере статистики: статистические методы позволяют нам ответить на вопрос, можно ли пренебречь некоторым количеством встретившихся в корпусе контрпримеров. Мы не хотим утверждать, что в русском языке существует ровно 1429 глаголов несовершенного вида, которые образуют видовые пары с ровно 1981 приставочным перфективом. Парность некоторых лексем безусловна, это прототип модели видовых пар (ср.: *делать* – *сделать*); парность других лексем менее очевидна, это периферия категории (ср.: *точить* – *выточить*). Если бы мы приняли несколько иные критерии отбора видовых пар, это могло бы повлиять на состав периферии категории, но не на ядро. Однако важно, что в статистическом отношении результаты если бы и изменились, то несущественным образом.

2. МОДЕЛЬ ГЛАГОЛЬНЫХ КЛАССИФИКАТОРОВ

В статье Л. Янды центральную роль играет гипотеза, согласно которой «чистовидовые» глагольные приставки в русском языке представляют собой систему глагольных классификаторов (см. подробное описание этого явления в работе [Янда 2012]). В ответной статье [Зализняк, Микаэлян 2012: 57] говорится, что это предложение должно рассматриваться «скорее как метафора, чем как реальное грамматическое нововведение». Нам бы хотелось затронуть два важных вопроса в связи с этим утверждением. Во-первых, русский язык удовлетворяет всем параметрам, выделяемым для языков с глагольными классификаторами, и в этом смысле ничем не отличается от таких языков, как кунийти и нюлнюл, рассматриваемых в работе В. Мак-Грегора [McGregor 2002] как примеры языков с глагольными классификаторами. Утверждение, что русский язык является языком с глагольными классификаторами, может вызвать удивление или неожидание, потому что глагольные классификаторы до сих пор были прерогативой языков Австралии. Но предложение анализировать русские глагольные приставки как глагольные классификаторы уже высказывалось ранее Т.А. Майсаком [Майсак 2005: 339–345] и В.А. Плунгяном [Плунгян 2011: 413–416]. Группа CLEAR под руководством Л. Янды и Т. Нессета считает своим основным достижением не введение в научный оборот такой модели, а ее тщательную эмпирическую проверку.

Во-вторых, в некотором смысле любая научная гипотеза является метафорой. Когда современные физики говорят о том, что свет, с одной стороны, имеет волновые свойства, а с другой стороны, ведет себя как набор отдельных частиц, они тоже пользуются метафорой. Когда современные химики говорят о бензольном кольце, они тоже используют метафору. Метафора является важным когнитивным механизмом, который позволяет ученым объяснять более сложные вещи, пользуясь более простыми и наглядными моделями, и практически любая научная модель в этом смысле оказывается метафорой.

Критикуя модель глагольных классификаторов, А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян указывают, что «[с]корее следовало бы говорить о том, что приставки не классифицируют,

а специфицируют (по Вейренку⁴) значение исходного глагола несов. вида» [Зализняк, Микаэлян 2012: 57]. Нам кажется, что нет никакой причины считать, что эти две модели исключают друг друга: с одной стороны, приставки, конечно же, специфицируют значение глагола несовершенного вида, но с другой стороны, они при этом могут и классифицировать такие глаголы. Если мы говорим о том, что приставки специфицируют значение глагола несовершенного вида, мы делаем важное утверждение в рамках русистики. Говоря, что приставки в русском языке являются глагольными классификаторами, мы делаем утверждение, интересное с точки зрения лингвистической типологии.

3. ГИПОТЕЗА О «СЕМАНТИЧЕСКИ ПУСТЫХ» ПРИСТАВКАХ И ЕЕ РОЛЬ В ОПИСАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Одной из важных тем в данной дискуссии является сама постановка задачи проекта *Exploring Emptiness*, а именно вопрос о том, являются ли так называемые «чистовидовые» приставки действительно семантически пустыми. А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян отмечают: «Представление о том, что семантическая пустота приставки в префиксальных видовых парах возникает в результате дублирования приставкой некоторого смыслового компонента, уже содержащегося в глаголе (так называемый эффект Вея – Схоневельда), в современной русистике достаточно широко распространено» [Там же: 55].

Во-первых, мы хотели бы подчеркнуть, что гипотеза о пустых приставках неоднократно высказывалась в научной литературе, посвященной русским глагольным приставкам. Так, уже А.А. Шахматов [Шахматов 1952: 201–202] отмечает, что глагол несовершенного вида при присоединении приставки превращается в глагол совершенного вида, а приставка при этом «утрачивает свое реальное значение». В.В. Виноградов [Виноградов 1972: 395–424] утверждает, что видовые пары, образованные при помощи префиксации (наряду с образованными при помощи суффиксации), не являются парой независимых глаголов, а представляют собой две формы одного глагола. При этом присоединение приставок к глаголам несовершенного вида приводит «к ослаблению и устраниению их [приставок] реальных значений». А.Н. Тихонов отводит значительную часть своей книги [Тихонов 1998: 29–175] феномену «чистовидовых» приставок. Как и В.В. Виноградов, А.Н. Тихонов считает такие глагольные приставки словоизменительными показателями, которые не приносят никакого значения. Тихонов указывает, что многие глаголы присоединяют те или иные приставки после того, как приставки уже полностью утратили свое значение, приводя такие примеры, как *оштрафовать*, *сфотографировать*, *законсервировать*. Н.С. Авилова [Авилова 1976: 153–154] признает «наличие чистовидовых (грамматикализованных, десемантизованных) приставок», называя их «аспектуализированными». Дж. Форсайт [Forsyth 1970: 38–43] приводит такой аргумент: если отказаться от идеи чисто перфективизирующих приставок⁵, то «логическим результатом такого подхода... будет полный отказ от префиксальных [видовых] пар»⁶. Гипотеза о «чистовидовых приставках» упоминается и в некоторых современных работах. Например, Л.Ю. Миронова [Миронова 2004] утверждает, что почти все глагольные приставки в русском языке (за исключением *до-*, *над-*, *пре-* и *пере-*) могут вести себя как «чистовидовые». Таким образом, обращаясь к теме «чистовидовых» приставок, мы постарались донести информацию об эффекте Вея – Схоневельда до более широкой лингвистической общественности.

Во-вторых, хотелось бы отметить, что, несмотря на многократное упоминание эффекта Вея – Схоневельда в литературе, до сих пор не было представлено эмпирических данных в поддержку этой гипотезы. М.А. Кронгауз [Кронгауз 1998: 82] называет проблему пустых приставок «хронической проблемой» современной русистики. Книга [Janda et al. 2013], на которую во многом опирается статья [Янда 2012], станет первой

⁴ См. [Veyrenc 1980]. — Ю.К., Л.Я.

⁵ Empty perfectivising prefixes (перевод с англ. — Ю.К., Л.Я.).

⁶ «The logical conclusion of this approach... would be the total rejection of prefical pairs» (перевод с англ. — Ю.К., Л.Я.).

работой, в которой модель Вея – Схоневельда обращена в эмпирический вопрос, на который в результате анализа корпусных данных получены эмпирические ответы, подтвержденные статистическими методами.

Необходимо дополнительно отметить, что современные учебники русского языка для иностранцев до сих пор основываются на модели пустых приставок. Нам бы хотелось, чтобы современные научные исследования находили отражение в современных пособиях. Мы надеемся, что эмпирическое подтверждение гипотезы Вея – Схоневельда будет упомянуто в новых учебниках русского языка и облегчит студентам-иностранцам, изучающим русский язык, овладение такой сложной для них темой, как русские видовые приставки.

4. СОСТАВ И СТРУКТУРА БАЗЫ ДАННЫХ «EXPLORING EMPTINESS»

Значительная часть критики в статье [Зализняк, Микаэлян 2012] посвящена составу и структуре базы данных Exploring Emptiness, которая и послужила основным источником данных в работах [Янда 2012] и [Janda et al. 2013]. В связи с этим нам бы хотелось поговорить подробнее о том, как именно эта база была создана, но прежде чем мы обратимся к структуре базы данных, скажем несколько слов о теории видовых гнезд Л. Янды, которая послужила теоретической основой при создании базы данных. Модель видовых гнезд не является отрицанием традиционного понятия видовых пар, а скорее является надстройкой над этим понятием. В гнезда объединяются не сами глаголы, а пары глаголов, поэтому модель видовых гнезд не противоречит, а дополняет понятие видовых пар. Модель видовых гнезд призвана объяснить, как связаны между собой однокоренные глаголы в группе: бесприставочный глагол несовершенного вида (например, *гореть*), его приставочные корреляты (например, *сгореть*, *загореть*, *погореть*) и образованные от них вторичные имперфективы (например, *сгорать*, *загорать*).

В базе данных Exploring Emptiness основным критерием отбора видовых пар было присутствие данной пары в одном из использованных источников. Список был составлен на основе информации о виде, представленной в словарных статьях [МАС; Ожегов, Шведова 2001] и списка глаголов из работы П. Кабберли [Cubberly 1982]. Заметим, что такой подход отражает важную современную тенденцию в гуманитарных науках: использование внешних, независимых от исследователя источников данных. Если мы используем независимые источники данных, те же данные могут быть повторно получены другой исследовательской группой, что приближает гуманитарные дисциплины к модели повторяемого эксперимента, традиционной для естественных наук.

На следующем этапе полученный список был проанализирован группой из четырех лингвистов – носителей русского языка (О.Н. Ляшевской, Ю.Л. Кузнецовой, С.В. Соколовой и А.Б. Макаровой). В ходе проверки из списка были исключены глаголы, которые в совершенном виде отличались по семантике от глаголов несовершенного вида во всех найденных контекстах. Например, упоминаемая Анной А. Зализняк и И.Л. Микаэлян пара *хотеться – захотеться* была исключена из списка на том основании, что у глагола совершенного вида *захотеться* всегда присутствует индоативная семантика, которой нет в глаголе несовершенного вида *хотеться*. В своей работе группа лингвистов использовала аналог критерия Маслова в его «слабой», или «экзистенциальной», форме (ср. [Kuznetsova 2013]): если находился хотя бы один контекст, в котором глаголы совершенного и несовершенного вида были взаимозаменяемы, то такие глаголы считались потенциально парными. Для оценки допустимости тех или иных примеров использовались корпусные данные и в случае необходимости данные, найденные при помощи поисковых систем Яндекс и Google.

А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян указывают, что «многие включенные в базу пары глаголов не являются видовыми ни в каком смысле, в частности, не обладают свойством тождества лексического значения, ср.: *брить – выбрить, вертеть – свернуть, гнуть – загнуть, давить – сдавить, крутить – закрутить, точить – выточить, стареть – устареть, считать – подсчитать, чесать – причесать, вести – провести, есть – разъ-*

есть, гнать – прогнать, гнать – выгнать, колоть – заколоть» [Зализняк, Микаэлян 2012: 52]. Хотелось бы заметить, что пары *брить – выбрить, гнуть – загнуть, давить – сдавить, считать – подсчитать* не входят в базу данных Exploring Emptiness. Для остальных пар глаголов можно привести следующие контексты, в которых глаголы совершенного и несовершенного вида служат аналогами друг друга:

вертеть – свернуть

Можно было **вертеть** более тонкие папиросы. Вся закрутка – дело рук и совести дневального [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)].

Он придержал коня, **свернул** папирису и закурил [С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

крутить – закрутить

Курнуть захотелось смертно, и Сашка начал **крутить** цигарку, глаза на миг от поля отведя, а когда поднял их – обомлел! [Вяч. Кондратьев. Сашка (1979)].

Узнав, в чем дело, он осторожно отодвинул тарелку, **закрутил** цигарку и сказал: – Что ж... вечная ему память [Э. Казакевич. Звезда (1946)].

точить – выточить

Спокойно и размеренно **точили** они детали и лишь изредка поддевали друг друга необычными остротами [Е. Попов. «Пять песен о водке» (1970–2000)].

Птицы споют вам свои песни, рабочие **выточат** деталь, пароходы забороздят просторы, стабилизируется напряжение в сети, очертания предметов станут четче, и окажется, что за всю жизнь их у вас накопилось два или три [Доброе утро, Москва! (1997) //«Столица»].

стареть – устареть

– Иногда говорят, мол, длительное время идет разработка, технические решения **стареют** [А. Чаплыгин. Триумф в Капустином Яру //«Воздушно-космическая оборона» (2003)].

Решения **устарели**, а проблемы не делись никуда [М. Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)].

чесать – причесать

Помните, у Андерсена: пожилая волшебница **чешет** Герде волосы и вишнями кормит, чтобы не вздумала искать братца Кая? [И. Ратушинская. Одесситы (1998)].

Кто-то постарался, чтобы она выглядела как живая, ей даже аккуратно **причесали** волосы, но все равно отчего-то сразу становилось понятно, что перед вами тело без души, просто оболочка [Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

вести – провести

И помыть все, и коров напоить – руки отрывались от тех ведер, таточек мой Кириллка надувал **вести** водопровод [А. Козлович. Вечный серп // «Крестьянка» (1987)].

Параллельно с этими работами на двух улицах **проводили** водопровод [И. Гунченков. Сельский миллионер (2002) //«Весть»].

есть – разъесть

Однажды, после сильного кутежа, Лодка проснулась в полдень полубольная и злая: мучила изжога, сухую кожу точно ржавчина ела, и глазам было больно [М. Горький. Городок Окуров (1909)].

Железный человечек замер, будто пружинки у него **разъела** ржавчина и он больше не в силах пошевелиться и никогда-никогда не зазвенит и не запрыгает, этот веселый мастер Самоделкин [Ю. Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)].

gnать – прогнать

По ночам лунный свет, будто вино забвения, лился в глаза, гнал прочь сон: в степи пробуждались прозрачные великаны [А. Иличевский. Перс (2009)].

Бодрящий сиреневый туман, шум моря, вспышки маяка **прогнали** прочь сон [В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001)].

гнать – выгнать

Некоторые скотину резали, самогон из зерна гнали – пили, ели, все равно, говорили, жизнь пропала [В. Гроссман. Все течет (1955–1963)].

Вот и считайте: из килограмма сахара, трех литров воды и ста граммов дрожжей можно целый литр самогона выгнать [А. Никонов. Литры доброй воли (1997) // «Столица»].

колоть – заколоть

В садах устанавливали зенитные пушки, и какие-то не очень молодые люди в широченных лыжных штанах маршировали там с утра до вечера и кололи чучела штыками [Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)].

А сержант Пиво-Долливальский бесшумно настиг удалявшегося фон Вранцкого и молча заколол его штыком [Ю. Буйда. Город палачей (2003)].

Таким образом, примеры, приведенные выше, показывают, что для каждой пары глаголов существует тип контекстов, в которых глагол несовершенного вида и глагол совершенного вида могут быть взаимозаменимы, а значит, могут считаться потенциально парными.

А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян отмечают, что в базу Exploring Emptiness попали видовые пары, которые являются таковыми только в профессиональном употреблении, например: *ремизить – обремизить, тралить – протралить, трелевать – стрелевать, шпунтовать – зашпунтовать*. Мы хотели бы заметить, что попадание таких глаголов в наш список, как и в словари, бывшие нашим основным источником, естественно, ведь профессиональные диалекты являются частью русского языка. Укажем, что все перечисленные выше и подобные им глаголы отмечены в нашей базе специальной пометой «*professional*». Эта помета используется нами наряду с такими важными для видовых пар параметрами, как устаревшее употребление (помета «*obsolete*»), разговорное или диалектное употребление (помета «*colloquial*»). Полный список глаголов со всеми пометами можно получить, если нажать на кнопку «Все глаголы в базе» на главной странице базы данных Exploring Emptiness. Выбрав каждую из помет, пользователь может получить список глаголов, отмеченных только этой пометой. Если упорядочить глаголы по параметру «помета», можно получить полный список глаголов, в котором сначала будут идти глаголы, не отмеченные никакими пометами, а потом все глаголы, имеющие ту или иную помету. Таким образом, любой исследователь, желающий исключить из материалов своего исследования профессиональные, а также устаревшие и разговорные видовые пары, может это сделать. С более подробными инструкциями можно ознакомиться в разделе «Структура базы данных» на сайте <http://emptyrefixes.uit.no>.

Другим важным недостатком базы данных Exploring Emptiness, с точки зрения А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян, является присутствие в ней маргинальных форм как несовершенного (таких как *бессилить, булгачить, густиться, должностъ, ежиться, тощать, пушить, супиться, рекомендоваться* ‘называть себя при знакомстве’, *румяниться, длиннеть, русеть* ‘становиться русским’), так и совершенного вида (таких как *отволгнуть, вызябнуть*). С нашей точки зрения, наличие таких примеров среди видовых пар является закономерным: маргинальные и окказиональные лексемы встречаются среди видовых пар, потому что они встречаются в языке. Информацию о том, что такие лексемы не являются частотными, пользователь базы может получить, воспользовавшись колонкой «частотность», указывающей, сколько примеров данной лексемы было найдено в [НКРЯ]. Из данных, приведенных в этой колонке, можно видеть, что все глаголы, приведенные выше, за исключением глагола *рекомендоваться* (984 примера), низкочастотны: глагол *румяниться* был найден в 23 примерах, глагол *ежиться* в 19 примерах, а остальные приведенные глаголы в десяти и менее примерах.

Мы также хотели бы отметить, что в случаях, когда один глагол несовершенного вида соотносится с несколькими приставочными глаголами совершенного вида, в базе данных Exploring Emptiness проводится семантическое различие между глаголами совершенного вида. Такие различия можно увидеть, если воспользоваться полем «*Definition*». В этом поле приводится словарное описание значений и контекстов, в ко-

торых данные глаголы несовершенного и совершенного вида можно считать парой. Например, пользователь, интересующийся приставочными коррелятами глагола *душить*, может обнаружить, что в базе данных есть три приставочных глагола, связанных с ним: *задушить*, *удушить* и *надушить*. При этом первые два приставочных глагола – *задушить* и *удушить* – могут быть коррелятами глагола *душить* в нескольких различных подзначениях, таких как 1. Убивать, с силой сжимая горло. 2. Лишать возможности дышать. 3. Угнетать, притеснять (книжн.). Последний приставочный глагол – *надушить* – может быть коррелятом *душить* только в значении ‘опрыскивать, пропитывать чем-н. душистым, духами’.

В заключение нам хотелось бы отметить, что составить безупречный список, с которым согласился бы каждый носитель русского языка или хотя бы каждый лингвист-рурист, к сожалению, не представляется возможным. Всегда можно спорить, что список в чем-то неполон, а какие-то примеры маргинальны. Мы постарались сделать все, чтобы количество спорных примеров в нашем списке было минимальным. Мы убеждены, что небольшие изменения – добавление некоторых глаголов в список и удаление некоторых спорных глаголов – не повлияют на основные выводы наших работ. Однако достичь идеального списка нельзя, хотя бы потому, что в языке существует межсубъектная вариативность (*intersubject variability*), и это означает, что существуют значимые и измеримые различия между носителями языка (см. работы [Dąbrowska 2008; 2010; Street, Dąbrowska 2010]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для нас важно основывать наши гипотезы на современной теории когнитивной лингвистики, которая стремится не делать априорных предположений о структуре языка. Мы уверены, что описание системы видовых приставок как аспектуальных классификаторов позволяет с новой, типологической, точки зрения взглянуть на давно известную проблему. Наши исследования ([Янда 2012; Janda et al. 2013] и другие работы группы CLEAR) направлены на то, чтобы перевести давнюю дискуссию о «чистовидовых» приставках и эффекте Вея – Схоневельда из теоретической плоскости в практическую. Мы постарались прояснить, какими принципами мы руководствовались при составлении нашей базы данных, и надеемся, что теперь причины, по которым мы приняли то или иное решение, стали более понятными. Мы хотели бы поблагодарить Анну А. Зализняк и И.Л. Микаэлян за критическую статью, которая дала нам возможность прояснить нашу позицию, и редакторскую коллегию журнала «Вопросы языкознания» за то, что она позволила нам ответить на большую часть возникших вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авилова 1976 – Н.С. Авилова. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Анкета 1997 – Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2. М., 1997.
- Виноградов 1972 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Горбова 2011 – Е.В. Горбова. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4.
- Зализняк, Микаэлян 2012 – Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Земская 1975 – Е.А. Земская. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций (спорные вопросы членения производных слов в современном русском языке) // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членность слова. М., 1975.
- Катышев 2005 – П.А. Катышев. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. Томск, 2005.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

- МАС – А.П. Евгеньева (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 4-е изд. М., 1999.
- Миронова 2004 – Л.Ю. Миронова. Вид глагола и соотношение лексико-семантических вариантов многозначного слова. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2004.
- Немченко 1979 – В.Н. Немченко. Способы русского словообразования. Горький, 1979.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка //http://www.ruscorpora.ru.
- Ожегов, Шведова 2001 – С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Словарь русского языка. М., 2001.
- Панов 1999 – М.В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М., 1999.
- Перцов 2001 – Н.В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Плунгян 2011 – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Тихонов 1998 – А.Н. Тихонов. Русский глагол. М., 1998.
- Улуханов 1977 – И.С. Улуханов. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.
- Шахматов 1952 – А.А. Шахматов. Учение о частях речи. М., 1952.
- Янда 2012 – Л.А. Янда. Русские приставки как система глагольных классификаторов //Вопросы языкознания. 2012. № 6.
- Booij 2010 – G. Booij. Construction morphology. Oxford, 2010.
- Brown, Hippisley 2012 – D. Brown, A. Hippisley. Network morphology: A defaults-based theory of word structure. Cambridge, 2012.
- Cubberly 1982 – P.V. Cubberly. On the ‘empty’ prefixes in Russian //Russian language journal. 1982. V. 36.
- Dąbrowska 2008 – E. Dąbrowska. The effects of frequency and neighbourhood density on adult native speakers’ productivity with Polish case inflections: An empirical test of usage-based approaches to morphology //Journal of memory and language. 2008. V. 58.
- Dąbrowska 2010 – E. Dąbrowska. Naive v. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments //The linguistic review. 2010. V. 27. № 1.
- Forsyth 1970 – J.A. Forsyth. Grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Janda et al. 2013 – L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nesson, S. Sokolova. Why Russian aspectual prefixes aren’t empty: Prefixes as verb classifiers. Bloomington (IN), 2013.
- Kuznetsova 2013 – J. Kuznetsova. Linguistic profiles: Correlations between form and meaning. Ph. D. diss. University of Tromsø. 2013.
- Kuznetsova, Sokolova (forthcoming) – J. Kuznetsova, S. Sokolova. Aspectual triplets in Russian. Forthcoming.
- Langacker 2008 – R.W. Langacker. Cognitive grammar. A basic introduction. New York, 2008.
- McGregor 2002 – W.B. McGregor. Verb classification in Australian languages. Berlin; New York, 2002. (Empirical approaches to language typology 25.)
- Rosch 1973 – E. Rosch. Natural categories //Cognitive psychology. 1973. V. 4. № 3.
- Rosch 1975 – E. Rosch. On the internal structure of perceptual and semantic categories //T.E. Moore (ed.). Cognitive development and acquisition of language. New York; San Francisco; London, 1975.
- Street, Dąbrowska 2010 – J. Street, E. Dąbrowska. More individual differences in language attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers? //Lingua. 2010. V. 120.
- Veyrenc 1980 – J. Veyrenc. Un problème de formes concurrentes dans l’économie de l’aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imparfaitifs seconds // J. Veyrenc. Études sur le verbe russe. Paris, 1980.

Сведения об авторах:

Юлия Львовна Кузнецова
 Universitetet i Tromsø
 julia.kuznetsova@uit.no

Laura A. Janda
 Universitetet i Tromsø
 laura.janda@uit.no

Статья поступила в редакцию 22.01.2013.

© 2013 г. Е.В. ГОРБОВА

ИСПАНСКИЙ ПЕРФЕКТ: ЕЩЕ ПЕРФЕКТ ИЛИ УЖЕ ПЕРФЕКТИВ/ПРЕТЕРИТ?*

В статье на фоне сложившихся в типологии представлений о перфекте рассматриваются некоторые специфические особенности испанского представителя этой граммемы. В частности, обсуждаются два дискурсивных ограничения, характерных для перфекта: на сочетаемость с темпорально-специфицированными обстоятельствами и обозначение цепочки событий в нарративе. Нарушение испанским Перфектом обоих ограничений в современной литературе нередко рассматривается как свидетельство «аористического дрейфа», долженствующего закончиться превращением перфекта в перфектив и/или претерит (для испанского языка это равно переходу в Аорист). Предлагается альтернативное, основанное на понятии «текущей релевантности», видение взаимоотношений Перфекта и Аориста в испанском языке.

Ключевые слова: типологический подход, перфект, испанский язык, претерит, перфектив, аорист, граммема, аористический дрейф, текущая релевантность, дискурсивные ограничения

The article presents certain features of Perfect in Spanish against the background typological views on Perfect as a cross-linguistic grammar category. Specifically, two discursive constraints on Perfect are under discussion: its combinability with time-specific adverbials and its function denoting a sequence of events in the narrative. The violation of both constraints by speakers of Spanish is diagnosed by many linguists as a sign of an «aoristic drift» bound to turn Spanish Perfect into a Perfective and/or Preterit, which for Spanish would mean converting it to Aorist. This proposal offers an alternative view on Perfect / Aorist correlation, based on the concept of «current relevance».

Keywords: typological approach, perfect, Spanish, preterit, perfective, aorist, grammeme, aoristic drift, current relevance, discursive constrains

1. ВВЕДЕНИЕ: ФОРМА ПЕРФЕКТА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ПЕРФЕКТ КАК ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

1.1. Форма испанского Перфекта

Испанский (презентный, или собственно) перфект представлен аналитической конструкцией со вспомогательным глаголом *haber*¹: его презентной формой и причастием

* Работа поддержана грантом РГНФ № 10-04-00168а «Механизмы эволюции перфекта в типологическом освещении», грантом Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю.С. Маслова» НШ-575.2012.6 и входит в Тематический план фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

¹ От лат. *habere* – ‘иметь’, в современном испанском языке (далее – ИЯ) лексическая семантика этим глаголом утрачена. В основном он используется как служебный элемент аналитических форм, а также в экзистенциальной конструкции со значением ‘имеется’ – с единственной, но варьирующей по видо-временной парадигме формой 3 лица ед. ч., в презенсе – *hay*, отличной от презентной формы вспомогательного глагола – *ha*.

смыслового глагола, т. е. «посессивной» конструкцией² [Сичинава 2008: 739]. При этом причастие не согласуется по роду ни с синтаксическим подлежащим, ни с синтаксическим дополнением, постоянно употребляясь в форме единственного числа мужского рода, что полностью реализует отмеченные в литературе формальные изменения на пути превращения результатива в перфект, см. [Маслов 1983: 48; Squartini, Bertinetto 2000: 405]. Эта конструкция является единой для всей глагольной лексики. Лексико-семантические или акциональные ограничения на образование перфекта у испанского глагола отсутствуют. Таким образом, при рассмотрении со стороны плана выражения и охвата глагольной лексики (тотального, что свидетельствует о высокой степени грамматикализации) испанский Перфект отвечает типологическим ожиданиям. Отметим, впрочем, что одно из положений работы [Сичинава 2008], сводимое к корреляции отсутствия проблемы выбора вспомогательного глагола («auxiliary selection») с большей диахронической устойчивостью перфекта³, к (пиренейскому) испанскому материалу, как мы постараемся показать ниже, приложимо далеко не прямо и не безболезненно.

1.2. Перфект как типологическое понятие

Обратимся к описанию перфекта (как «crosslinguistic gram type» в принятой в рамках подхода Э. Даля – Дж. Байби терминологии, в частности в [Dahl 2000]), сложившемуся в типологически ориентированной литературе за последние три-четыре десятилетия.

Относительно семантики можно утверждать, что преобладающей является трактовка, базирующаяся на понятии «текущей релевантности»: «present relevance» в [Comrie 1976: 56; Harris 1982: 55; Fleischman 1983], «current relevance», в частности, в [Klein 1992; Lindstedt 2000; Dahl, Hedin 2000; Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008; Gutiérrez 2008b; Плунгян 2011а: 388–394]. «Текущая релевантность» понимается как «the continuing present relevance of a past situation» [Comrie 1976: 56], «прагматически актуальное событие в прошлом» [Сичинава 2008: 712 (сноска 2)], «сохранение результата в точке отсчета» [Ландер 2002: 300 (сноска 2)]. Встречаются и более развернутые описания, как у С. Флейшман, где перфект трактуется как показатель, обозначающий ситуацию, которая «began or first occurred at an earlier moment and is still going on, or a situation whose reference period satisfies this criterion (e. g. today, in the past ten years ...) or a completed past situation regarded as still relevant at the present moment» [Fleischman 1983: 194] (собственно говоря, о «текущей релевантности» речь идет в последней части определения; курсив принадлежит автору цитаты). Ю.С. Маслов, характеризуя «семантическую категорию перфектности», не апеллирует к «текущей релевантности», но высказывает близкие мысли о семантике перфектной «предикативной единицы», которая характеризуется «соединением... двух так или иначе связанных между собой временных планов – предшествующего и последующего. Связь между этими двумя планами является причинно-следственной в самом широком смысле слова: предшествующее действие (или, шире) “положение дел” вызывает некие последствия для субъекта действия, для его объекта или для всей ситуации в целом, некое новое состояние, новое

² По данным, приведенным в [Gutiérrez 2008a: 20], последние случаи образования Перфекта с бытийным глаголом *ser* ‘быть, являться’ относятся к XVII в., причем они характеризуют две семантические группы: глаголы направленного изменения местоположения (*pasar* ‘проходить’, *ir* ‘идти’, *partir* ‘уходить, отправляться’) и глаголы изменения состояния (*nacer* ‘родиться’, *crecer* ‘расти’, *morir* ‘умирать’).

³ Ср.: «Например, по-испански формы *he visto* ‘я видел’ и *he venido* ‘я пришел’, по-английски *I have seen* и *I have come*, с одинаковым вспомогательным глаголом, имеют перфектное значение и противопоставлены формам простого прошедшего (*vi*, *vine*, *I saw*, *I came*)» [Сичинава 2008: 713]; «европейские языки, в которых глагольные системы сохраняют лексико-семантически обусловленный выбор вспомогательного глагола, образуют ареал, в общих чертах коррелирующий с другим, для которого характерна утрата перфектом его собственного значения и переход к перфективному прошедшему» [Там же: 723].

“положение дел”» [Маслов 2006 (1987): 195]. В.А. Плунгян, подчеркивая переходный (в диахронии) характер перфекта, характеризует его «как “ослабленный результатив”, описывающий не конкретное, лексикографически детерминированное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент (обычно в момент речи), – так сказать, любое “эхо” ранее имевшей место ситуации, если это “эхо” еще звучит в тот момент, когда говорящий описывает ситуацию» [Плунгян 2011а: 389]⁴.

Однако понятие «текущей релевантности» подверглось серьезной критике в [Klein 1992: 531–532], будучи оценено как интуитивно сильное, но само по себе не определенное и поэтому практически неопровергимое⁵, взамен которого автор предлагает другое решение. Оно основано на видоизменении рейхенбаховской системы [Reichenbach 1947] трех точек отсчета (с заменой R (point of reference) на TT (topic time)) и введением pragматического «ограничения на позиционную определенность» двух актуальных для перфекта точек: TT (topic time, фокуса), совпадающего с TU (time of utterance, моментом речи), и TSit (time of situation, времени реализации ситуации, обозначенного вербальным компонентом конструкции) – так называемого P Definiteness Constraint⁶. При всех сомнениях В. Клейна в возможности формализовать «интуитивно сильное» понятие «текущей релевантности», предложенная им самим формализация англ. Перфекта представляется вполне адекватно отражающей перфектную специфику – при условии отказа от принципа «ограничения на позиционную определенность», который призван обосновать несочетаемость англ. Перфекта с темпорально-специфицированными аффиксами. Приведем схему В. Клейна (не содержащую указанного ограничения):

	TENSE PART	ASPECT PART
<i>Chris had been in York.</i>	TT < TU	TT in posttime of TSit
<i>Chris has been in York.</i>	TT in TU	TT in posttime of TSit
<i>Chris will have been in York.</i>	TT > TU	TT in posttime of TSit

[Klein 1992: 538]

TT (=FIN-time) – topic time, the time which is related to whatever is expressed by the finite component of the utterance; TU – the time at which the utterance is made; TSit (=INF-time) – time of situation, the time which is related to whatever is expressed by the nonfinite component of the utterance [Klein 1992: 532, 537].

Концепция В. Клейна сводится, в общем, к следующему: в случае перфекта (выделенная полужирным строка, выделение мое. – Е.Г.) имеется совмещение фокуса (TT – topic time; приблизительно соответствует R – референциальной точке у Рейхенбаха) с моментом речи (TU – время высказывания, которое морфологически кодируется презентной формой вспомогательного глагола; соответствует S – моменту речи у Рейхенбаха) и этот фокус расположен позже (in posttime) времени обозначаемой ситуации (TSit; соответствует E – времени события у Рейхенбаха). Последнее кодируется нефинитной

⁴ Сходные мысли о результате в более узком и более широком смысле находим в [Dahl 1985: 135], причем перфект характеризуется именно последним: «For instance, if a person dies, the result in a narrower sense is that he is dead: the results in the wider sense include e.g. his relatives being sad. It is results in the narrower sense that characterize resultative constructions: in the case of PFCT, the delineation is much harder to draw, and that is one of the reasons why the resultative use of the perfect shades off into the experiential use».

⁵ Ср. также с такой оценкой: «empirically intractable notion of current relevance» [Torres Cacoullos 2011: 13].

⁶ Это ограничение формулируется следующим образом:

«[i]n an utterance, the expression of TT and the expression of TSit cannot both be independently p-definite. (This excludes utterances like (i) and (ii): (i) *At seven, Chris had left at six; (ii) *Chris has left at six.)» и характеризуется как: «a pragmatic constraint, not a semantic or even a syntactic one» [Klein 1992: 546].

формой (в случае английского, как и испанского, языка – пассивным причастием прошедшего времени). В целом, как представляется, предложенная В. Клейном формализация довольно точно соответствует понятию «текущей релевантности», ср., например, определение Б. Комри: «перфект обозначает имеющую место в настоящий момент релевантность прошедшей ситуации» (the perfect indicates the continuing present relevance of a past situation) [Comrie 1976: 52]. Немаловажно и то, что аргументы В. Клейна против объяснительной силы понятия «текущей релевантности», подкрепляемые английскими иллюстрациями с Present Perfect, оказываются неубедительными при замене английских иллюстраций аналогичными испанскими⁷.

Представляется уместным остановиться на зафиксированных в [Dahl 2000] положениях типологически ориентированного подхода к изучению времени и вида (в рамках проекта EUROTYP). При внимательном чтении посвященных перфекту разделов этой работы сквозь, так сказать, «призму» испанского языка, можно заметить несколько моментов, которые перерастают в то, что можно считать «проблемами» исп. Перфекта.

В исследовании [Squartini, Bertinetto 2000], посвященном противопоставлению и диахроническому развитию граммем перфекта (CP) и аориста (SP)⁸ в романских языках и основанном на материале ответов информантов в рамках единого вопросника, см. [Dahl 2000: 3–25], предложено и описание положения дел с этими двумя граммемами⁹ в ИЯ, причем в двух его разновидностях: «кастильского» испанского и (многих вариантах) «американского» испанского [Squartini, Bertinetto 2000: 406–417]. Вслед за [Harris 1982; Fleischman 1983] авторы располагают «американский» и «кастильский» испанский на двух разных стадиях диахронического развития перфекта: первый на II стадии, а последний – на III. II стадия характеризуется тем, что «CP реализуется “только при весьма специфических условиях”, таких как “аспектуально маркированные как дуративные или итеративные” контексты, аналогичные англ. *I have lived here / been living here all my life; I have often seen him in the theater*». На этой же стадии находятся галисийский и португальский языки [Squartini, Bertinetto 2000: 406]. На III стадии «CP выражает “архетипическое презентно-перфектное значение прошедшего действия с наличествующей релевантностью”», на этой стадии «кастильский» испанский оказывается в компании южных, центральных и северных диалектов средневековой Франции (*langue d'oc* и *langue d'oïl*) [Ibid.].

Обратимся к результатам перфектного вопросника (= PFQ), представленного в обсуждаемой работе на с. 422 как Таблица 1 под заголовком «Текстовое распределение CP/SP в романских языках», из которой мы возьмем только тот столбец, который представляет испанские данные. Содержательно это выглядит так: (тип текста / оценка испанской части вопросника) personal narratives – preferably SP, irrespective of temporal distance¹⁰, informal conversation – SP preferred for non-hodiernal events, historical events with persistent result – preferably SP, historical events – preferably SP, tales – preferably SP. Как видим, напрямую Перфект (CP) здесь не упоминается вовсе, и о наличии употреблений CP в ответах информантов можно лишь догадываться, выводя из формулировки

⁷ Подробнее о понятии «текущей релевантности» и его критике см. в [Горбова (в печати)].

⁸ Вслед за работой [Squartini, Bertinetto 2000] для обозначения обеих граммем (в том числе для ИЯ) при изложении концепции авторов EUROTYP будут применяться такие обозначения: Перфект – C(ompound) P(ast), Аорист – S(imple) P(ast). Далее используются обозначения PRF и AOR.

⁹ В рамках применяемой в проекте EUROTYP терминологии – «грамами»; при употреблении термина «грам» акцент переносится, скорее, на средство выражения анализируемого грамматического значения.

¹⁰ К группе контекстов «personal narratives» имеют отношение вопросы из перфектного вопросника 8–13, которые различаются введенными адвербиалами: 8 – *an hour ago*, 9 – *yesterday* (happened to me), 10 – *yesterday* (happened to my brother), 11 – *once, when I was a child*, 12 – *an hour ago*, 13 – *once, when I was a child*; к группе «informal conversation» – 20–21; к группе «historical events with persistent result» – 72, 74; к группе «historical events» – 23, 25; к группе «tales» – 61 [Squartini, Bertinetto 2000: 421–422].

«SP preferred for non-hodiernal events» для группы «informal conversation», что в случае «hodiernal events» наблюдалось употребление СР. Следует учесть, что из другого раздела работы [Dahl 2000] мы узнаем, что в рамках исследовательского проекта язык считался обладающим перфектом в том случае, если в первых семи пунктах перфектного вопросника информанты в основном использовали (а в следующих четырех не использовали) специализированную глагольную форму, ср.: «A language possesses a perfect if it has a gram, associated with the verb, that is used in most of the first seven examples – which illustrate kinds of CR (current relevance. – Е.Г.) of past situation – but is *not* used in the following four examples, consisting of short narratives» [Lindstedt 2000: 366]. Исходя из этого, а также из факта включения ИЯ в перечень романских языков, обладающих перфектом, можно предположить, что в первых семи контекстах испаноязычные информанты все же (в основном) СР использовали. Немаловажно и то, что в соответствии с предложенным Й. Линдстедтом «операционным» правилом, процитированном выше, ИЯ, строго говоря, не должен считаться перфектным языком. Дело в том, что в группе личных рассказов (номера в вопроснике 8–13, см. сноску 10), куда попадают «следующие четыре» (после 7-го, т. е. контексты 8, 9, 10, 11), информанты, по данным М. Сквартини и П.М. Бертинетто, употребляли «преимущественно SP». (С другой стороны, из «преимущественно» следует, что некоторое количество употреблений СР, по-видимому, все же имело место.) Таким образом, со стороны полученных при работе с перфектным вопросником результатов ИЯ ведет себя (в рамках проведенного исследования) далеко не лучшим образом по отношению к типологическим ожиданиям и требованиям к грамматеме перфекта.

Статус «операционного правила» имеет еще одно утверждение Й. Линдстедта: «When a perfect can be used as a narrative tense (with the possible exception of evidential context, see below), it has ceased to be a perfect» [Lindstedt 2000: 371]. Это правило также вступает в серьезное противоречие с практикой употребления исп. СР (PRF) – в том числе и в рамках испаноязычных ответов на перфектный вопросник в [Dahl 2000], см. выше. При этом отметим, что если, обнаружив языковые факты нарративного употребления Перфекта в ИЯ (а они имеются, см. иллюстрации ниже), мы примем решение отказать испанской (посессивной) конструкции с глаголом *haber* в статусе выразителя перфектной грамматемы (чего, кстати, в испанистике никогда не делалось) и будем говорить об уже совершившемся аористическом перерождении Перфекта¹¹, мы окажемся перед следующим набором аспектуально- temporальных грамматем испанского глагола в плане прошедшего: Имперфект, Аорист-1 (SP), Аорист-2 (бывший СР), Плюсквамперфект (для упрощения картины комбинации с Прогрессивом здесь не учитывались). При этом синтетический Аорист-1 не обнаруживает признаков отмирания, а СР продолжает выражать типично перфектные значения, в частности экспериенциальное и иммедиатное, объединенные способностью обозначать «текущую релевантность». Поэтому данное Й. Линдстедтом объяснение использованию информантом из г. Аликанте (Испания) в контексте № 8 перфектного вопросника формы СР, а в контексте № 9 – SP (в обоих случаях тип текста – personal narratives – предполагает цепочку действий, различие заключается в адвербиалах, обеспечивающих в № 8 интерпретацию *hodiernal*, а в № 9 – *pre-hodiernal*, см. сноску 10), через сдвиг СР в сторону иммедиатно-прошедшего значения (recent past meaning) [Lindstedt 2000: 373–374] не представляется адекватным на уровне системы. Имеется в виду, что при анализе грамматической семантики мы, по-видимому, заинтересованы в охвате всех без исключения случаев использования соответствующей глагольной формы в ИЯ. Приведем полученный от информанта из Аликанте материал, представляющий собой аргумент в пользу иммедиатной трактовки исп. Перфекта:

¹¹ Интересно отметить, что в [Squartini, Bertinetto 2000: 422, Figure 1] ИЯ занимает позицию в исходной точке аористического дрейфа – <more perfectal>, завершающегося конечной точкой – <pure aoristic>.

«Alicante Spanish

a. (PFQ8)

[Do you know what happened to me just one hour ago?]

Yo estaba andando en el bosque. De pronto, he pisado una culebra. Me ha mordido en la pierna.

He cogido una piedra y se la he tirado a la culebra. Se ha muerto.

b. (PFQ9)

[Do you know what happened to me yesterday?]

Yo estaba andando en el bosque. De pronto, pisé una culebra. Me mordió en la pierna. Cogí una piedra y se la tiré a la culebra. Se murió.

‘I was walking in the forest. Suddenly I stepped on a snake. It bit me in the leg. I picked on a stone and threw it at the snake. It died.’

The italicized forms in (a) are Perfects; in (b), Perfective Pasts are used instead» [Lindstedt 2000: 373–374]¹².

Тем не менее на данный момент мы можем зафиксировать невыполнение исп. Перфектом двух типологически предсказанных дискурсивных ограничений: на сочетаемость с темпорально-специфицированными адвербиями и на невозможность выступать в нарративной цепочке, чтобы вернуться к этим проблемам в следующем разделе. А сейчас обратимся к семантике перфекта.

Семантический спектр перфекта в соответствии с уже устоявшейся с начала 70-х гг. XX в. традиции может быть представлен как перечень четырех «типов употребления» (у Б. Комри – «типов перфекта», см., в частности, [McCawley 1971; Comrie 1976: 56; Dahl 1985: 132]):

- i. результативный перфект (perfect of result, stative perfect);
- ii. экспериенциальный (или экзистенциальный) перфект (experiential, existential perfect);
- iii. перфект наличной ситуации (perfect of persistent situation), инклюзивный перфект, континуальный перфект, универсальный перфект;
- iv. имmediатный перфект (perfect of recent past, ‘hot news’ perfect)

(порядок следования дан в соответствии с [Dahl 1985: 132–133]; там же автор отмечает, что выделенные типы не являются четко разделяемыми и, в частности, (i) и (iv) в существенной степени пересекаются; в [Michaelis 1998: 115] приводится перечень из трех «прочтений» англ. Перфекта – отсутствует (iv)).

Данный перечень (основанный на анализе употребления англ. Перфекта (Present Perfect), взятого в качестве наиболее типичного представителя универсального перфекта¹³) служит семантическим основанием для уже упомянутых двух очень существенных дискурсивных ограничений, ожидаемых по отношению к перфекту: невозможности формировать нарративную цепочку (см., в частности, [Lindstedt 2000: 371; Плунгян 2011б]) и несочетаемости с указанием на специфицированную точку или отрезок на оси времени (например, [Comrie 1976: 54; Плунгян 2011а; 2011б]¹⁴).

¹² Здесь также выделена курсивом одна пропущенная автором цитаты форма Перфекта – *he tirado*.

¹³ Б. Комри приводит следующее соображение по этому поводу: «Most of the examples in this chapter will be from English, where there is a clear formal distinction between forms with perfect meaning, and those with nonperfect meaning» (с оговорками в сносках, что в АЯ имеется вариативность в области разграничения перфекта и неперфекта и в особенности это касается американской разновидности АЯ) [Comrie 1976: 53]. О вариативности в АЯ, имеющей отношение к сочетаемости с указанием на специфицированное, эксплицитно заданное время ситуации, см., в частности, [Миллер 1998].

¹⁴ Б. Комри, впрочем, (совершенно справедливо) указывает на то, что эта несочетаемость характерна для англ. Перфекта, но не для перфекта вообще: «It is not clear that the mutual exclusiveness of the perfect and specification of the time of a situation is a necessary state of affairs in a language. In Spanish, for instance, where the Perfect does have specifically perfect meaning, it is still possible to specify exactly the time of the past situation, as in *me he levantado a las cinco* ‘I got up at five o’clock’ (in reply to a question why I am looking so tired), *Gustavo Ferrán ha muerto ayer ... se ha estrellado anoche en los montes de nieve* ‘Gustavo Ferrán died yesterday ... he crashed last night on the snow-covered mountains’, where the Perfect would be impossible in the English glosses» [Comrie 1976: 54].

Далее, весьма существенной является оценка перфекта как диахронически неустойчивой граммемы (см. цитату выше из [Плунгян 2011а], а также [Squartini, Bertinetto 2000; Сичинава 2008]), являющей собой промежуточный этап в рамках магистрального пути развития *результатив* > *перфект* > *перфектив/претерит* [Bybee et al. 1994: 105]. В [Плунгян 2011а: 390–395; 2011б] такой путь развития рассматривается как один из возможных сценариев и обозначается как «расширенный перфект», альтернативой которому являются: «специализированный перфект» (как правило, в экспериенциальном, иммедиатном или эвиденциальном значении; как возможный путь развития он рассматривается и в [Bybee et al. 1994: 105]) и «слабый перфект» (с постепенным исчезновением результативного перфекта, передающего свои функции «старому» претериту или аористу).

Наконец, к общетипологическим ожиданиям относится и то, что само существование граммемы перфекта оправдано, по-видимому, только в тех аспектуально-временных системах, в которых имеет место параллельное существование (и противопоставленность) перфекта и хотя бы еще одной граммемы, способной обозначать ситуацию со временем события (E(vent) по Х. Рейхенбаху [Reichenbach 1947]), расположенного ранее момента речи. Если это условие не соблюдается, как, например, в современном русском языке, то граммема, диахронически являющаяся перфектом, становится претеритом, см. [Lindstedt 2000: 372; Плунгян 2011а: 390–391].

Последнее положение для исп. Перфекта наименее проблематично, поскольку для обозначения ситуации, предшествующей моменту речи, в сфере абсолютных видо-временных возможностей ИЯ располагает еще и оппозицией Имперфект ~ Аорист (*cantaba* ~ *cantó* ‘(он/она) пел ~ (про)пел’). (Отметим, кстати, что исп. Перфект в дескриптивной традиции испанской грамматики обычно обозначается как форма прошедшего: *Pretérito Perfecto Compuesto* или *Pasado Compuesto*, хотя в сфере *consecutio temporum* выступает как форма плана настоящего; впрочем, имеется и идущая от А. Бельо [Bello 1853] традиция термина *ante-presente* ‘преднастоящее’.) Все остальные положения, начиная с набора реализуемых значений, переходя к вытекающим из них дискурсивно-сочетаемостным ограничениям и заканчивая вопросом о месте исп. Перфекта на одном из путей грамматикализации, создают широкое поле для комментариев и уточнений относительно соответствия исп. Перфекта типологическим ожиданиям. В данной статье основное внимание будет уделено последнему – месту исп. Перфекта на диахроническом пути развития, получившем наименование «аористический дрейф», и тесно связанному с ним вопросу о дискурсивных ограничениях перфекта (применительно к его испанской разновидности).

2. ПЕРФЕКТ VS. АОРИСТ: ЕСТЬ ЛИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ?

2.1. Из истории проблемы

В последние два-три десятилетия мейнстримом в объяснении семантической и сочетаемостно-дискурсивной специфики исп. Перфекта стала апелляция к «аористическому дрейфу», что, по-видимому, совсем не случайно: по временным рамкам это объяснение (практически) совпадает с активно развивающейся теорией грамматикализации, «общепризнанной ключевой вехой» в становлении которой считается выход в свет монографии К. Лемана [Lehmann 1982]; о предыстории и истории современной теории грамматикализации см. в [Майсак 2005: 23–98; Плунгян 2011а: 88–93].

С другой стороны, история изучения взаимоотношений Перфекта и Аориста в ИЯ начинается значительно раньше: активное сопоставительное рассмотрение этих форм имело место уже в начале XX в., к тому же времени относится формулирование двух основных подходов к данному вопросу¹⁵. В [Kempas 2008: 232–239] довольно подробно

¹⁵ Вопрос, конечно, ставился и ранее. Например, еще в XIX в. Andres Bello в своей грамматике [Bello 1853], обозначив Перфект (*he cantado*) термином «преднастоящее» (*ante-presente*), пояснял выбор между Перфектом и Аористом так: «Если сравнить два предложения: “Roma se *hizo* (AOR) señora del mundo” (‘Рим сделался владыкой мира’) и “La Inglaterra se *ha hecho*

излагается история вопроса PRF vs. AOR, и заинтересованного читателя можно отослать к этому источнику. Наиболее значительным, на мой взгляд, является то, что уже в начале XX в. были предложены основные трактовки взаимоотношения анализируемых граммем. Первый подход¹⁶, являющийся традиционным для дескриптивной грамматики ИЯ, заложен в работе [Padilla de Vicente 1903] и в качестве одного из своих основных положений провозглашает четкую определенность и непересекаемость границ семантических полей PRF и AOR. При этом для AOR отмечается сочетаемость исключительно с теми авербиялами, которые разобщены с моментом речи (типа *ayer* ‘вчера’, *hace dos semanas* ‘две недели назад’, *el año pasado* ‘в прошлом году’ и т. д.), т.е. с преходиернальными¹⁷ (pre-hodiernal), если использовать современную терминологию. А PRF, напротив, требуя, чтобы в высказывании была эксплицирована связь описываемой ситуации с моментом речи, сочетается с авербиялами, эту связь маркирующими (типа *ahora* ‘сейчас’, *hoy* ‘сегодня’, *esta semana* ‘на этой неделе’, *este año* ‘в этом году’ и т.д.), т.е. ходиернальными (hodiernal), но с некоторым расширением, поскольку сегодняшний день является лишь одним из видов границ, наряду с ‘этой неделей’, ‘этим месяцем’ и т.д. (В скобках отметим, что при этом и тот, и другой тип авербиялов являются темпорально-специфицированными, т. е. теми «обстоятельствами конкретного времени» в терминологии работы [Ландер 2002], сочетаемость с которыми запрещена для англ. Present Perfect, обычно рассматриваемого как прототип универсального перфекта, см. выше.) Сторонники этой концепции довольно многочисленны, к ним относятся авторы работ [García de Diego 1914; Seco 1975 (1930): 73–74; Alarcos Llorach 1947 (1980); Gili Gaya 1993 (1943): 160; Barrera-Vidal 1972: 216–222].

Второй подход практически противоположен первому, поскольку основным его тезисом является постулирование взаимозаменяемости PRF и AOR, т.е. свободное варьирование, что в самом начале XX в. довольно отчетливо сформулировал В. Мейер-Любке: «Грамматисты приложили немало усилий в деле установления разграничительной линии между *canté* и *he cantado*, но усилия эти не принесли результата, поскольку в действительности едва ли возможно поставить под сомнение их (этих форм. – Е.Г.) эквивалентность» [Meyer-Lübke 1890–1906: 134]. Эту позицию разделял, в частности, Э. Лоренсо, писавший, что для ИЯ «очевидным является тот факт, что обе (формы. – Е.Г.) взаимозаменяемы в любых контекстах, хотя перфект и не полностью оторвался от тех постепенно слабнущих нитей, которые связывают его с настоящим» [Lorenzo 1966: 158]. Приверженцев этого подхода, особенно в его более мягких вариантах, также оказалось немало. В частности, в [Bull 1960; Kuttert 1982] взаимозаменяемость PRF и AOR признается, но оказывается ограниченной – односторонней: PRF замещается AOR, но не наоборот. В [RAE 1973] фиксируется наличие исключений из общего правила (сформулированного в рамках первого, традиционного, подхода). Также было высказано предложение признать наличие частичной функциональной синонимии PRF и AOR: при

(PRF) *señora del mar*” (“Англия сделалась владычицей моря”), ясно ощущается то, что отличает претерит от преднастоящего. Во втором содержится указание, что [состояние] владычицы моря все еще имеет место; в первом – владение миром представлено как нечто такое, что уже прошло. Таким образом, сложная форма имеет отношение к настоящему». И, резюмируя: «одним словом, [она используется] всегда, когда в глаголе заключена отсылка к настоящему» [Ibid.: 122–123]. Отметим, что в анализируемых Бельо «минимальных парах» авербиялы отсутствуют, т. е. он сравнивает семантику граммем, не поддерживаемую эксплицитным контекстом.

¹⁶ Описание подходов дается в соответствии с [Kemps 2008: 232–239].

¹⁷ Здесь было принято решение остановиться на заимствовании используемых в англоязычной литературе латинских по происхождению терминов «ходиернал(ьный)» и «преходиернал(ьный)», а не использовать их русские эквиваленты – «сегодняшнее» и «досегодняшнее» прошедшее, например. Аргументы для этого решения следующие: несводимость испанской трактовки понятия *hodiernal* к рамкам текущего дня, что при использовании переводного эквивалента «сегодняшнее (прошедшее)» оказывается еще более очевидно неточным, и общая предпочтительность однословного наименования перед неоднословным.

общем раздельном существовании сфер использования обеих граммем имеется зона их конвергенции [Havu 1986: 112].

Учитывая наличие довольно распространенного (в первую очередь в лингводидактической литературе, и поэтому – «традиционного») разрешения на сочетаемость исп. Перфекта с темпорально-специфицированными адвербиалами ходиернальной семантики, основное внимание при обсуждении «конкуренции» PRF и AOR в испанистике всегда уделяется преходиернальным контекстам с соответствующим эксплицитным указанием. То есть наиболее часто обсуждается способность PRF появляться в контекстах, характерных для AOR, например: *Mi padre ha muerto hace tres años* vs. *Mi padre murió hace tres años* ‘Мой отец умер (PRF vs. AOR) три года назад’ [RAE 1973: 466]. При этом и в Академической грамматике 1973 года, откуда взят данный пример, и в ряде других исследований (в частности, в [Otálora Otálora 1970; Cerny 1972; Hernández Alonso 1990 (1984); Gómez Torgtogo 1989; Hermida Ruiz 2002]) в качестве объяснения предпочтения, (время от времени) оказываемого говорящим Перфекту, а не Аористу, предлагается апелляция к эмоциональному фактору и стилистическим резонам (т. е. выход в сферу прагматики). Приведем характерный фрагмент из [Hernández Alonso 1990 (1984): 450]: альтернатива PRF vs. AOR реализует «возможность субъективно приблизить или отдалить выраженное глаголом понятие от момента речи»; употребление Перфекта в случаях, подобных *La he visto anoche* ‘(Я) ее видел(а) вчера вечером’ автор оценивает как «стилистическое средство для выражения эмоционального отношения (к ситуации) – со знаком плюс или минус».

В последних академических описаниях испанского языка – [Gramática 1999; Nueva gramática 2009] – также уделяется внимание этому вопросу. В носящей характер коллективной монографии работе [Gramática 1999] проблема PRF vs. AOR трактуется (по крайней мере) в двух главах – посвященной синтетическим глагольным формам [Rojo, Veiga 1999] и аналитическим [Cartagena 1999]. В [Rojo, Veiga 1999: 2903] находим следующее утверждение: «<...> важно понимать, что ничто не препятствует *he cantado* (PRF. – Е.Г.) рефериовать к процессу, локализованному на отрезке времени, представленному как уже завершенный, всякий раз, когда говорящий имеет намерение каким-то образом выделить (*enfocar*) этот процесс с актуальной для настоящего точки зрения (*desde una situación vigente en el presente*)», что иллюстрируется следующим примером (в цитируемой работе – № 52):

- (1) Es para mí una satisfacción poder comunicarles que ayer mismo nuestros investigadores **han llegado** (PRF) por fin a la resolución total del problema.
‘С удовлетворением могу сообщить вам, что как раз вчера наши исследователи, наконец, полностью **решили** проблему (букв.: дошли до полного решения проблемы)’.

Приведем также резюмирующее суждение: «Во всяком случае *canté* (AOR. – Е.Г.) выражает более свободное и спонтанное представление ‘прошедшего’ процесса, в то время как *he cantado* вводит отношение одновременности, зачастую создаваемое локализацией процесса в рамках временного отрезка, все еще длящегося в настоящем, установлением его прямой связи с наличествующей ситуацией или с действительными для настоящего момента последствиями этого процесса. В настоящее время систематическое различие значений *canté* и *he cantado* реализуется не во всех диалектах испанского языка»¹⁸ [Ibid.]. В [Cartagena 1999: 2944–2945] семантические отношения между

¹⁸ En cualquier caso, *canté* expresa el enfoque más libre y espontáneo para un proceso ‘pasado’, mientras *he cantado* introduce esa referencia de simultaneidad en tantas ocasiones propiciadas por la situación del proceso en un período de tiempo todavía presente o su puesta en relación directa con alguna situación presente o con las consecuencias actualmente vigentes de dicho proceso. La distinción sistemática entre los contenidos de *canté* y *he cantado* no funciona actualmente en todos los dialectos del español.

AOR и PRF (*el pretérito* и *el ante-presente* в принятой в работе терминологии) формулируются как сходства и различия: «а) Сходства: обе (формы) выражают предшествование относительно момента речи, обе обозначают совершенные действия (*acciones perfectas*), завершенные до момента речи. б) Различия: простая форма (AOR. – *E.G.*) выражает простое предшествование относительно момента речи, от которого она отделяется, формируя в прошедшем собственную сферу, отличную от (сферы) актуальности говорящего. Сложная форма (PRF. – *E.G.*), напротив, обозначает предшествование внутри сферы настоящего, обнаруживая тем самым принадлежность к (сфере) актуальности говорящего».

Отметим также высказанные в литературе утверждения социолингвистического характера: преходиернальное функционирование Перфекта – характерная черта социолекта низко расположенных на социальной шкале слоев населения Мадрида (*«el habla vulgar madrileña»*) [Gili Gaya 1993 (1943): 160]. Оно же является диалектной особенностью Боливии, прибрежных районов Перу, Парагвая и северо-западных регионов Аргентины [Nueva gramática 2009: 1736] (см. также приведенную в [Kempas 2008: 236] библиографию и само исследование, посвященное «аористическим» употреблениям Перфекта в Испании и на севере Аргентины). Особое место занимает объяснение преходиернального употребления исп. Перфекта, связанное с теорией грамматикализации, изложению которого и будет посвящен следующий раздел.

2.2. «Аористический дрейф» как объяснение специфики исп. Перфекта

С начала 80-х гг. XX в. появляются исследования проблемы Перфект vs. Аорист, настойчиво предлагающие объяснение конкуренции этих двух граммем через апелляцию к понятиям теории грамматикализации, в частности к определению места Перфекта в рамках так называемого аористического дрейфа. При этом достаточно активно осуществляется и социолингвистический подход к изучению упомянутой вариативности, прибегающий к параметрам возрастной и территориальной вариативности. Можно утверждать, что теория грамматикализации и социолингвистический подход к изучению вариативности в рамках этой темы гармонично сосуществуют. Не претендую на исчерпывающее полную библиографию, назовем некоторые работы, трактующие эту тему [Harris 1982; Fleischman 1983; Schwenter 1994; Squartini, Bertinetto 2000; Howe, Schwenter 2008; Kempas 2008; Schwenter, Torres Cacoullos 2008; Copple 2009a; Copple 2009b; Holmes, Balukas 2011; Torres Cacoullos 2011].

Первые две работы из приведенного списка обозначили точку отсчета для определения места исп. Перфекта на пути грамматикализации, поскольку именно там появилась та схема диахронического развития перфекта в романских языках, в рамках которой «американский» и «кастильский» ИЯ оказались на разных стадиях развития (см. также выше, в разделе 1). Предложенное М. Харрисом и С. Флейшман представление стадиальности романского перфекта принято и в более поздних работах, таких, в частности, как [Schwenter 1994; Squartini, Bertinetto 2000; Holmes, Balukas 2011].

Вопрос о протекающей буквально на наших глазах грамматикализации исп. Перфекта (*change-in-progress*) и характерного для него аористического дрейфа (в терминологии автора – *anterior-to-perfective grammaticalization path*) впервые был поставлен в исследовании [Schwenter 1994]. В основу работы легли материалы проведенных в г. Аликанте (провинция Валенсия, Испания) исследований: эксперимента по заполнению лакуны в высказывании одним из предложенных вариантов – Перфектом или Аористом – и интервью на тему «Расскажи мне о твоем сегодняшнем / вчерашинем дне» [*Ibid.*: 80–81, 93]. Основной особенностью обсуждаемого идиома, с точки зрения Скотта Швентера, является сочетаемость с темпорально-специфицированными адвербиями: «What does differentiate the Alicante PP (Present Perfect. – *E.G.*) from most anteriors¹⁹ ... is its ability to

¹⁹ Термин для обозначения перфекта, предпочитаемый Дж. Байби и ее соавторами.

occur with specific time adverbials» [Ibid.: 82]. Соответственно, данная сочетаемостная особенность трактуется автором как неопровергимое свидетельство сдвига Перфекта в сторону перфективы / претерита. Этот вывод базируется на обсуждении понятия «текущей релевантности», причем указания Э. Аларкоса Льорача, Б. Комри, С. Флейшман, М. Харриса на свойственную носителям некоторых идиомов возможность понимать «текущую релевантность» несколько шире, что и обеспечивает сочетаемость с указанными адвебиалами, подвергается жесткой критике. В частности, Б. Комри ставится в упрек «смешение формы и функции» (confusion between form and function) [Ibid.: 83]. И, напротив, с сочувствием приводится уже цитированная выше критическая оценка В. Клейном «текущей релевантности» как неопределенного и, следовательно, неопровергимого понятия. Однако С. Швентер, в отличие от В. Клейна, не отказывается (вслед за авторами [Bybee et al. 1994]) от понятия «текущей релевантности», а просто приравнивает его к ограничению на сочетаемость с темпорально-специфицированными адвебиалами. Основание – ссылка на типологические исследования [Dahl 1985; Bybee et al. 1994], материал которых показывает, что «типичные употребления перфекта (*anteriors*) со значением текущей релевантности чрезвычайно распространены и зачастую являются единственными допустимыми употреблениями соответствующих граммем» [Schwenter 1994: 84]. Таким образом, круг замыкается: если исп. Перфект допускает сочетаемость с темпорально-специфицированными адвебиалами, то он, следовательно, не выражает (в этих случаях) «текущую релевантность», потому что «текущая релевантность» образцово выражается англ. Перфектом²⁰, который, в свою очередь, такой сочетаемости не допускает.

Далее в [Schwenter 1994] приводятся данные, демонстрирующие предпочтительную сочетаемость преходиернальных адвебиалов с AOR и ходиернальных – с PRF, хотя и в том и в другом случае информанты демонстрируют вариативность. Последнее – наличие разных решений информантов по заполнению лакуны – представляется немаловажным обстоятельством, препятствующим однозначному выводу об иммедиатном характере исп. Перфекта. Заметим при этом, что в обоих случаях указание на темпоральную спецификацию ситуации присутствует: с семантикой *hodiernal* или *pre-hodiernal*. И оно не помешало носителям ИЯ (в отличие от носителей нормативного британского АЯ) употребить Перфект, пренебрегая сформулированным в [Klein 1992: 546] ограничением (P-Definiteness Constraint), см. выше сноску 6.

Автор предлагал своим информантам (их было 42) выбрать одну из предложенных для заполнения лакуны форм²¹: (непрогрессивный) Перфект или (непрогрессивный) Аорист, как это представлено в (2) и (3) (примеры (21) и (22) из [Schwenter 1994: 88]).

- (2) El perro de al lado me (ha ladrado, ladró) esta mañana
 the dog of the next door me have:3SG barked barked this morning
 ‘The dog next door me (has barked, barked) this morning’.
- (3) El año pasado (he suspendido, suspendí) dos exámenes.
 the year passed have:1SG flunked flunked two exams
 ‘Last year, I (have flunked, flunked) two tests’.

²⁰ Апелляция к англ. Перфекту допускается здесь потому, что выше, на с. 73–74 той же статьи, С. Швентер, ссылаясь на исследование [Dahl 1985], в качестве проявившего наибольшее соответствие межъязыковому понятию перфекта называет именно англ. Перфект.

²¹ В [Горбова 2011: 424–438] представлены результаты и обсуждение в определенном смысле аналогичного эксперимента по заполнению лакуны в тексте. Отличия обусловлены тем, что в нашем эксперименте информанты осуществляли выбор не из 2 форм (Перфект – Аорист), а из 8 возможных в плане прошедшего темпорально-аспектуальных форм испанского глагола (включая Имперфект, Плюсквамперфект и комбинации названных 4 граммем с Прогрессивом).

Результаты опроса представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Процентное соотношение форм прошедшего в соответствии с адвериальными показателем (по результатам анализа ответов информантов)

	PP (Перфект)	Pret (Аорист)	N
«Today» adverb	86 %	14 %	294
Pre-«Today» adverb	28 %	72 %	336

(Таблица 2 из [Schwenter 1994: 88])

Полученные данные автор трактует как свидетельство протекающего в данном варианте ИЯ дрейфа Перфекта в сторону Аориста, основывая этот вывод на большем количестве употреблений PRF в преходиернальном контексте у молодых информантов по сравнению со старшей возрастной группой: молодые (18–25 лет) – 39 % (PRF) на 61 % (AOR), старшая возрастная группа (свыше 40 лет) – 17 % (PRF) на 83 % (AOR) [Ibid.: 97]²².

В дальнейшем именно эта вариативность – AOR или PRF в преходиернальных контекстах – послужила основной темой исследования проблемы Аорист vs. Перфект в испанском языке. В [Howe, Schwenter 2008; Schwenter, Torres Cacoullos 2008] была расширена база исследования, в которое оказались вовлечены и другие варианты ИЯ, в том числе пиренейские (= «кастильские»), что позволило утверждать: «[t]he Present Perfect in most Peninsular varieties is involved in an active grammaticalization process such that both the Present Perfect ... and the Preterit ... function as past perfectives (with the exception of areas in Northwestern Spain and the Canary Islands)» [Schwenter, Torres Cacoullos 2008: 2].

В [Holmes, Balukas 2011], исследовании, осуществленном на материале двух корпусов разговорной речи пиренейского испанского: COREC [Marcos Martín 1992] и Habla Culta [Esgueva, Canterero 1981]²³, – в фокусе внимания оказался выбор PRF vs. AOR в преходиернальных контекстах. В рамках многофакторного анализа (variable-rule analysis) с использованием приложения Windows «GoldVarb X» [Sankoff, Tagliamonte, Smith 2005] было установлено, что из первоначального набора факторов, способных,

²² К вопросу о протекающем на наших глазах процессе грамматикализации (grammaticalization-in-progress): интересно обратиться к данным диахронического корпусного исследования [Copple 2009b]. В этой работе в фокусе исследования находились AOR и PRF в контексте темпорально-специфицированных адвериалов как ходиернальной, так и преходиернальной семантики (на основе драматических текстов XV, XVII и XIX вв.). Выводы работы таковы: с XV по XIX в. увеличивалась склонность PRF употребляться в контексте «длительных» адвериалов типа ‘всегда’ и адвериалов с итеративной семантикой типа ‘много раз, часто’. В то же время темпорально-специфицированные адвериалы типа ‘в прошлом году’ чаще употребляются с AOR. При этом адвериалы типа ‘сегодня’, обозначающие «близкое прошлое (отсылающие ко времени, предположительно воспринимаемому как «релевантное» по отношению к моменту речи)» [Copple 2009b], обнаруживают крепнущую в период с XV по XIX в. тенденцию сочетаться с PRF (в основном от предельных предикатов). Таким образом, употребление PRF (в первую очередь от предельных глаголов) в контексте темпорально-специфицированных адвериалов нарастало на протяжении 400 лет, с XV по XIX в. (См. также далее описание выводов из [Copple 2009c].) Эти данные показывают, что процесс грамматикализации (если он имеет место) протекает «на наших глазах» на временном промежутке более чем в 500 лет (учитывая, что С. Швентер проводил свое исследование в самом конце XX в.), что ставит под вопрос возможность проследить этот процесс (возможно, всплеск?) путем сравнения речевой продукции двух поколений.

²³ В совокупности, как сообщают авторы, содержащих более чем 300 000 словоформ, откуда были извлечены 619 контекстов с PRF и AOR (впоследствии 150 примеров были исключены из рассмотрения: встретившиеся в двусмысленных контекстах, повторы, случаи «фальстарта» и комбинации Перфекта и Аориста с Прогрессивом), см. [Holmes, Balukas 2011: 82–83].

по мнению исследователей, оказать влияние на выбор граммемы²⁴, значимостью обладают только две группы факторов. Это форма глагола в трех предшествующих клаузах (Previous Verb) и временная референция (Temporal Reference). Ср.: «Looking at this from the perspective of the P(resent) P(erfect), we found that when a PP verb-form was used in any of the preceding three clauses, it favored a following PP with a factor weight of .90, and a relative frequency of 68 %. With respect to Temporal Reference, indeterminacy of the reference also favored the use of the PP with a factor weight of .70 and a relative frequency of 42 %» [Ibid.: 87]. При этом факторная нагрузка (factor weight) появления Перфекта в контексте специфицированной временной референции составляет 0.27 с относительной частотой 9 % (таблица 2 в [Holmes, Balukas 2011: 86–87]).

Для двух факторов, оказавшихся значимыми, авторы попытались разрешить вопрос их совместного или раздельного воздействия. Полученные данные свидетельствуют, скорее, в пользу последнего: появлению Перфекта в большей степени способствует комбинация таких значений двух факторов, как неопределенная временная референция и предшествующая форма Перфекта (80 %, ср. с 68 % для фактора прайминга), и менее – комбинация прайминга и специфицированной временной референции (41 %). Однако последний результат все же выше, чем средняя общая доля употреблений Перфекта (27 %). Приведем таблицу 2 с соответствующими данными из [Holmes, Balukas 2011: 87].

Таблица 2

Present Perfect use by Temporal Reference (horizontal) and Preceding Verb Form (vertical)

	Indeterminate Reference ²⁵	Specific Reference	Totals
Neither	50 % (54/109)	15 % (8/52)	39 % (62/161)
Present Perfect	80 % (40/50)	41 % (9/22)	68 % (49/72)
Preterite	12 % (12/96)	1 % (2/139)	6 % (14/235)
Totals	42 % (106/255)	9 % (19/213)	27 % (125/468)

В результате авторы [Holmes, Balukas 2011] (на основе полученных данных о 9 % использования Перфекта в темпорально-специфицированном контексте) приходят к осторожному выводу о том, что «аористический дрейф Перфекта, возможно, медленно распространяется за пределы ‘сегодня’ (сферой которого он ограничивался в соответствии с [Schwenter 1994]) на преходиеральные события, которые в других диалектах относятся в общем случае к сфере претерита» [Holmes, Balukas 2011: 88].

Описанное исследование лежит в рамках так называемого вариационистского подхода к изучению языковых изменений в рамках грамматикализации (зачастую предполагающих конкуренцию грамматических явлений в языке), теоретические основы которого изложены в [Torres Cacoullos 2011: 3–4]. См., в частности: «The purpose of variationist studies is to discover patterns of language use – the patterns of speakers' recurrent choices – in the relative frequency of co-occurrence of linguistic forms and elements of the linguistic context» [Ibid.: 3]. В той части работы, которая посвящена конкуренции PRF vs. AOR [Ibid.: 12–16], предлагается многофакторный анализ этой проблемы, причем сравниваются мексиканский и пиренейский варианты ИЯ (с опорой на [Schwenter, Torres Cacoullos 2008]). Общая картина сопоставительного многофакторного анализа

²⁴ Перечень имеет следующий вид: прайминг – форма предшествующего глагола, временная референция, полярность, наличие авербиала, тип предложения, лицо глагола, лексический вид [Holmes, Balukas 2011: 84–86].

²⁵ Смыслы типа ‘когда-нибудь’, ‘всегда’, ‘никогда’, выражаемые, в частности, соответствующими «неопределенными» авербиалами.

представлена в приводимой ниже Таблице 3 (соответствует табл. 3 из [Torres Cacoullos 2011: 12], которая, в свою очередь, воспроизводит табл. 4 из [Schwenter, Torres Cacoullos 2008]).

Таблица 3

Present Perfect – Preterit variation

Factor Group	Mexican	Direction of effect	Peninsular
Temporal reference	Significant	Different	Significant
Temp adv co-occurrence	Significant	Same	Significant
Noun number	Significant	Same	Significant
<i>Ya</i> co-occurrence	Not significant	Different	Significant
Sentence-clause type	Significant	–	Not significant
Aktionsart	Significant	–	Not significant

Два фактора – сочетаемость с темпоральными адвебиалами и множественным числом (дополнения) – оказываются значимыми для обоих вариантов ИЯ и демонстрируют одинаковое направление воздействия: и в том, и в другом случае употреблению PRF способствуют «ближайшие» (proximate) и многократные адвебиалы, такие как *esta semana* ‘на этой неделе’ и *muchas veces* ‘много раз’, а также множественное число дополнения: *he oido canciones tuyas* ‘(я) слышал твои песни’²⁶. Соответствующий факт оценивается как свидетельство сохранения в пиренейском ИЯ диахронически более старых перфектных черт – в полном соответствии с одним из принципов грамматикализации – принципом инерционности (principle of retention, или persistence), сформулированным в [Bybee, Pagliuca 1987] (первая формулировка) и [Hopper 1991] (вторая). Из различий по акциональной обусловленности сочетаемости (обозначенной как Aktionsart; в мексиканском ИЯ пунктивные глаголы не сочетаются с Перфектом) и типу предложения (в мексиканском варианте употреблению Перфекта способствует общий вопрос), а также с учетом того, что оба фактора оказались незначимыми для пиренейского варианта, делается вывод о выветривании значения (bleaching) и генерализации Перфекта в последнем. Еще два фактора – сочетаемость с наречием *ya* ‘уже’ и темпорально-специфицированными адвебиалами – показали противоположное воздействие на употребление / неупотребление Перфекта в обоих вариантах ИЯ: первый фактор способствует Перфекту в пиренейском варианте. Второй фактор, обладающий высоким уровнем значимости для обоих вариантов ИЯ, рассматривается автором более подробно, с дифференциацией адвебиалов, см. Таблицу 4 (табл. 5 в [Torres Cacoullos 2011: 15]).

Таблица 4

Temporal reference in the choice of the Perfect over the Preterit

	Mexican		Peninsular	
Total N	331/2234		956/1783	
Input	.06 (15 %)		.61 (54 %)	
Irrelevant	.94	59 %	.94	96 %
Indeterminate	.76	20 %	.65	73 %
Specific	.17	1 %		
Hodiernal		10 %	.93	96 %
Prehodiernal		0	.13	16 %

²⁶ В [Howe, Schwenter 2008: 106], работе, в которой применяется тот же многофакторный анализ (к данным из корпусов трех вариантов ИЯ: мадридского, Лимы и Мехико) и учитываются результаты [Schwenter, Torres Cacoullos 2008], обоснованность выбора в качестве фактора мн. ч. прямого дополнения поясняется следующим образом: «In general, plural objects have an atelicizing effect in such cases, producing continuative interpretations».

Отмечается как общее количественное различие по этому фактору (0,06 для мексиканского варианта и 0,61 для пиренейского), так и различие по распределению в соответствии с выделенными подтипами временной референции: в мексиканском варианте употреблению Перфекта в первую очередь способствует иррелевантность временной спецификации (0,94), в то время как специфичность этой референции, во-первых, сводится только к ходиернальному подтипу, во-вторых, не является благоприятствующей Перфекту (0,17). И то и другое оценивается как проявление типичного для перфекта реляционного характера и связи с планом настоящего (*link-to-present-meaning*). Для пиренейского варианта иррелевантность временной референции также оказывается весьма существенной (то же значение – 0,94), что оценивается как реализация упомянутого выше инерционного принципа. Отмечена также проявившаяся в полученных данных склонность Перфекта к употреблению в ходиернальных контекстах (0,93) в ущерб преходиернальным (0,13). Этот результат также оценивается как свидетельство продвижения Перфекта в пиренейском варианте ИЯ по пути грамматикализации в сторону перфективива: граммема уже освоила все варианты темпоральной референции, за исключением преходиернального (что несколько отличается от выводов работы [Holmes, Balukas 2011], см. выше). Также на основе полученных данных высказаны возражения по отношению к сформулированной в [Comrie 1976: 61] гипотезе о связи продвижения граммемы по пути «перфект → претерит» с постепенным ослаблением степени приближенности к настоящему (*gradual relaxation of the degree of recency*), поскольку различий такого рода в темпорально-специфицированных употреблениях пиренейского Перфекта (за пределами ходиернальной сферы) зафиксировано не было. Взамен предложена другая гипотеза: «*the shift from hodiernal to general perfective appears to be advancing in temporally indeterminate past contexts, which are perfective, but not temporally specified*» [Torres Cacoullos 2011: 15].

Диахронические исследования (ссылка на [Copple 2009c]) эту гипотезу, по мнению автора, поддерживают. В [Copple 2009c], диахроническом корпусном исследовании на материале текстов драмы, было установлено, что частота употребления Перфекта относительно Аориста возрастает с 26 % (314/1231) в XV в. до 37 % (775/2109) в XVII в. и 49 % (733/1502) в XIX в. [Torres Cacoullos 2011: 15].

В [Copple 2009c] фактор временной референции был проанализирован в связи с акциональностью. В XV в. распространение Перфекта началось с иррелевантных к временной референции и темпорально-неопределенных контекстов, охватывая глаголы, допускающие результативную интерпретацию. С ростом общей относительной частоты употребления к XVII в. форма стабилизируется в перфектных употреблениях, укрепившись в контекстах с иррелевантной временной референцией и распространившись на все акциональные классы испанского глагола. Темпорально-неопределенные контексты также способствуют употреблению Перфекта. В XIX в. Перфект по частоте употреблений сравнялся с Аористом (демонстрируя, по мнению автора работы [Torres Cacoullos 2011], значение перфективности) и распространился на ходиернальные контексты. Сделанные в [Copple 2009c] выводы сводятся к тому, что употребление Перфекта в темпорально-неопределенных контекстах способствует «выветриванию» значения «текущей релевантности» и повышает степень ассоциированности Перфекта с перфективностью²⁷ [Torres Cacoullos 2011: 16]. Приведем здесь обобщающую результаты исследования таблицу 5 [Copple 2009c: tabl. 5.18].

²⁷ Cp. также с цитатой из [Copple 2009a: 1]: «It is concluded that the non-specified temporal reference contexts play a special role in the PP's grammaticalization. The temporally irrelevant PP function helps to solidify the event focus of the “hot news” perfect, while the indeterminate function relaxes the restrictions of current relevance by strengthening the PP's association with perfectivity».

Temporal reference in the choice of the Perfect over the Preterit in Peninsular plays*

	15th		17th	19th
Total N**	314/628		775/1546	733/1502
Input Temporal Reference	.58		.40	.45
Immediately		Irrelevant	.83	.83
Preceding	.61	Immediately		
Irrelevant	.54	Preceding	.74	.75
Indeterminate	.47	Indeterminate	.61	.64
Hodiernal	.20	Hodiernal	.42	.54
[Prehodiernal]	0	Prehodiernal	.02	.09

* Other factor groups in analyses: Subject expression, Aktionsart, Sentence-clause type, *ya* co-occurrence.

** 15th and 17th c. total N based on sample of the Preterit (цит. по [Torres Cacoullos 2011: 16, table 6]).

Наконец, несколько слов об исследовании [Howe, Schwenter 2008], реализованном на материале трех вариантов ИЯ (см. сноска 26 выше). Примечательным является вывод, что «there is more than one possible grammaticalization pathway for perfect > perfective in Spanish» [Ibid.: 107]. Он основан на том, что при практически отсутствующих ходиернальных и преходиернальных употреблениях Перфекта в Лиме (как и в Мехико) именно контексты с иррелевантной и неопределенной темпоральной референтностью способствуют употреблению PRF в ИЯ Лимы (в отличие от Мексики и аналогично Мадриду) [Howe, Schwenter 2008: 106–107]. И это оценивается как «возрастание эпистемических (= эвиденциальных) употреблений Перфекта <...> в некоторых андских вариантах ИЯ, а именно в тех, которые контактируют с кечуа» [Ibid.: 107].

Таким образом, объяснение «странныстей» исп. Перфекта (причем не только в пиренейском, но и в американских вариантах языка) в рассмотренных исследованиях связывается, в первую очередь, с протекающим «аористическим дрейфом» граммемы. Причем более чем по одному сценарию: в направлении как «расширенного перфекта», так и «специализированного» (в эвиденциальном значении).

2.3. Перфект в нарративе

Отдельный интерес представляет второе ограничение на дискурсивное поведение перфекта, нарушающее его испанским представителем, – эпизодическое употребление в нарративе. Эта тема также была поднята в [Schwenter 1994: 93–95]. В частности, С. Швентер приводит следующие три фрагмента из интервью с информантами (жителями Аликанте), причем первые два взяты из текстов, стимулами для порождения которых были просьбы рассказать о сегодняшнем и о вчерашнем дне ((4) и (5) соответственно; формы Перфекта и Аориста выделены полужирным шрифтом [Schwenter 1994: 94–95]):

- (4) **Me he levantado a las siete. Me he duchado. Hemos ido al banco para sacar dinero. Luego, hemos ido al Corte Inglés. He hecho la comida..., etc.**
 ‘(Я) встал(а) в семь. Принял(а) душ. (Мы) пошли в банк снять деньги. Потом (мы) пошли в *Corte Inglés* (сеть универмагов). (Я) приготовил(а) обед ... и т. д.’
- (5) **Desperté a todo el mundo a las seis y media. Fui al trabajo. A las diez, tomé un café como todos los días. Volví a casa para comer a las dos. Volví otra vez al trabajo a las cuatro y media..., etc.**

‘(Я) разбудил(а) всех в половину седьмого. (Я) пошел (пошла) на работу. В десять часов (я) выпил(а) кофе, как всегда. (Я) вернулся (вернулась) домой обедать в два. (Я) вернулся (вернулась) снова на работу в половину пятого... и т. д.’

Следующий фрагмент (6) приведен для подтверждения того факта, что формы PRF могут обозначать и непосредственно следующие друг за другом события (*closely-knit series of events*) при условии, что все они относятся к контексту ходиернала [Ibid.: 94]:

- (6) Р (объясняя, почему он(а) закрыл(а) дверь на ключ):

...ha venido un hombre. Ha tocado la puerta y lo he mirado por la ventanilla y parecía un mendigo. Luego, alguien ha llamado por teléfono y ha sonado como mil veces. Yo no he contestado – me moría del susto. En fin, se me ha olvidado abrirla para vosotros.

‘…пришел человек. (Он) постучал в дверь, а (я) (по)смотрел(а) на него через форточку – он был похож на нищего (букв. казался нищим). Потом кто-то позвонил по телефону, и (он) (за) звонил (долго, как будто бы) тысячу раз. Я не ответил(а) – умирал(а) от страха. В общем, (я) забыл(а) (букв.: мне забылось) открыть ее (дверь) вам’.

Вывод С. Швентера сводится к тому, что, во-первых, приведенный материал свидетельствует, вопреки мнению Э. Даля [Dahl 1985: 113], о том, что один из романских идиомов – ИЯ г. Аликанте – демонстрирует возможность обозначения цепи событий в нарративе формами Перфекта. Во-вторых, данная особенность является еще одним подтверждением способности Перфекта реализовать перфективные функции: Перфектом обозначаются последовательные события первого плана²⁸, что подчеркивается контрастом с обозначающим фон Имперфектом (см. в (6) *parecía, me moría*) [Schwenter 1994: 95].

В дополнение к предъявленному в [Schwenter 1994: 94–95] языковому материалу и сформулированным на его основе положениям приведу аналогичный материал (но уже не связанный с Аликанте) и некоторые соображения. Начнем с последних. Думается, что если некая граммема (в нашем случае – Перфект) функционирует как противопоставленная другой граммеме (Аорист) по принципу «ходиернал – преходиернал» (что, в общем-то, представляет собой оппозицию по временной дистанции), то закрепленной за ходиерナルным контекстом конструкции при включении в нарративный режим не остается ничего другого, кроме как обозначать ряд событий. Это обусловлено тем, что для другой конструкции (формы), способной обозначить целостное событие (в нашем случае – для Аориста), заданный ходиерナルный контекст оказывается труднодоступным (в крайнем случае – недоступным). Таким образом, у первой (перфектной) конструкции дискурсивное ограничение на нарратив естественным образом снимается.

Если верно это рассуждение и – одновременно – положение о разделении функций Перфекта и Аориста по линии «ходиернал – преходиернал» (и, следовательно, иммиграции исп. Перфекта), то дискурсивно ориентированные на ходиерナルность жанры, такие как, например, (письменный) жанр дневниковых записей или (устный) рассказ о прошедшем дне (ср. полученные в [Schwenter 1994] данные), должны демонстрировать (хотя бы частичное) отсутствие ограничения на употребление Перфекта в нарративе. Примером дневникового дискурсивного типа может служить [Miquel, Sans 2007]²⁹ – текст, последовательно оформленный как дневниковые записи (каждая

²⁸ Вопреки введенному в [Givón 1982; Li, Thomson, Thomson 1982; Bybee et al. 1994] перечню функций перфекта в нарративе, сводимому к кодированию фоновой информации, релевантной для описываемого в определенной точке нарратива события, или оформлению предиката в клаузах, стоящих вне нарративной цепочки.

²⁹ К этому тексту, впрочем, следует относиться с известной долей осторожности: дело в том, что он был создан авторами как текст для чтения изучающими испанский язык как иностранный (уровень A₂), а форма PRF, будучи аналитической конструкцией, технически образуется проще, чем синтетические Имперфект и Аорист. Однако последние формы в этом тексте также зафиксированы, как, с другой стороны, зафиксированы и спонтанно созданные информантами нарративные тексты с использованием исключительно Перфекта для обозначения цепочки событий (см. работу [Schwenter 1994]). Ниже будут приведены данные и из других представителей жанра дневника: [Gogol 2009; Frank 2010; Fielding 2005].

из которых предполагает изложение событий, имевших место в течение дня): первая глава озаглавлена «15 октября 1989 года», последняя – «26 октября 1989 года». В первой главе (три с половиной страницы текста) имеется 123 финитные формы, из них 118 – формы индикатива, 4 – императива, 1 – субхунтива (сослагательного наклонения). Из 118 финитных форм индикатива (100 %): 62 – вхождения Презенса (53 %), 37 – Перфекта (31 %), 9 – (имmediатного) Футурума (8 %), 7 – Аориста (6 %), 2 – Имперфекта (2 %), 1 – (простого) Футурума (1 %). Остановимся на формах, способных обозначать локализованные до момента речи ситуации: Перфект (37), Аорист (7), Имперфект (2).

Отметим, что в этом случае Перфект сосуществует не только с Имперфектом, но и – чаще – с Аористом. Посмотрим на функции этих граммем в данном тексте (на примере первой главы). Ниже приведены первые два абзаца (Перфект и соответствующие ему словоформы в переводе выделены полужирным шрифтом).

- (7) **He pasado** (PRF) el fin de semana estupendo. **He estado** (PRF) con unos amigos en el campo. El único problema es que **he comido** (PRF) muchísimo, demasiado. Todo el día comiendo chuletas con patatas fritas. Hoy mismo **he comenzado** (PRF) una dieta. Voy a comer ensalada y fruta toda la semana.

Esta tarde **ha venido** (PRF) un cliente a encargarme un nuevo caso. Margarita, la secretaria, me **ha dicho** (PRF): <...> [Miquel, Sans 2007: 6]

‘(Я) провела выходные великолепно. (Я) была с друзьями за городом. Единственная проблема – (я) много (съ)ела, слишком (много). Весь день (я провела) поедая котлеты с жареной картошкой. Сегодня же (я) начала диету. (Я) буду есть салат и фрукты всю неделю.

Сегодня после обеда **пришел** (/ **приходил**) клиент (чтобы) поручить мне новое дело. Маргарита, секретарша, мне **сказала**: <...>’

Как видим, в первом абзаце этого фрагмента содержится описание выходных: события оформлены цепочкой PRF и один раз, в рамках комментария, дан вербоид (герундий); в последнем предложении – обязательство на начавшуюся неделю (сесть на диету), оно оформлено конструкцией (имmediатного) Футурума. Во втором абзаце осуществлен переход к описанию обозначенного в заголовке дня. В обоих предложениях финитные формы – PRF. Далее следует диалог, в котором (вполне предсказуемо) превалируют презентные и императивные формы с редкими вкраплениями Перфекта в контексте адвербиалов «с неопределенной референтностью» (в терминах [Holmes, Balukas 2011]), сп. (8):

- (8) – Son los ojos más bonitos que **he visto** (PRF) nunca... [Ibid.]
‘Это самые красивые глаза, которые (я) когда-либо **видел(а)**’.

Еще один пример из цепи последовательных ситуаций видим в (9), причем Перфект появляется в обеих частях сложноподчиненного предложения с временным придаточным:

- (9) *Cuando ha entrado* (PRF) el nuevo cliente, **me he quedado** (PRF) sin respiración [Miquel, Sans 2007: 7].
‘Когда **вошел** (этот) новый клиент, у меня перехватило дыхание (букв.: (я) **осталась без дыхания**)’.

В общем, думается, общий принцип ясен: последовательные события в нарративе обозначаются Перфектом, как и (см. в (8)) имевшая место (в неопределенном прошлом) ситуация с наличной в настоящем «текущей релевантностью». Отметим также способность Перфекта обозначать предшествование относительно другой ситуации, также выраженной Перфектом:

- (10) En realidad **me he alegrado** (PRF) sólo de una cosa: el imbecil de Alonso le **ha hablado** (PRF) de mí a Cayetano y Cayetano, el hombre más guapo que **he conocido** (PRF), **ha venido** (PRF) a verme [Miquel, Sans 2007: 7].

‘На самом деле (я) обрадовалась только одному: этот негодяй Алонсо сказал обо мне Каэтано, и Каэтано, самый красивый мужчина, с которым (я) (когда-либо) (по)знакомилась, пришел ко мне’.

В (10) обозначенное формой *ha hablado* ‘(он) говорил, сказал’ событие имело место ранее обозначенного предикатом *me he alegrado* ‘(я) обрадовалась’, а событие *ha venido* ‘(он) пришел’ – позже. И хотя их невозможно локализовать на временной оси абсолютно точно, взаимоотношения событий вполне определенные (реконструируются из ситуации).

Интересно обратить внимание на немногочисленные формы Имперфекта и Аориста. Аорист появляется или в комментариях – отступлениях от основной линии рассказа о событиях текущего дня, например, в (11):

(11) – Ah, claro, Alonso... Hace mucho que no nos vemos.

Con Alonso de la Prada tuve (AOR) una apasionada historia de amor de tres fines de semana. Después desapareció (AOR) [Miquel, Sans 2007: 7].

‘– А, конечно, Алонсо... (Мы) уже давно не видимся.

С Алонсо Де-ла-Прада (я) пережила (букв.: имела) бурную любовную историю (длиной в три уикенда. Потом (он) исчез’.

– или – в рамках диалога – в контексте преходиернальных адвербиалов, обозначая ситуацию в прошлом, которая говорящим, по-видимому, не оценивается как обладающая «текущей релевантностью», как в (12) и (13):

(12) – Hace unos meses compré (AOR) unos cuadros de un famoso pintor. Urpiano se llama. No sé si lo conoces [Miquel, Sans 2007: 8].

‘Несколько месяцев назад (я) купил картины одного известного художника. Урпиано его зовут. Не знаю, знаешь ли ты о нем’.

(13) – Bueno, el caso es que compré (AOR) varios cuadros en una subasta en Barcelona, en Sitehevist...

– Ah, en Sitehevist...

– Me gasté (AOR) muchísimo dinero... [Ibid.]

‘Ну, дело в том, что (я) купил несколько картин на одном аукционе в Барселоне, в Сайтхевист...

– А, в Сайтхевист...

– (Я) потратил уйму денег...’

Здесь приведены пять форм Аориста из имеющихся в этой главке семи, оставшиеся две употреблены аналогично случаям (12) и (13), причем в рамках диалогического обсуждения все той же ситуации покупки картин (с упоминанием их предварительной экспертной оценки).

Оба случая употребления Имперфекта приходятся на обозначение фона в комментариях, см. (14) и (15):

(14) – Encantada – he dicho (PRF). Y era (IMPRF) exactamente la verdad [Miquel, Sans 2007: 7].
‘Очень приятно (букв.: очарована), – сказала (я). И (это) было истинной правдой’.

(15) Yo no tenía (Imprf) ni idea [Miquel, Sans 2007: 8].
‘Я понятия не имела’.

Думается, что рассмотренный материал одновременно свидетельствует в пользу двух положений: приверженности исп. Перфекта (в основном) к контекстам ходиернального типа (текущего дня), а исп. Аориста – к обозначению событий за пределами текущего дня и отсутствия для Перфекта дискурсивного ограничения на обозначение цепочки событий в ходиернальной сфере. Обращение к другим литературным текстам, также организованным по принципу дневниковых записей, позволяет усомниться в первом, однако второе положение остается в силе.

Например, в испанском (довольно свежем – 2009 г.) переводе гоголевских «Записок сумасшедшего» (см. [Gógol 2009]³⁰) обнаруживается несколько отличная картина – гораздо более разнообразная с точки зрения видо-временного оформления событий описываемого дня. Во второй главке («4 октября»)³¹, начинающейся словом *hoy* ‘сегодня’, имеются 85 финитных форм глагола, в индикативе – 80 (100%). Из них: 23 вхождения Презенса (29 %), 41 – Аориста (51 %), 8 – Имперфекта (10 %), 2 – Перфекта (3 %), 1 – Плюсквамперфекта (1 %), 1 – (простого) Футурума (1 %), 4 – (простого) Кондиционала (5 %). Обращает на себя внимание, что среди форм сферы претерита наблюдается преобладание Аориста и Имперфекта: Аорист (41), Имперфект (8), Перфект (2), Плюсквамперфект (1). К тому же, оба случая использования переводчиком Перфекта имеют место в репликах персонажей. Приведем первый абзац главы (16) и оба случая использования Перфекта (17) и (18):

- (16) Hoy es miércoles, y, por lo tanto, estaba (IMPRF) en el gabinete de trabajo del director. Llegué (AOR) intencionadamente un poco más temprano y, tras sentarme, me ocupé (AOR) en cortar todas las plumas [Gógol 2009].
Сегодня середа, и потому я был у нашего начальника в кабинете. Я нарочно пришел пораньше и, засевши, перечинил все перья [Гоголь 1834].
- (17) Me saludó (AOR) y dijo (AOR): «*¿Y papá, no ha venido* (PRF)?» [Gógol 2009].
Она поклонилась и сказала: «Папа здесь не было?» [Гоголь 1834].
- (18) Me quedé (AOR) allí una hora más; de pronto entró (AOR) el lacayo y dijo (AOR): «*Puede irse a casa, Aksenti Ivanovich, el señor ha salido* (PRF) ya» [Gógol 2009].
Я еще час сидел, как вдруг пришел лакей и сказал: «Ступайте, Аксентий Иванович, домой, барин уже уехал из дома» [Гоголь 1834].

Очевидно, что при наличии всего двух случаев использования Перфекта в двух неконтактно расположенных фрагментах этой главы, обозначать цепочку событий они не могут. Однако данный текст хорошо показывает другое: Аорист совершенно свободно используется в ходиернальных контекстах.

Можно, однако, предположить, что переводчик попытался архаизировать испанский текст, стремясь приблизить его ко времени создания русского оригинала. (В свете данных работ [Coppie 2009a; 2009b; 2009c] такое предположение не выглядит как правдоподобное, но с учетом версии об «аористическом дрейфе» исп. Перфекта оно имеет право на существование.) Поэтому имеет смысл обратиться к представителям дневникового жанра, созданным в более близкие к нам годы. «Дневник» Анны Франк (первая публикация нидерландского оригинала – 1947 г., сам дневник был создан в 1942–1944 гг.) переводился на испанский язык дважды – в 1955 и в 1993 г. (мы будем иметь дело с последним переводом [Frank 1993; 2010]). «Дневник Бриджит Джонс» Хелены Филдинг (1996) был переведен на испанский в том же 1996 г. (использовано издание [Fielding 2005]).

Из [Frank 2010] возьмем главку, озаглавленную «Суббота, 20 июня 1942 г.», – первую, посвященную событиям обозначенного дня (а не более ранним – биографии автора и его семьи, а также истории решения вести дневник). В этой главке 54 финитные формы, в индикативе – 52 (100%). Распределены они следующим образом: Презенс – 40 (77 %), Перфект – 5 (10 %), Имперфект – 3 (6 %), Аорист – 2 (4 %), (простой) Футурум – 1 (2 %), Кондиционал – 1 (2 %). Глава содержит большой описательный фрагмент, оформленный презенсом в хабитуальном значении, что и обусловило явный перевес

³⁰ Впрочем, как и в двух других текстах, относящихся примерно к тому же времени создания их испанских версий [Frank 2010; Fielding 1996a; 2005].

³¹ Для подсчетов была взята вторая, а не первая глава, поскольку первая, за счет пространных описательных отступлений от цепи событий, по объему существенно превышает другие, в частности вторую.

в сторону форм настоящего. Тем не менее приведем начало главы, в которой почти подряд идут 3 из 5 вхождений Перфекта:

(19) Querida Kitty³²:

Empiezo (PRES) ya mismo. En casa está (PRES) todo tranquilo. Papá y mamá **han salido** (PRF) y Margot **ha ido** (PRF) a jugar al ping-pong con unos chicos en casa de su amiga Trees. Yo también juego (PRES) mucho al ping-pong últimamente, tanto que incluso **hemos fundado** (PRF) un club con otras cuatro chicas, llamado «La Osa Menor menos dos» [Frank 2010: 7].

‘Дорогая Китти, (я) начинаю прямо сейчас. В доме сейчас тихо. Папа и мама **вышли** (прогуляться), а Марго ушла играть в пинг-понг с ребятами к своей подруге Трейс. Я тоже увлекаюсь пинг-понгом в последнее время, да так, что (мы), (я и) другие четыре девочки, даже **создали** свой клуб под названием «Малая медведица минус два»’.

Если первые два вхождения Перфекта в (19) можно (при одном из прочтений) считать обозначением последовательных событий, то третье – **hemos fundado** (PRF) *un club* ‘(мы) **создали** клуб’ – обозначает, по всей видимости, предшествование (относительно момента речи) события основания клуба и его «текущую релевантность» (последняя имеет место и в первых двух случаях использования Перфекта).

Имеет смысл привести количественные данные и еще по одной главке – «Среда, 1 июля 1942 г.». Она несколько более объемна и не так насыщена описаниями. Итак: общее количество финитных форм – 155, индикативных – 143 (100%). Формы распределены следующим образом: Презенс – 69 (48 %), Аорист – 35 (25 %), Имперфект – 14 (10 %), Перфект – 11 (8 %), Кондиционал – 6 (4 %), Плюсквамперфект – 3 (2 %), (простой) Футурум – 3 (2 %).

Приведем примеры:

(20) ¡Querida Kitty!

Hasta hoy te aseguro (PRES) que no **he tenido** (PRF) tiempo para volver a escribirte. El jueves **estuve** (PRF) toda la tarde en casa de unos amigos, el viernes **tuvimos** (AOR) visitas y así sucesivamente hasta hoy. Hello y yo **nos hemos conocido** (PRF) más a fondo esta semana. Me **ha contado** (PRF) muchas cosas de su vida. Es (PRES) oriundo de Gelsenkirchen y vive (PRES) en Holanda en casa de sus abuelos. Sus padres están (PRES) en Bélgica, pero no tiene (PRES) posibilidades de viajar allí para reunirse con ellos. Hello tenía (IMPRF) una novia, Ursula. La conozco (PRES), es (PRES) la dulzura y el aburrimiento personificado. Desde que me **conoció** (AOR) a mí, Hello se **ha dado cuenta** (PRF) de que al lado de Ursula se duerme (PRES). O sea, que soy (PRES) una especie de antisomnifero. ¡Una nunca sabe (PRES) para lo que puede llegar a servir! [Frank 2010: 9]

‘Дорогая Китти! До сегодняшнего дня (у меня) не было времени, чтобы писать. В четверг (я) **провела** весь вечер у друзей, в пятницу у нас **были** гости, и в таком духе (продолжалось) до сегодняшнего дня. Хелло и я ближе узнали друг друга за эту неделю. (Он) мне много **рассказал** о себе. (Он) родом из Гельзенкирхен, и живет здесь в Голландии у бабушки и дедушки. Его родители в Бельгии, но у него нет никакой возможности поехать туда к ним. У Хелло была подруга, Урсула. (Я) ее знаю: воплощение сладости и скуки. С тех пор как Хелло **познакомился** со мной, (он) **осознал**, что рядом с Урсулой (он) засыпает. Так что (я) что-то вроде антиснотворного. Никогда не знаешь, на что можешь сгодиться!’

(21) **Colgué** (AOR) el auricular y **corrí** (AOR) a cambiarme de ropa y a arreglarme el pelo. Luego **me asomé** (AOR), nerviosa, por la ventana. Por fin lo **vi** (AOR) llegar. Por milagro no **me lancé** (AOR) escaleras abajo, sino que **esperé** (AOR) hasta que **sonó** (AOR) el timbre. **Bajé** (AOR) a abrirle y él **fue** (AOR) directamente al grano: <...> [Frank 2010: 9]

‘(Я) **повесила** трубку и **побежала** переодеться и поправить волосы. После этого (я) в нетерпении **высунулась** в окно. Наконец (я) **увидела**, как он подошел. (Я) чудом не **бросилась** по лестнице вниз, а **дождалась**, пока **раздастся** звонок. (Я) **спустилась** открыть ему, и он сразу же **приступил** к главному’.

³² Анна Франк назвала свой дневник именем «Китти» и с пятой записи (это как раз «Суббота, 20 июня 1942 г.») начинала и заканчивала записи в дневнике обращением к Китти. Таким образом, «Дневник» Анны Франк совмещает в себе черты дневника и эпистолярного жанра,ср. подзаголовок русского перевода дневника: «Убежище. Дневник в письмах» [Франк 2010].

В (20), представляющем собой начало соответствующей записи, мы видим использование форм как Перфекта, так и Аориста (а также Имперфекта и Презенса). В первом (после обращения) предложении из форм плана прошедшего наличествует Перфект, обозначая релевантность ситуации для момента речи. В следующем предложении дважды использован Аорист – он обозначает события (*estuve* ‘(я) была’, *tuvimos visitas* ‘(у нас) были гости’), которые имели место в предшествующие дни (четверг и пятницу) и, по-видимому, с точки зрения автора дневника, уступают в релевантности для текущего момента тем событиям, о которых идет речь в следующих двух предложениях. Отметим, что описанные в последующих предложениях события с темпоральной точки зрения протекали, по всей видимости, одновременно с обозначенными Аористом (ср.: *esta semana* ‘на этой неделе’), но оформлены они Перфектом: *nos hemos conocido* ‘(мы) узнали друг друга’ и *ha contado* ‘(он) рассказал’. Характерно также предложение *Desde que me conocí (AOR) a mí, Hello se ha dado cuenta (PRF) de que al lado de Ursula se duerme (PRES)*, в котором в придаточной части использован Аорист (‘познакомился’), а в главной – Перфект, причем Аорист обозначает начало оформленной Перфектом ситуации ‘осознал’ как, по-видимому, обладающей «текущей релевантностью».

Фрагмент (21), в котором цепь событий обозначена исключительно формами Аориста, в тексте занимает место между двумя диалогами Анны и Хелло – разговорами по телефону и при личной встрече. Речь в нем, естественно, идет о событиях того же дня, что и в (20). Но, как видим, все эти события оформлены Аористом, несмотря на включенность в ходиернальный контекст. Разумным объяснением такому употреблению (Аориста, а не Перфекта) является апелляция к «текущей релевантности», выражаемой Перфектом, но не Аористом. То есть в данном случае говорящий не считал необходимым оформить события (исходя из собственного их видения) как обладающие релевантностью для момента речи (= написания).

«Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг – самый недавний по времени создания текст (из нашей подборки), выполненный в жанре дневника: английский оригинал (как и его испанский перевод) появился в 1996 г. В общем, к нашим наблюдениям он не добавляет ничего существенно нового: та же возможность обозначать цепочку событий Перфектом (22) (при отсутствии Present Perfect в английском оригинале), то же использование и Перфекта, и Аориста для обозначения событий (а Имперфекта для описаний) в сфере ходиернала (23).

(22) martes 24 de enero.

Día celestial. A las 5.30, como un regalo divino, Daniel **ha aparecido** (PRF) en el despacho, **se ha sentado** (PRF) en el extremo de mi mesa, dándole la espalda a Perpetua, **ha sacado** (PRF) su agenda y **ha murmurado** (PRF): «¿Cómo lo tienes para el viernes?».

¡Sííííí! ¡Sííííí! [Fielding 1996a]

Tuesday 24 January

Heaven-sent day. At 5.30, like a gift from God, Daniel **appeared** (SP), **sat** (SP) himself on the edge of my desk, with his back to Perpetua, **took out** (SP) his diary and **murmured** (SP), ‘How are you fixed for Friday?’

Yessssssi Yesssssss! [Fielding 1996b]

(23) domingo 1 de enero

<...> 11.45 p.m. Ugh. El primer día de Año Nuevo **ha sido** (PRF) horrible. Todavía no puedo (PRES) creer que empiezo (PRES) otra vez el año en una cama individual en casa de mis padres. Es (PRES) demasiado humillante a mi edad. Me pregunto (PRES) si olerán (FUT) el humo si enciendo (PRES) un cigarrillo asomada a la ventana. Tras pasar toda el día en casa, esperando que se me pasase (IMPRF.SUBJ) la resaca, al final **claudiqué** (AOR) y **salí** (AOR) demasiado tarde, en dirección al Bufé de Pavo al Curry. Cuando **llegué** (AOR) a casa de los Alconbury y **apreté** (AOR) el timbre–que–emitía (IMPRF)–unacancioncilla–estilo–reloj–del–ayuntamiento, todavía me encontraba (IMPRF) en un extraño mundo interior: nauseabundo, horrible, ácido. También sufria (IMPRF) de un resto de furia–de–carretera, tras haber tomado sin darme cuenta la M6 en lugar de la MI, y haber tenido que recorrer la mitad del camino hasta Birmingham buscando un sitio donde poder dar la vuelta. Estaba (IMPRF) tan furiosa que **segui** (AOR) golpeando el suelo

con el pie encima del acelerador para dar rienda suelta a mis sentimientos, lo cual es (PRES) muy peligroso. Ahora observaba (IMPRF) resignada la silueta de Una Alconbury – fascinantemente deformada a través de la puerta de vidrio esmerilado-, acercándose hacia mí en un dos piezas fucsia [Fielding 1996a].

11.45 p.m. Ugh. First day of New Year has been (CP) day of horror. Cannot quite believe I am once again starting the year in a single bed in my parents' house. It is too humiliating at my age. I wonder if they'll smell it if I have a fag out of the window. Having skulked at home all day, hoping hangover would clear, I eventually gave up and set off for the Turkey Curry Buffet far too late. When I got to the Alconburys' and rang their entire-tune-of-town-hall-clock-style doorbell I was still in a strange world of my own – nauseous, vile-headed, acidic. I was also suffering from road-rage residue after inadvertently getting on to the M6 instead of the M1 and having to drive halfway to Birmingham before I could find anywhere to turn round. I was so furious I kept jamming my foot down to the floor on the accelerator pedal to give vent to my feelings, which is very dangerous. I watched resignedly as Una Alconbury's form – intriguingly deformed through the rippled glass door bore down on me in a fuchsia two-piece [Fielding 1996b].

Итак, рассмотренный материал дневников (как и материал устных рассказов из [Schwenter 1994: 94–95]) показывает, думается, следующее:

при закреплении кодирования относящегося к сфере временной дистанции противопоставления «ходиернал / преходиернал» за граммемами Перфекта и Аориста (например, в качестве их вторичной функции) естественным образом снимается запрет на обозначение Перфектом последовательных ситуаций в нарративе; при этом вопрос о жесткой корреляции между ходиернальной/преходиернальной сферой и Перфектом / Аористом остается открытым;

разумным представляется следующее описание взаимоотношений этих граммем в нарративе: ходиернальность способствует использованию Перфекта, но не налагает жесткого запрета на употребление Аориста: последний используется именно в тех случаях, когда в намерения говорящего не входит задача обозначения «текущей релевантности» ситуации; «текущая релевантность» не идентична имmediатности, поскольку первое понятие, в отличие от второго, не связано напрямую со смыслами ‘только что’, ‘недавно’, ‘сегодня’ (отмечаемыми в связи с имmediатным прошедшим как возможным значением перфекта, см. в [Плунгян 2011а: 393]);

особые типы дискурса – (устный) рассказ о прошедшем дне и/или жанр дневниковых записей (как его письменный аналог) – способствуют реализации граммемы Перфекта, но не исключают кодирования отнесенных в прошлое ситуаций Имперфектом и Аористом; при этом, если у противопоставления «Перфект / Имперфект» есть два дифференциальных признака: отношение к «текущей релевантности» («+» у Перфекта, «-» у Имперфекта) и отношение к возможности обозначить кульминацию у соотнесенной с пределом ситуации («+» у Перфекта, «-» у Имперфекта), то у противопоставления «Перфект / Аорист» различительный признак один – отношение к релевантности выраженной предикатом ситуации в точке отсчета («+» у Перфекта, «-» у Аориста);

Перфект, несмотря на перфективность (понимаемую как способность актуализировать достижение предела, вызывать кульминацию), не становится эквивалентен Аористу, поскольку даже в режиме кодирования ходиернальных ситуаций Перфект продолжает выражать «текущую релевантность», хотя и в несколько трансформированном виде: релевантно для момента речи в первую очередь то, что имело место в незавершенный временной цикл (в первую очередь – день, но ИЯ аналогичным образом трактует и неделю, месяц, год и даже век, так что «ходиернальность» оказывается весьма широкой³³);

в рамках нарратива вместе с ходиернальными реализуются и экспериенциальные употребления Перфекта; экспериенциальному прочтению способствует наличие адвербиков с иррелевантной и неопределенной темпоральной референтностью.

³³ В том числе и по этой причине было принято решение остановиться на терминах «ходиернал(ьный)» и «преходиернал(ьный)», см. сноска 17 выше.

Завершая рассмотрение соотношения двух испанских перфективных граммем – Перфекта и Аориста, равным образом способных обозначать ситуации, предшествующие (по крайней мере, в своих начальных фазах) моменту речи, обратимся к положению Э. Даля о возможных сценариях конкуренции двух грамматических паттернов (конструкций) – более раннего и более нового – в одной нише [Даль 2009: 221–233] (в нашем случае – Аориста и Перфекта соответственно). Из трех обозначенных сценариев – стабильной ситуации со свободным варьированием паттернов, полной победы нового паттерна, вытеснившего предыдущий, и сценария «перемирия» с разделением труда между ними [Там же: 222] – для описания испанской проблемы «Аорист vs. Перфект» в наибольшей степени подходит третий³⁴. Именно «в том случае, когда два паттерна употребляются в одинаковой нише, выбор между ними может быть связан с семантическими и стилистическими эффектами. Поэтому такие эффекты достаточно неуловимы и нестабильны; они не существовали до того, как в нише появился новый паттерн, и если ему будет суждена дальнейшая экспансия и захват всей ниши, они исчезнут снова. Но пока этого не произошло, процесс распространения паттерна приводит к увеличению семантической сложности» [Там же: 227]. В обсуждаемом случае увеличение семантической (и – добавим – pragматической) сложности имеет место в том смысле, что говорящий вынужден (субъективно) оценивать имевшую место в прошлом ситуацию с точки зрения ее релевантности для момента речи и, кодируя эту ситуацию языковыми средствами, осуществлять выбор: Аорист или Перфект.

3. ИТОГИ

Подводя итоги, отметим основные положения проведенного анализа. Прежде всего в этом обсуждении нас интересовала специфика исп. Перфекта на фоне типологических ожиданий, вытекающих из уже сложившегося «портрета» перфекта как «crosslinguistic gram type» – межязыкового типа грамматических показателей и соответствующей граммемы (раздел 1). Можно констатировать, что исп. Перфект полностью соответствует этим ожиданиям по отношению только к двум моментам: плану выражения (аналитическая посессивная конструкция с глаголом с исходной семантикой ‘иметь’ и неизменяемым причастием – носителем лексического значения) и одновременному наличию в темпорально-аспектуальной системе еще одной перфективной граммемы – Аориста. Характерно, что в литературе не раз отмечалось присутствие в семантическом спектре исп. Перфекта «аористического» значения, постулируемого, в частности, при сочетаемости с темпорально-специфицированными адвебиалами (подробнее см. в [Горбова, (в печати)]. Точнее было бы обозначить это значение как «перфективное» и рассматривать его как зону пересечения (общую часть) аспектуальной семантики Аориста и Перфекта. Думается, однако, что перфективность присутствует как фоновая часть семантики перфекта (как и аориста) всегда, но в обязательном порядке проявляется как кульминация (= достижение предела) только в случае предельности (в смысле соотнесенности с пределом) глагольного предиката. При этом дифференциальным признаком Перфекта и Аориста является именно (не сводимая к имmediатности) «текущая релевантность», характерная для первого члена противопоставления и нехарактерная для второго.

Остальные актуальные для перфекта как универсального понятия характеристики – семантический спектр, дискурсивные ограничения на темпоральную спецификацию ситуации и обозначение цепочки событий в нарративе – представляют для испанского Перфекта проблемы, поскольку соответствующая граммема ИЯ демонстри-

³⁴ Ср.: «...возможно, плодотворным является подход, при котором «оппозиция» между перфектом и простым прошедшим представляет собой вторжение одного паттерна на территорию другого даже в тех языках, где эти две конструкции ведут, на первый взгляд, достаточно стабильное сосуществование. Примечательно, что семантика перфекта всегда была одной из самых спорных проблем теории времени и вида» [Даль 2009: 222].

рут большие или меньшие отклонения от зафиксированных в литературе перфектных «канонов».

Основная часть работы была посвящена довольно широко распространенному в современной литературе объяснению нарушения исп. Перфектом указанных дискурсивных ограничений как следствия (и свидетельства) движения Перфекта по пути грамматикализации, обозначенного как «аористический дрейф». Об убедительности аргументов, приведенных сторонниками теории «аористического дрейфа» для отражения и объяснения специфики исп. Перфекта, предоставим судить читателю. Заметим, однако, что подход к семантике перфекта, этой особой аспектуальной граммемы, «перекидывающей», по выражению Лоры Микаэлис, «мост над пропастью между прошедшим и настоящим» [Michaelis 1998: 10]³⁵, через прагматическое понятие «текущей релевантности» также обладает объяснительной силой.

Как представляется, именно субъективно оцениваемая говорящим «текущая релевантность» прошедшего события позволяет объяснить как разнородные случаи употребления (спектр семантических вариантов) перфектной формы в одном языке, так и различные решения по поводу употребления или неупотребления перфекта в разных «перфектных» языках (см. данные проведенного на материале пяти языков исследования [Кашкин 1983; 1991; 1996]). Приведем также мнение Д.В. Сичинавы, с которым хочется полностью солидаризироваться: «<...> “неустойчивость” (перфекта. – Е.Г.) объясняется спецификой [его] базового значения, связанного не с объективным вещественным значением (как результатив), не с объективной временной локализацией (как простое прошедшее), не с характеристиками ситуации (как аспектуальные показатели), а с предельно субъективной, определяемой условиями речевого акта прагматической “релевантностью” выражаемой ситуации. <...> Кроме того, противопоставление между несколькими синонимичными формами в одной системе часто опирается на противопоставления неденотативного, прагматического или дискурсивного плана (ср. [Dahl 2004]) – а базовое значение перфекта само связано с прагматикой; соответственно, в отношения, близкие к синонимичным, он вступает скорее с другими элементами парадигмы – результативом и простым прошедшим» [Сичинава 2008: 744].

Впрочем, перечень лингвистов, отмечавших в своих работах субъективность, прагматичность выбора говорящим перфекта из ряда: претерит – перфект – результатив, довольно внушителен. В.Б. Кашкин, исследовавший употребление перфекта на пятиязычном корпусе параллельных текстов – английского, немецкого, французского, испанского, итальянского, пишет: «<...> практически любое действие в прошлом приводит к изменению положения вещей в настоящем. Объективные критерии выбора перфект / претерит вряд ли можно установить» [Кашкин 1991: 44]. На возможное единство денотата при различии сигнификаторов у перфекта и претерита указано в [Тураева 1979: 106]; отражение этими двумя граммемами различного понимания субъектом речи прошлого отмечается в [Dušková 1983: 123]. Как индикатор значимости изменения положения вещей для говорящего, а не его обусловленности внешними факторами, как элемент «языковой игры», где решающая роль – за субъектом речи: *Myself, nor Nature*, охарактеризован перфект в [Hintikka, Kulas 1983: 120–121]. Как чрезвычайно субъективная охарактеризована выражаемая перфектом «текущая релевантность» в [Harris 1982: 55]. В [McCoard 1978: 15] речь идет о подверженности выбора «перфект vs. претерит» фактору трудно предсказуемой концептуализации ситуации со стороны говорящего («*the speaker's conceptualization intervenes constantly*»). На постоянно, по-видимому,

³⁵ В [Кашкин 1991: 44] находим сходную формулировку: «перфект является особым глагольным временем, имеющим двойственный характер. Это как бы “мостик” между прошлым и настоящим, взгляд на прошедшее с точки зрения момента речи, последствий действия в настоящем временном плане. Двойственный характер перфекта отмечал еще Г. Пауль [Пауль 1960, 331–332]».

существующую для говорящего возможность осуществить свой выбор при оценке ситуации и ее кодировании указывается в [Svoboda 1976: 210]. Перфект рассматривается как «субъективная» форма в противовес «объективному» претериту в [Кашкин 1983; 1991]. Как частично пересекающиеся грамматические категории (*partially overlapping grammatical categories*) оцениваются англ. Перфект и Претерит в [Michaelis 1998: 112]. «Текущая релевантность» оценивается как субъективное понятие, подверженное различной интерпретации при переходе от языка к языку и даже от диалекта к диалекту в рамках одного языка в [Fleischman 1983: 200]. Пониженная степень фокализации события и повышенная – результата усматривается у исп. Перфекта при одновременном признании за говорящим права на выбор перфекта или аориста в [Westerholm 2010: 33].

Здесь уместно вспомнить и о данной Ю.С. Степановым характеристике (индоевропейского) перфекта с точки зрения его истории: «Одна из самых характерных особенностей индоевропейского перфекта заключается в его семантике, в той легкости, с которой она преобразуется в другие семантические категории, оставаясь в то же время во многих чертах тождественной самой себе» [Степанов 2004 (1981): 325] (разрядка моя. – Е.Г.). Думается, что «тождественность самой себе» этой семантической категории в немалой степени обеспечивается ее pragmatically oriented основой – текущей (для момента речи) релевантностью имевшей место в прошлом ситуации, оцениваемой и квалифицируемой в качестве таковой говорящим. Поэтому, отвечая на поставленный в заглавии статьи вопрос, хочется высказаться за первую из предложенных альтернатив: испанский Перфект – это все еще перфект, причем не внушающий серьезных опасений по поводу его перфектного статуса, поскольку он противопоставлен вполне стабильному Аористу.

И еще одно соображение. Предложенное обсуждение невыполнения исп. Перфектом обоих сформулированных для перфекта типологических дискурсивных ограничений подводит к следующему выводу: общий источник этих отклонений – сложившееся в типологии отношение к «стандартам перфектности», ориентированное в первую очередь на характеристики и особенности функционирования английского представителя «перфектного семейства»³⁶ – граммемы Present Perfect. Граммемы, которая, отметим, не способна вписаться в объяснение своей (перфектной) семантики посредством понятия «текущей релевантности» без введения дополнительного ограничения (см. статью [Klein 1992] и ее обсуждение выше). Таким образом, не лишена, по-видимому, смысла постановка вопроса о пересмотре целесообразности рассмотрения английского варианта перфекта как образцового его представителя, с которого «пишется» типологический «портрет» этого элемента универсального грамматического набора.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

3	3-е лицо	PRES	настоящее время
АЯ	английский язык	PRF	перфект
ИЯ	испанский язык	SG	единственное число
AOR	аорист	SP (в ИЯ)	аорист
CP	перфект	SP (в АЯ)	претерит
FUT	будущее время	SUBJ	субхунтив (= сослагательное
IMPRF	имперфект		наклонение испанского глагола)
PLQPRF	плюсквамперфект		

³⁶ Возможно, точнее будет говорить о северогерманском перфекте, имея в виду также (по крайней мере) шведский язык – благодаря Д. Вестерхольма (устное сообщение) за это уточнение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горбова 2011 – Е.В. Горбова. Грамматическая категория аспекта и контекст: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2011.
- Горбова (в печати) – Е.В. Горбова. Проблемы испанского перфекта. В печати.
- Даль 2009 – Э. Даль. Возникновение и сохранение языковой сложности. М., 2009.
- Кашкин 1983 – В.Б. Кашкин. Перфект как субъективное время // Вестник ЛГУ. 1983. Вып. 4. № 20.
- Кашкин 1991 – В.Б. Кашкин. Функциональная типология перфекта. Воронеж, 1991.
- Кашкин 1996 – В.Б. Кашкин. Континуально-дискретный принцип в универсальной функциональной грамматике: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1996.
- Ландер 2002 – Ю.А. Ландер. Перфект и обстоятельства конкретного времени // В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева (ред.). Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М., 2002.
- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Маслов 1983 – Ю.С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В.П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983.
- Маслов 2006 (1987) – Ю.С. Маслов. Перфектность // А.В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М., 2006. (1-е изд. – 1987).
- Миллер 1998 – Дж.Э. Миллер. Типология и варианты языка: английский перфект // М.Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М., 1998.
- Пауль 1960 – Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960.
- Плунгян 2011а – В.А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Плунгян 2011б – В.А. Плунгян. К типологии перфекта в языках мира. Доклад на конф. Греческого центра СПбГУ «Перфект на Балканах и вне Балкан» 25.04.2011. СПб., 2011.
- Сичинава 2008 – Д.В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // А.В. Бондарко, Г.И. Кустова, Р.И. Розина (ред.). Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.
- Степанов 2004 (1981) – Ю.С. Степанов. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 2004. (1-е изд. – 1981).
- Тураева 1979 – З.Я. Тураева. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 1979.
- Alarcos Llorach 1980 (1947) – E. Alarcos Llorach. Perfecto simple y compuesto en español // Revista de Filología Española. 1947. V. 36. (Reproducido en: Estudios de gramática funcional del español. Madrid: Gredos, 1980.)
- Barrera-Vidal 1972 – A. Barrera-Vidal. Parfait simple et parfait composé en castilian modern. München, 1972.
- Bello 1853 – A. Bello. Gramática de la lengua castellana destinada al uso de los americanos. Madrid, 1853.
- Bull 1960 – W.E. Bull. Time, tense and the verb. A study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish. Berkeley; Los Angeles, 1960.
- Bybee, Pagliuca 1987 – J. Bybee, W. Pagliuca. The evolution of future meaning // A. Giacalone Ramat, O. Carruba, G. Bernini (eds). Papers from the seventh International conference on historical linguistics. Amsterdam, 1987.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Cartagena 1999 – N. Cartagena. Los tiempos compuestos // I. Bosque, V. Demonte (eds). Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999.
- Cerny 1972 – J. Cerny. Tiempos pretéritos compuestos y la estructura del sistema verbal // Español actual. 1972. V. 22.
- Comrie 1976 – B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.
- Copple 2009a – M.T. Copple. Tracking the constraints on a grammaticalizing perfect(ive) // The 38th annual meeting of new ways of analyzing variation (NNAV) in Ottawa, Canada, October 22–25, 2009. Abstract. Ottawa, 2009. http://www.sociolinguistics.uottawa.ca/nwav38/abstracts/Copple%282009%29Tracking_the_constraints.pdf
- Copple 2009b – M.T. Copple. Los adverbios temporales y el pretérito perfecto gramaticalizado // Libro de resúmenes del VIII Congreso Internacional de Historia de la lengua Española. http://www.8cihlesantiago.org/files/u1/libro_resumenes.pdf

- Copple 2009c – *M.T. Copple*. A diachronic study of the Spanish perfect(ive): Tracking the constraints on a grammaticalizing construction. Ph. D. diss. New Mexico, 2009.
- Dahl 1985 – *Ö. Dahl*. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.
- Dahl 2000 – *Ö. Dahl* (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Dahl 2004 – *Ö. Dahl*. The growth and maintenance of linguistic complexity. Amsterdam, 2004.
- Dahl, Hedin 2000 – *Ö. Dahl, E. Hedin*. Current relevance and event reference // *Ö. Dahl* (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Dušková 1983 – *L. Dušková*. Has the English verb system the category of aspect? // *Philologica pragensia*. 1983. V. 1. № 3.
- Esgueva, Canterero 1981 – *E. Esgueva, M. Cantarero* (eds). El habla de la ciudad de Madrid: CSIC. Madrid, 1981.
- Fleischman 1983 – *S. Fleischman*. From pragmatics to grammar: diachronic reflections on complex pasts and futures in Romance // *Lingua*. 1983. V. 60.
- García de Diego 1914 – *V. García de Diego*. Elementos de gramática histórica castellana. Burgos, 1914.
- Gili Gaya 1993 (1943) – *S. Gili Gaya*. Curso superior de sintaxis española. Barcelona, 1993. (1e ed. México, 1943.)
- Givón 1982 – *T. Givón*. Tense-aspect-modality: the creole proto-type and beyond // *P. Hopper* (ed.). Tense-aspects: between semantics and pragmatics. Amsterdam, 1982.
- Gómez Torrego 1989 – *L. Gómez Torrego*. Perifrasis verbales. Madrid, 1989.
- Gramática 1999 – *I. Bosque, V. Demonte* (eds). Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999.
- Gutiérrez 2008a – *Á.C. Gutiérrez*. Los tiempos compuestos del español: formación, interpretación y sintaxis // *Á.C. Gutiérrez* (ed.). Tiempos compuestos y formas verbales complejas // Lingüística Iberoamericana. 2008. V. 34.
- Gutiérrez 2008b – *Á.C. Gutiérrez* (ed.). Tiempos compuestos y formas verbales complejas // Lingüística Iberoamericana. 2008. V. 34.
- Harris 1982 – *M. Harris*. The ‘past simple’ and the ‘present perfect’ in Romance // *N. Vincent, M. Harris* (eds). Studies in the Romance verb. London; Canberra, 1982.
- Havu 1986 – *J. Havu*. Perfecto simple y perfecto compuesto, ¿oposición o libre variación? // Actes du 9e congrès des romanistes scandinaves. Helsinki, 1986.
- Hermida Ruiz 2002 – *R.A. Hermida*. Uso de los verbos en español. Richmond, 2002.
<http://www.richmond.edu/~ahermida/verbos1.htm>
- Hernández Alonso 1990 (1984) – *C. Hernández Alonso*. Gramática funcional del español. Madrid, 1990.
- Hintikka, Kulas 1983 – *J. Hintikka, J. Kulas*. The game of language. Studies in game-theoretical semantics and its applications. Dordrecht, 1983.
- Holmes, Balukas 2011 – *B.C. Holmes, C. Balukas*. Yesterday, all my troubles have seemed (PP) so far away: Variation in pre-hodiernal perfective expression in Peninsular Spanish // *J. Michnowicz, R. Dodsworth* (eds). Selected proceedings of the 5th Workshop on Spanish sociolinguistics. Somerville, 2011. <http://www.lingref.com/cpp/wss/5/paper2508.pdf>
- Hopper 1991 – *P.J. Hopper*. On some principles of grammaticalization // *E.C. Traugott, B. Heine* (eds). Approaches to grammaticalization. Amsterdam, 1991.
- Howe, Schwenter 2008 – *Ch. Howe, S.A. Schwenter*. Variable constrains on past reference in dialects in Spanish // *M. Westmoreland, J.A. Thomas* (eds.). Selected proceedings of the 4th Workshop of Spanish sociolinguistics. Somerville, 2008. <http://www.lingref.com/cpp/wss/4/paper1760.pdf>
- Li, Thomson, Thomson 1982 – *C. Li, S. Thomson, R.M. Thomson*. The discourse motivation for the perfect aspect: The Mandarin particle *le* // *R. Hopper* (ed.). Tense – aspect: Between semantics and pragmatics. Amsterdam, 1982.
- Kempas 2008 – *I. Kempas*. El pretérito perfecto compuesto y los contextos prehodiernales // *Á.C. Gutiérrez* (ed.). Tiempos compuestos y formas verbales complejas // Lingüística Iberoamericana. 2008. V. 34.
- Klein 1992 – *W. Klein*. The present perfect puzzle // *Language*. 1992. V. 68. № 3.
- Kuttert 1982 – *R. Kuttert*. Syntaktische und semantische Differenzierung der spanischen Tempusformen der Vergangenheit Perfecto Simple, Perfecto Compuesto und Imperfecto. Frankfurt am Main, 1982.
- Lehmann 1982 – *Ch. Lehmann*. Thoughts on grammaticalization: A programmatic sketch. Cologne, 1982.
- Lindstedt 2000 – *J. Lindstedt*. The perfect – aspectual, temporal and evidential // *Ö. Dahl* (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Lorenzo 1966 – *M. Lorenzo*. Nuevo planteamiento del estudio del verbo español // *E. Lorenzo* (ed.). El español de hoy, lengua en ebullición. Madrid, 1966.

- Marcos Martín 1992 – *F. Marcos Martín* (dir.). Corpus oral peninsular: Corpus de referencia de la lengua española contemporánea – COREC. 1992. <http://www.lllf.uam.es/~fmarcos/informes/corpus/corpulee.htm>
- McCawley 1971 – *J.D. McCawley*. Tense and time reference in English // Ch. Fillmore, T. Langendoen (eds). Studies in linguistic semantics. New York, 1971.
- McCoard 1978 – *R.W. McCoard*. The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences. Amsterdam, 1978.
- Meyer-Lübke 1890–1906 – *W. Meyer-Lübke*. Grammaire des langues romanes. T. 3: Syntaxe. Paris, 1890–1906.
- Michaelis 1998 – *L.A. Michaelis*. Aspectual grammar and past-time reference. London; New York, 1998.
- Nueva gramática 2009 – Nueva gramática de la lengua española. Madrid, 2009.
- Otalora Otálora 1970 – *G. Otálora Otálora*. El perfecto simple y compuesto en el actual español peninsular // Español actual. 1970. V. 16.
- Padilla de Vicente 1903 – *S. Padilla de Vicente*. Gramática histórica de la lengua castellana. Madrid, 1903.
- RAE 1973 – Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973.
- Reichenbach 1947 – *H. Reichenbach*. Elements of symbolic logic. New York, 1947.
- Rojo, Veiga 1999 – *G. Rojo, A. Veiga*. El tiempo verbal. Los tiempos simples // I. Bosque, V. Demonte (eds). Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999.
- Sankoff, Tagliamonte, Smith 2005 – *D. Sankoff, S. Tagliamonte, E. Smith*. Goldvarb X. Computer program. Toronto, 2005. http://individual.utoronto.ca/tagliamonte/Goldvarb/GV_index.htm.
- Schwenter 1994 – *S.A. Schwenter*. The grammaticalization of an Anterior in progress: Evidence from a Peninsular dialect // Studies in language. 1994. V. 18.
- Schwenter, Torres Cacoullos 2008 – *S.A. Schwenter, R.T. Cacoullos*. Defaults and indeterminacy in temporal grammaticalization: The ‘perfect’ road to perfective // Language variation and change. 2008. V. 20. № 1.
- Seco 1975 (1930) – *R. Seco*. Manual de gramática española. Madrid, 1975. (1^a ed. en 1930.)
- Squartini, Bertinetto 2000 – *M. Squartini, P.M. Bertinetto*. The simple and compound past in Romance languages // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Svoboda 1976 – *A. Svoboda*. Apropos of internal pragmatics // Brno Studies in English. 1976. V. 12.
- Torres Cacoullos 2011 – *R. Torres Cacoullos*. Variation and grammaticalization // H. Narrog, B. Heine (eds). The Oxford handbook of grammaticalization. Oxford, 2011. http://www.personal.psu.edu/rct11/Resources/Publications/Torres-Cacoullos.Variation%20and_grammaticalization.pdf
- Westerholm 2010 – *D. Westerholm*. Funciones del pasado en los sistemas verbales del español y del ruso. Göteborg, 2010.

ИСТОЧНИКИ

- Гоголь 1834 – *Н.В. Гоголь*. Записки сумасшедшего // Интернет-библиотека Алексея Комарова. <http://ilibrary.ru/text/14/p.1/index.html>
- Gógl 2009 – *N. Gógl*. Diario de un loco. 2009.
- Frank 2010 – *A. Frank*. Diario. Trad. realizada directamente del original neerlandés en 1993. Barcelona, 2010. <http://infovirtual.bc.uc.edu.ve/Libros/diario.pdf>
- Франк 2010 – *A. Франк*. Убежище. Дневник в письмах / Пер. с нидерландского С. Белокриницкой и М. Новиковой. М., 2010.
- Fielding 1996a – *H. Fielding*. El diario de Bridget Jones. 1996. <http://leerlibrosonline.net/el-diario-de-bridget-jones-helen-fielding>
- Fielding 1996b – *H. Fielding*. Bridget Jones's Diary. 1996. <http://abc-english-grammar.com/1/books11.htm>
- Fielding 2005 – *H. Fielding*. El diario de Bridget Jones. Trad. de Néstor Busquéis. Barcelona, 2005.
- Miquel, Sans 2007 – *L. Miquel, N. Sans*. Lola Lago, detective. Por amor al arte. Barcelona, 2007.

Сведения об авторе:

Елена Викторовна Горбова
СПбГУ
elena-gorbova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 30.10.2012.

© 2013 г. Д.А. РОМАНОВ

О СУДЬБЕ ПРОИЗВОДНЫХ ФРАНЦУЗСКОГО КОРНЯ *FLANC*- В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлена функциональная история одного из иноязычных корней, заимствованных русским языком в XVIII в. Французский корень *flanc*- дал начало развитию в русском языке словообразовательных гнезд *фланг-* и *фланк-*. На материале динамики их лексикографических фиксаций, изменения характера словоупотребления статья показывает закономерности семантического развития членов названных словообразовательных гнезд на фоне общих языковых процессов в области лексики более чем за 200-летний период. Декорреляция разнооформленных заимствований, мозаичность структуры их словообразовательных гнезд с точки зрения актуальности для носителей языка, спорадическое оживление архаизированных значений благодаря языковым контактам и билингвизму делают судьбу корня *flanc*- показательной для русского языка. Подобная судьба далеко не единична.

Ключевые слова: заимствование, специальная лексика, языки-посредники, фонетико-графические варианты, словообразовательное гнездо, дериваты, продуктивность, частотность, лексикографическая фиксация, семантика, архаизация, актуальность

The article presents the functional history of one of the foreign-language roots borrowed by Russian in the XVIII century. The French root *flanc*- gave rise to a group of words derived from *фланг-* and *фланк-* in Russian. Using the material of the dictionaries and the changes in word usage some regular properties of the semantic development is shown for this derivational group against the background of the general language processes in the field of lexicon for a more than 200-year period. The history of the borrowed root *flanc*- in Russian is marked by discrepancies between differently formed loan-words, heterogeneity of their derivational sources from the point of view of relevance for native speakers, and a sporadic revival of the archaized meanings in the context of language contacts and bilingualism. The similar destiny is far from being single.

Keywords: loan-word, special lexicon, intermediate languages, phono-graphic variants, family of words, derivatives, productivity, usage rate, lexicographic fixing, semantics, archaizing features, relevance

Французский корень *flanc*- пришел в русский язык через посредство других европейских языков (немецкого, голландского и польского) в начале XVIII в. Н.А. Смирнов в своей известной работе «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху» отмечал, что в формах женского рода *фланка* и *флянка* этот корень зафиксирован с 1704 г. (очевидно, как заимствование из польского языка), а в формах мужского рода *фланк* и *флянк* (как немецкое или голландское заимствование) – с 1716 г. («Устав воинский» Петра I) [Смирнов 1910: 309].

Корень принадлежит к тематической группе армейской военной лексики, которая в Петровскую эпоху пополнялась иноязычными словами очень интенсивно, уступая в этом процессе, по наблюдениям Н.А. Смирнова, только административной и военно-морской лексике. По подсчетам лексикографов, армейская лексика заимствовала в Петровское время около 450 слов, от которых было образовано свыше 160 дериватов [Биржакова и др. 1972: 172]. Масштабная реорганизация армии, предпринятая Петром I, не могла не отразиться в лексическом составе языка. Словарь военного дела интенсивно пополнялся за счет заимствований. «Это были названия военных соединений и родов

войск, военных укреплений, разных видов орудий, названия лиц по должности, званию, принадлежности к определенным видам и родам войск, наименования военных действий и состояний, предметов обмундирования и т.п.» [История лексики 1981: 62–63].

Французский корень *flanc-* и его производные имеют интересную функциональную судьбу в русском языке. Эта судьба показательна для определенной группы фонетически модифицированных заимствований. Эволюция словообразовательных гнезд с двумя русифицированными вариантами корня *flanc-* (*фланг-* и *фланк-*) отражает все важнейшие формальные (фонетические, морфологические, деривационные) и семантические изменения, которые претерпевали в русском языке заимствования XVIII в.

На примере производных корня *flanc-* отчетливо видна амбивалентность языковых связей заимствований, определяющая их нелинейные судьбы в принимающем языке. С одной стороны, перед нами типичное для слов специальной лексики семантическое расхождение словообразовательных ветвей этимологически одного корня в заимствующем языке и их параллельное существование и развитие. С другой стороны, эти разные ветви обретают такой статус лишь на последнем этапе освоения русским языком (спустя более полутора веков), а до того воспринимаются как родственные между собой и генетически связанные с родным (французским) языком, причем во всем этимологически первичном своеобразии. «Для большинства слов, заимствованных в ту (или непосредственно предшествующую) эпоху, живые связи между значениями, восходящие к языку-источнику, достаточно отчетливо осознавались современниками заимствования (что в значительной мере объясняется распространением дву- и многоязычия в русском обществе того времени)» [Биржакова и др. 1972: 265].

Укажем узловые аспекты судьбы подобных слов в русском языке.

Во-первых, следует отметить, что заимствованиям научно-технического, военного и подобного характера (типа *flanc-*) характерно то, что они приходят в язык сразу в составе нескольких слов, то есть заимствуется не только вершина гнезда, а одновременно и вершина, и несколько ее производных, что весьма специфично для языковой ситуации Петровской эпохи. Затем к заимствованным однокоренным словам добавляется еще ряд производных, образованных уже внутри принимающего языка с помощью русских или переводных словообразовательных формантов по продуктивным в русском языке деривационным моделям.

Во-вторых, корень при заимствовании получает два разных фонетико-графических варианта и в русском языке дает формально разные словообразовательные производные, которые воспринимаются первоначально как семантически связанные (а иногда и дублетные), но все более расходящиеся по мере усвоения их русским языком. Фонетические различия одного и того же корня связаны с возможным в Петровское время одновременным множественным его заимствованием: как из языка-источника, так и через посредство нескольких разных языков. Известно, что в первой четверти XVIII в. существенно изменилась роль языков-посредников. «Рядом с прежними языками-посредниками (в первую очередь польским. – Д.Р.) появляются новые – голландский (для ряда французских и немецких слов), английский и шведский (для ряда французских слов), датский, немецкий» [История лексики 1981: 62]. Как отмечает Н.А. Мещерский, «военная лексика заимствуется главным образом из немецкого, частично из французского языков» [Мещерский 1981: 147]. Медленный характер семантического обособления объясняется тем, что «живая связь с языком-источником, которая активно поддерживалась билингвами в течение всего XVIII в., могла на более или менее длительный срок задержать уединение и даже изоляцию подобных значений. С другой стороны, такой изоляции могло препятствовать хоть и ограниченное (временем, функциональной сферой, социально-групповыми рамками и т. п.), но живое употребление в русском языке таких значений иноязычного слова, которые связывали между собой его другие, уже прочно вошедшие в широкий языковой обиход значения» [Биржакова и др. 1972: 265].

В-третьих, русскоязычные словообразовательные гнезда с подобным корнем изначально носят специальный, то есть узкий по сфере распространения характер. Основное развитие гнезда происходит в послепетровскую эпоху (в 1740–1790-е гг. и даже позд-

нее), когда военная и морская лексика пополняется уже незначительно и в основном за счет слов сугубо специальных. Обозначая явления из быстро развивающейся сферы человеческой деятельности, члены подобных словообразовательных гнезд склонны к скорому устареванию в основных значениях, развитию вторичных значений как специального, так и общеупотребительного характера. В современном русском языке подобные параллельные словообразовательные гнезда выглядят мозаичными структурами, включающими, с одной стороны, актуальные и высокочастотные компоненты, с другой – явные историзмы. При этом деривационная связь гнезд и их этимологическое родство носителями современного русского языка не ощущаются.

Остановимся подробнее на выделенных выше особенностях функционирования в русском языке производных французского корня *flanc*-.

Сам по себе французский корень известен с XI в. (текст «Песни о Роланде», 1080 г.) и имеет франкское происхождение; его праформа *hlanka обозначает ‘бедро’ [Dauzat et al. 1963: 308; Picoche 1983: 297]. По мнению М.Р. Фасмера (со ссылкой на Е. Гальмишего и Ф. Клюге), французский корень восходит к др.-в.-нем. *hlanka*, что означает ‘бедро, ляжка’, а сам французский корень обозначает ‘пах, утроба, бок’ [Фасмер 1996: 198].

В значениях ‘бок, боковая сторона чего-либо’, ‘боковая поверхность, откос, склон’, ‘чрево, утроба’ этот корень активно функционировал во французском языке. Развив новые дополнительные значения, он перешел в том числе в специальную (военную) сферу использования (по данным Ж. Пикоше, в начале XVI в.), где стал обозначать боковые стороны воинского соединения, строя, шеренги, а также боковые пристройки укреплений, бастионов и крепостей, предназначенные для артиллерийского огня, перпендикулярного линии фронта (т. е. для дополнительной защиты укреплений). Слово *flanc* с уже разветвленной во французском языке полисемией было заимствовано другими европейскими языками, в частности немецким и голландским, откуда в Петровскую эпоху (возможно, через посредство польского *flanka*, как отмечает Фасмер) пришло в русский язык в качестве принадлежности воинского дискурса.

В голландском и польском языках корень *flank*- до сих пор сохраняет только пространственное (‘боковая сторона’) или военное (‘крыло воинского построения’) значения. Этим они ближе русскому языку, чем немецкий, так как в последнем у корня *flank*- значение ‘бок (животного)’ является основным. Кроме того, в польском языке встречаются две родовые формы существительного *flanka* (ж. р.) и реже – *flank* (м. р.) [Słownik 1980: 222], т. е. польский язык пытался преодолеть несоответствие женского рода этого слова во французском источнике, а также в немецком и голландском языках мужскому роду существительных, оканчивающихся на твердый согласный, в славянских языках. То же наблюдалось в русском языке первой четверти XVIII в. Характер ограничения семантической сферы и первоначальная вариативность грамматического оформления существительных свидетельствуют о несомненном приоритетном влиянии голландского и польского языков на усвоение французского корня *flanc*- русским языком.

Русский язык начала XVIII в. получил данный корень в нескольких фонетических и графических вариантах: *фланг*-, *фланк*-, *флянк*-. В условиях обильного заимствования из разных европейских языков большинство парных по глухости / звонкости звуков русского языка в иноязычных словах свободно варьировались. Наиболее часто в такие отношения вступали зубные и заднеязычные согласные: [с] – [з], [т] – [д], [г] – [к] – [х]. Среди факторов, приводивших к этому, можно отметить следующие: слова с этимологически единым корнем могли приходить в русский язык одновременно из разных европейских языков, где они отличались фонетическим и графическим оформлением; транскрипционные и транслитерирующие механизмы заимствования одного и того же слова нередко давали отличающиеся результаты; уже на русской почве могли происходить разного рода корректировки внешнего облика слов под влиянием отождествления с другими иноязычными или русскими словами, а также под влиянием фонетических и графических традиций русского языка. Фонетико-графическая вариативность консонантного исхода корня на заднеязычный отмечалась в начале XVIII в. во многих словах

(как с финальным сочетанием «сонорный + заднеязычный», так и в случаях одиночного заднеязычного, стоящего после гласного): *ранг – ранк, берг – берк-, флаг – флак – флах, галстуг – галстук – галстух*. Аналогично варьировались зубные: *вокзал – воксал, борд – борт, бронза – бронса, газ – гас, картуз – кардуз – картус*.

Слова *фланк, фланг, фланка, флянка* приобрели в русском языке те же значения, что и в европейских языках-источниках: 1. Левая или правая оконечность шеренги, строя, фронта, расположения войск. *По флянкам постановил кавалерию* (Архив князя Ф.А. Куракина. 1709 г. Цит. по [Черных 1999: 316]). 2. Боковая сторона военного укрепления. *Из орелиона и высокой фланки сице канонеровать надлежит* (Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте... барона фон Кугорна. Перевод с голл. М. Шафирова. 1709 г. (Цит. по: [Биржакова и др. 1972: 120]).

В первом значении слово *фланг* функционирует в русском языке до сих пор, причем оно перешагнуло узкопрофессиональную военную сферу, развив общеязыковое значение ‘левая и правая сторона колонны, шеренги в обстановке боя, охоты, спортивной игры и т. п.’ [БТС: 1425]. Кроме того, у военного и невоенного значения этого слова появились оттенки, относящиеся к другим сферам человеческой жизни. Так, один из оттенков характерен для шахматной игры: ‘в шахматной игре: сторона доски, к которой примыкает король или ферзь белых фигур в начале партии’ (*королевский фланг, ферзевый фланг*) [МАС: 369].

Несмотря на то что корень *фланг-* активно употреблялся в русском языке с начала XVIII в., о чем свидетельствуют многие военные документы Петровской эпохи (большая часть из них приведена в уже упомянутой работе Н.А. Смирнова), слово *фланг* не было зафиксировано словарями и лексиконами XVIII в. Хотя оно и записано в «Аналогических таблицах» к первому Словарю Академии Российской (1789–1794 гг.), тем не менее в числе около 200 западноевропеизмов слово *фланг* не было включено в словарь его составителями вполне сознательно, чтобы, как писала Е.Р. Дацкова, ‘избегая всех слов иностранных, заменять оные российскими старинными или вновь по правилам произведения слов сделанными’; об этом см. [История лексики 1981: 173–174].

Первое словарное воспроизведение корня в варианте *фланг-* осуществлено в третьей части «Нового словотолкователя...» Н. Яновского, где по устойчиво принятому в этом издании подходу приводятся все фонетические варианты одной и той же лексемы, в данном случае – *фланг* и *фланк* с единым толкованием значения ‘оконечность строя, фронта и проч.’ [Яновский 1806: 313]. Как единственная форма представления этой семантики *фланг* фиксируется во всех словарях начиная с «Общего церковно-славяно-российского словаря...» П.С. Соколова («Реч. воен. Бок, сторона» [Соколов 1834: 1631]) и Академического «Словаря церковно-славянского и русского языка» («Воен. Бок, сторона, крыло у войска» [САР 1847: 389]).

С течением времени французский корень *flanc-* в варианте *фланг-* отпочковывает в русском языке ряд производных: от существительного *фланг* образуются прилагательные *фланговый* (с вариативным ударением – *фланговый, фланговъи* и возможной формой *фланговъи*), *левофланговый, правофланговый*, а с конца XIX в. и субстантивы от этих прилагательных, обозначающие человека в строю, шеренге (в XX в., например, в спортивных или пионерских построениях и т. п.).

Простые прилагательные впервые лексикографируются ближе к середине XIX в. – *флánговый* [Соколов 1834] и *флангóвый* в [САР 1847]. Но существуют эти прилагательные в языке со значительно более раннего времени: «В первые десятилетия XVIII в. в связи с активным образованием терминологической военной и морской лексики разряд прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*, образованных от основ существительных этих тематических групп, пополняется особенно интенсивно» [Мальцева и др. 1975: 168]. С 1710-х гг. до конца первой трети XIX в. формы *фланговый* и *фланковый* воспринимались как абсолютные семантические дублеты и свободно чередовались в одних и тех же текстах. Несмотря на то что прилагательные *фланговый* и *фланковый* носили специальный (военный) характер, их дублетность не противоречила законам развития русской лексики периода бурного приумножения терминологического словаря всех наук

и сфер человеческой деятельности. Весь XVIII в. характеризовался «огромной фонетико-морфологической варианностью в кругу терминов. Особую варианность давали заимствованные слова. Форма их варьировалась в зависимости от различия языковой среды, через которую они приходили в русский язык, от различных систем передачи их в русском языке, от степени русификации, которой они подверглись в течение первой трети века» [Кутина 1964: 204].

Сложные прилагательные зафиксированы лишь в 30-х гг. XX в.: *правофланговый* [Ушаков, 3: 697], *левофланговый* [Слов. Акад. 1934: 43]. Они, очевидно, возникли в военной среде не ранее середины XIX в., когда дальнейшее развитие «русской терминологической системы с неизбежностью привело к интенсификации различных типов словосложения» и когда сложные слова стали получать вполне «определенное место в лексической системе литературного языка», преимущественно «научно- и техническо-терминологической» [Сорокин 1965: 297–298].

В итоге незначительной семантической эволюции у данных прилагательных в русском языке сложились следующие значения:

фланговый – 1. Относящийся к флангу, находящийся на фланге, производимый с фланга, во фланг. 2. В знач. сущ. Крайний с фланга в шеренге [МАС: 569];

левофланговый – 1. Расположенный, находящийся на левом фланге. 2. В знач. сущ. Тот, кто находится на левом фланге и замыкает ряд, шеренгу и т. п. [БАС III, 9: 82];

правофланговый – 1. Находящийся, расположенный на правом фланге (здесь необходимо добавить оттенок ‘возглавляющий движение, шеренгу, ряд’ – Д. Р.). 2. Перен. Такой, на которого надо равняться в чем-либо; передовой. 3. В знач. сущ. Тот, на кого нужно равняться [БАС III, 19: 453].

В современном русском языке гнездо слов с корнем *фланг-* является вполне самостоятельным. Его можно охарактеризовать как непродуктивное, но широкое по сфере использования и распространения: по данным «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова, гнездо с вершиной *фланг* включает в настоящее время четыре компонента (*фланг*, *фланговый*, *левофланговый*, *правофланговый*) [Тихонов 1990: 311]; толковые словари не дают никаких локализующих помет к значениям этих слов (см. приведенные выше статьи из [БАС III; МАС]). Эти слова актуальны для носителей современного русского языка и активно употребляются в разговорной и книжной речи. В XVIII–XIX вв. гнездо было несколько шире. Сюда, например, входил ныне устаревший глагол *фланговать* [История лексики 1981: 63] со значением ‘атаковать с флангов’.

Другой русский вариант французского корня *фланк-* долгое время (с начала XVIII в. и до середины XIX в.) функционирует двояко: с одной стороны, в подавляющем большинстве употреблений как абсолютный дублет *фланг-*, с другой – очень редко (в узко специальных контекстах) с самостоятельным значением.

Первая словарная фиксация корня *фланк-* осуществлена в «Лексиконе российском и французском...» 1762 г., где слово *фланки* (мн. ч.) определено так же, как *фланги*. В «Новом словотолкователе...» Н. Яновского 1806 г. отмечена дублетность (*фланг* или *фланк*). Как уже указывалось, в первом издании «Словаря Академии Российской» французский корень *flanc-* не был отражен ни в одном из фонетических вариантов как явно иноязычный. В «Словаре Академии Российской...» слову *фланк* впервые посвящена статья, снабженная как лингвистическими пометами, так и иллюстрациями: «*Фланк. Реч. военн. Бок, сторона. Фланк батальона, эскадрона. Напасть на неприятеля с фланку*» [САР 1822: 1114]. Форма *фланг* в этом словаре отсутствует.

В словаре Ушакова впервые зафиксированы два разных слова *фланг* и *фланк*. Оба маркированы как специальные (военные), но для лексемы *фланк* приведено вполне самостоятельное значение. Это значение узкоспециальное, военно-инженерное: *фланк* – «небольшой прямолинейный участок крепостной ограды или полевого укрепления, назначенный для обстрела подступов к соседним укреплениям» [Ушаков, 4: 1090]. В несколько скорректированном виде это значение вошло затем в [БАС I]: ‘боковая сторо-

на полевого или крепостного укрепления с прочными убежищами, предназначенное для прикрытия его с боков и для продольного обстрела подступов к соседним укреплениям' [Там же: 1430].

Первые редкие употребления слова *фланк* в таком значении относятся к Петровской эпохе. По данным Национального корпуса русского языка [НКРЯ], это значение присутствует в выписках А.С. Пушкина из документов 1710-х гг., сделанных для «Истории Петра». Вот два примера: *Для мортир прибавлены новые катели; два фланка были бомбами разорены; из семидесяти пушек оставалась одна; ...повелел Головкину письменно перед мостом сделать горнверк с фланками, а по сю сторону бруствер.* Это значение неоднократно воспроизводится А.И. Богдановым в его «Описании Санкт-Петербурга» (1751 г.) при рассказе об устройстве крепостных укреплений российской столицы (поиск в НКРЯ дает в этом трактате шесть вхождений на формы слова *фланк*, и все они с военно-инженерным значением).

Из языков-посредников фортификационное значение корень *flanc-* имел только в польском языке; оно не было характерно для немецкого и голландского языков (см., например, [Die Etymologie 1963: 171]). Значит, первоначальное его усвоение русским языком шло под влиянием польского ‘*ramię pągożnika twierdzy; pągożna wieża twierdzy*’ (‘выступ сбоку крепости; угловая башня крепости’), которое сохраняется в польском языке до настоящего времени [Słownik 1978: 595].

Приход этого значения в русский язык связан, безусловно, с развитием в России военной инженерии (и в частности, фортификации), а также науки, изучающей ее историю и практику. По данным «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефона, где дана подробная объяснительная статья [Брокгауз, Ефрон: 114–115], *фланк* являлся частью бастионной системы укреплений, пришедшей на смену раннесредневековой фортификации в конце XV в. Во второй половине XVII в. бастионная система достигла наивысшего развития благодаря деятельности французского военного инженера С. Л. П. де Вобана (1633–1707), перестроившего более 300 крепостей. Именно в это время передовые стороны бастиона стали называть *фасами*, а две боковые стороны, перпендикулярные (или почти перпендикулярные) линии фронта, – *фланками*. К началу XX в. бастионная система устарела, и еще до Первой мировой войны почти все сохранившиеся в Европе бастионные укрепления были срыты.

Фортификационное значение корня *flanc-* изначально было узкоспециальным. В русском языке оно закрепилось за вариантом *фланк* и окончательно отпочковалось от *фланг* как самостоятельное по форме и содержанию не ранее середины XIX в. (рождение самостоятельного слова произошло, несомненно, в книгах по военной истории). Лексикографическую фиксацию, как уже говорилось, оно получило только в XX в. в «Толковом словаре...» под ред. Д.Н. Ушакова.

Во второй половине XVIII в. русским языком заимствуется еще одно производное французского корня *flanc-*, сохраняющее тот же фонетико-графический облик *фланк-*, существительное *фланкёр*: из нем. *Flankeur* (от франц. *flanqueur*). Это слово впервые зафиксировано словарем П.С. Соколова: «*Фланкёр. Фр. реч. тактич. Боковой. Говорится о солдатах, посылаемых во время похода по обе стороны дороги для открытия неприятеля*» [Соколов 1834: 1632]. Однако, по наблюдениям Е.Э. Биржаковой, Л.А. Войновой и Л.Л. Кутиной, слово начало употребляться с конца 1760-х гг.: одно из первых использований – военные рекомендации П.А. Румянцева 1769 г. Существительное изначально имело весьма широкую семантику, иллюстрируя одну из особенностей использования иноязычной лексики на первых порах ее вхождения в русский язык – «нечеткость, неопределенность, расплывчатость объема заимствуемого значения». «Если во французском языке слово *flanqueur* имело ясно очерченное военное значение: боковой охраняющий (в колонне, войске), то в первые десятилетия существования слова *фланкёр* на русской почве (с 60-х годов XVIII в.) оно могло обозначать и боковое, и передовое охранение войска, могло употребляться не только для обозначения защиты, охраны колонны от неожиданного нападения врага, но и для обозначения разведки, посыпаемой вперед и в стороны в целях обнаружения неприятеля» [Биржакова и др. 1972: 257].

Следует отметить, что некую двойственность семантики ('боковой' и 'головной'; 'охранник' и 'дозорный, разведчик') это слово сохраняло на протяжении всего XIX в. Так оно представлено и в [БАС I]: *фланкёр* – 'дозорный в составе бокового или головного охранения в кавалерии конца XVIII–XIX вв.' [Там же: 1431]. В.И. Даль приводил в definicции дополнительные подробности: «*Фланкёр* – конный воин...; фланкёры высылаются россыпью по флангам (бокам) отряда для охраны его от внезапного нападения; они же начинают конное дело, как застрелщики пешие, съезжаясь, ристая один на один» [Даль: 1144].

Очевидно, параллельно со словом *фланкёр* в русском языке развивается глагол *фланкировать*. Особенно интенсивно это происходит в первой половине XIX в.: слово было популярно в военной среде как характеристика геройства, храбрости, бесстрашия гусарской кавалерии (в стихотворении «Гусарский пир» (1804 г.) Д. Давыдов писал, обращаясь к сослуживцу: *Будь, гусар, век пьян и сыт! // Понтируй, как понтируешь, // Фланкируй, как фланкируешь, // В мирных днях не унывай // И в боях качай-валяй!*). Ю.С. Сорокин отмечал стабильную продуктивность суффикса *-иовать* с самого начала XIX в.: «Процесс усвоения иноязычных заимствований был связан с необычайно значительным расширением круга глаголов с суффиксом *-иовать*... на протяжении всего XIX в. не встречается образований с этим суффиксом от чисто русских основ» [Сорокин 1965: 296].

Немецкий по происхождению суффикс стал универсальным средством русского оформления иноязычных глагольных основ, приобретя характер типизированного, традиционного средства деривации еще во второй половине XVIII в.; см. об этом [Биржакова и др. 1972: 181–182].

«Как известно, в русском глагольном словообразовании соотносятся и часто выступают как варианты образования глаголы с суффиксом *-овать* (круг которых в XVII–XVIII вв. расширялся за счет заимствованных слов; ср. польск. суфф. *-ować*) и *-иовать* (*-изировать*; ср. немецкий по происхождению суфф. *-ieren* (*-isieren*)). Если XVIII в. еще предпочитал образования первого типа, то в XIX в. в кругу заимствованных глаголов явно преобладают глаголы типа второго» [Сорокин 1965: 297].

Трудно сказать, был ли глагол заимствован из французского (*flanquer*), немецкого (*flankiren*) языков или образован уже на русской почве. «Грань между русским словообразовательным дериватом и самостоятельным заимствованием в том случае, когда непроизводная заимствованная основа осложнена суффиксами иноязычного происхождения (*-ист*, *-изм*, *-иовать*, *-онный* и т. п.), далеко не всегда ясна: в XVIII в. происходит вычленение и активизация ряда таких суффиксов как собственных русских словообразовательных морфем» [Биржакова и др. 1972: 96].

Первое зафиксированное употребление глагола *фланкировать* относится к 1796 г. [Там же: 400], а первая лексикографическая фиксация отстает на столетие: глагол отнесен в «Объяснительном словаре иностранных слов» А.Д. Михельсона только в 1898 г. (у Даля глагол упоминается в словарной статье *фланкёр*, но самостоятельно не объясняется).

Глагол *фланкировать* первоначально характеризовался в русском языке тремя значениями: 1. Прикрывать артиллерийским огнем подступы со стороны противника к обороняемой позиции [МАС: 570] (это значение связано с семантикой существительного *фланк*). 2. Вести огонь вдоль линии фронта, во фланг наступающего или обороняющегося противника [БАС I: 1431] с оттенком – 'прикрывать с флангов отступающую или наступающую армию силами конных отрядов' (это значение связано с семантикой существительного *фланг*). 3. Выполнять боевые приемы пикой, сидя на коне [Там же: 1432] (это значение связано с семантикой существительного *фланкёр*).

Все три значения изначально принадлежали сфере специальной военной лексики. С течением времени у глагола развилось дополнительное значение, тоже специальное, но в иной области – архитектурной и градостроительной: 'быть, находиться, располагаться по бокам чего-либо' [Там же: 1431]; 'обрамлять с двух сторон архитектурное сооружение или какую-либо его деталь' (*фланкировать парадный вход в здание* ста-

туями, улицу фланкируют переулки, обелиски фланкируют портик храма). Это значение развилось как переносное от военной семантики под влиянием одного из значений французского *flanquer*: первоначально архитектурное *фланкировать* применялось только по отношению к крепостным сооружениям и имело значение ‘защищать с боков, с двух сторон’ (*башни фланкируют въездные ворота, выступающие вперед башни фланкируют башню ворот*). Французский язык не утратил этого значения глагола *flanquer* и во второй половине XX в.; см. [Robert 1978: 791].

Первоначально и в течение всего XIX в. глагол *фланкировать* имел ударение на последнем слоге – *фланкировать*; в начале XX в. акцентное выделение переместилось регressive – *фланкировать*. Впервые такой акцентный вариант зафиксирован в словаре Ушакова и позднее во всех академических словарях.

На протяжении XVIII–XIX вв. французский корень *flanc-* в варианте *фланк-* обогатился в русском языке многочисленными производными: *фланковый, фланкёрский, фланкёрство, фланкироваться, фланкировка, фланкирование*. Приведем их значения:

Фланковый – ‘относящийся к фланку; производимый с фланка’ (*фланковый огонь, фланковая оборона*) [БАС I: 1432].

Фланкёрский – «прил. к фланкёр; относящийся к фланкёру, состоящий из фланкёров» (*фланкёрская цепь*) [Там же: 1432].

Фланкёрство – «искусство фланкировки» [Даль: 1144].

Фланкироваться – «страд. к фланкировать; прикрываться огнем с флангов» [БАС I: 1432].

Фланкировка – «то же, что фланкирование» [Там же: 1432].

Фланкирование (у Даля – *фланкированье*) – 1. Действие по глаг. *фланкировать*. 2. Боевые приемы пикой, выполняемые кавалеристами в рукопашном бою [Там же: 1431].

Самым ранним по возникновению в русском языке является прилагательное *фланковый*, которое относится к новообразованиям еще XVIII в., возникшим сразу после заимствования корня в Петровскую эпоху. По данным И.М. Мальцевой, А.И. Молоткова и З.М. Петровой, первое употребление зафиксировано в книге «Побеждающая крепость» барона Э.-Ф. фон Боргсдорфа (1708 г.). Прилагательное включено в словарь лексических новообразований русского языка XVIII в. [Мальцева и др. 1975: 340].

Самым поздним является, безусловно, существительное *фланкирование* (*фланкированье*), возникшее не ранее середины XIX в. По наблюдениям Ю.С. Сорокина, в середине и второй половине XIX в. значительно увеличилось число отглагольных производных с суффиксом *-ние*. «Расширение прав публицистического элемента в различных литературных стилях, возможность свободного общения, взаимодействия и взаимопроникновения языковых средств, различных по своей стилистической характеристике и по происхождению, раздвинуло и здесь границы возможных новообразований. Поэтому многочисленны, например, для этого времени образования существительных на *-ние* от заимствованных глаголов с суффиксом *-ирова*» [Сорокин 1965: 210].

Прочие производные возникли в промежутке около 150 лет – с 1710-х до 1860-х гг. Художественные тексты XIX в. фиксируют их в изобилии.

Вполне понятно, что специальные значения в таких стремительно развивающихся сферах, как военная, начинают быстро архаизироваться: интенсивное совершенствование вооружений и военной инженерии приводит к появлению новых именований и устареванию старых. Слова *фланк, фланкёр, фланковый, фланкёрский, фланкёрство* стали выглядеть архаическими в русском языке уже к началу XX в. Для боевых действий XX столетия русский язык использовал лишь одно значение глагола *фланкировать* (‘вести огонь с флангов’), глагол *фланкироваться* с той же, только возвратной семантикой, а также существительные *фланкирование* и *фланкировка* в том же, но отвлеченном значении. Эти слова зафиксированы Национальным корпусом во многочисленных боевых документах Великой Отечественной войны, а также в произведениях К.М. Симонова и В.П. Некрасова.

За непродолжительный период актуальности в русском языке и другие производные корня *flanc-* в варианте *фланк-* успели войти в ряд литературных произведений и стать

показательными для батальных сцен и характеристики русской армии XIX в. Наиболее примечательно их использование Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским. Они встречаются также в произведениях А.И. Герцена, М.Н. Загоскина, Ф.В. Булгарина, М.И. Богдановича (как правило, в функции воссоздания военного колорита). Наиболее характерные примеры использования слов с корнем *фланк-* можно извлечь из НКРЯ по запросам *фланкёр* и *фланкёрский*.

Использование прилагательного *фланкёрский* у Ф.М. Достоевского не отражено Национальным корпусом, так как слово присутствовало лишь в журнальном варианте «Рассказов бывалого человека» (1848 г.) и не попало в текст, подготовленный писателем для собрания сочинений. Однако в примечаниях к академическому изданию Достоевского первоначальный отрывок помещен:

Уж потом как пообтерпишься – всё равно. А сначала и долго не привыкнешь. Стоишь иной раз в строю, так пули просто уши задевают – жужжат. Только головой мотаешь, по споровке. Наклонишься в одну сторону, как нарочно тотчас же под самым ухом провизжит, проклятая. Я уж потом всё держал голову прямо, чтоб от греха подальше: неравно еще сам смерть зацепишь, когда она еще не напрашивалась. А вот доложу, сударь, нет лучше фланкёрской обязанности: тот вертится, на месте не постоит, нацелить в него трудно!

– *А в атаке легче?*

– *Ну, там, вестимо, полегче... [Достоевский 1988: 553].*

Как показывает многочисленный иллюстративный материал, вторая половина XIX в. стала периодом наибольшей интенсивности развития и продуктивности французского корня *flanc-* в русском языке: именно в это время произошла окончательная семантическая дифференциация двух гнезд (*фланг-*, *фланк-*) и число их дериватов, актуальных для носителей языка и регулярно используемых, стало максимальным.

Развитие производных данного корня от начала XVIII до конца XIX в. подтверждает идею о том, что «ассимилирующие возможности лексической системы XVIII в. – разобщенной, замкнутой в своих стилистических социально-профессиональных делениях, имеющей лишь узкий круг контактных сфер, значительно ниже, чем соответствующие возможности литературного словаря XIX в. Проблема языковой избыточности, возникающая при массовом вхождении иноязычных слов..., не могла быть разрешена в ней полностью в плане дифференциации словарных единиц: отсюда характерные для XVIII в. лексические смены – выпадения слов из “перенасыщенного” словаря. Этим же объясняется и замедленность процесса дифференциации, длительность его протекания. XVIII век зачастую лишь подготовлял те перемены, результаты которых в полной мере обнаружились в последующее время» [Биржакова и др. 1972: 333].

Итог эволюции двух фонетико-графических вариантов единого иноязычного корня, заимствованного в специальную (военную) сферу лексики русского языка, показывает, что движущими силами развития лексики в терминологических системах являются терминологическая специализация и семантическое размежевание слов (или групп слов), представлявших синонимический (или даже дублетный) ряд в момент прихода своего в специальную сферу.

Аналогичную судьбу имеют в русском языке и другие заимствованные корни: *machin-* (машина, машина), *storm-* (штурм, штурм), *kris-* (кризис, криз), *standard-* (штандарт, стандарт), *romanz-* (романс, роман), *hyacinth-* (иакинф ‘драгоценный камень; темно-синяя шелковая ткань’, гиацинт), *registr-* (реестр, регистр), *bas-* (базис, база).

В течение всего XX в. и до настоящего времени слово *фланг* и его производные продолжают функционировать достаточно широко. Слово *фланк* и его дериваты фиксируются в словарях как устаревшие и низкочастотные. Однако последний вариант французского корня *flanc-* в русском языке спорадически дает живые отростки. В частности, в последнем, третьем издании БСЭ [БСЭ: 488–489] приведена статья «фланкирование зубчатых колес». Новое (техническое) значение корня *фланк-* зафиксировано также в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина, где у существительного *фланк*

помимо устаревшего военного значения приведено также актуальное техническое значение – «срез вершин зубьев при изготовлении зубчатых колес, предназначенных для работы на высоких скоростях» [Крысин 2008: 832].

У глагола *фланкировать* на рубеже ХХ–ХХI вв. сформировалось и активизировалось еще одно специальное значение из области микробиологии (вирусологии) и генетики – ‘блокировать с двух сторон’: *фланкировать участки гена, фланкировали ПЦР-продукт, фланкировать С-конец верхушечного тетрапептида* (НКРЯ приводит около десяти подобных примеров из журнала «Вопросы вирусологии» за 2002–2004 гг.).

Возникновение в конце ХХ в. ландшафтного дизайна как особого направления человеческой деятельности периода урбанизации и глобализации привело к возрождению одного из старых значений глагола *фланкировать* – архитектурного (здесь не исключено и вторичное французское влияние). НКРЯ дает такие журнальные контексты последних 15 лет: *фланкировать вход в офис клумбами, садовую дорожку фланкируют туи, этот участок лучше фланкировать подстриженными кустами* и т. п.

Архитектурно-ландшафтное значение, актуализированное для глагола *фланкировать*, стало в начале ХХI в. характерно и существительному *фланкирование: фланкирование зоны мощения вертикальными колоннами; дорожку лучше скрыть, применив фланкирование посадками* [НКРЯ].

НКРЯ приводит также один из современных контекстов использования слова *фланкёр* в значении ‘действующее лицо компьютерной игры, применяющее огнестрельное оружие’ [Компьютерные игры (форум) (2005)].

Несомненно, что возрождение в России конца ХХ – начала ХХI в. интереса к иностранным языкам и появление в среде россиян билингвизма (а нередко и трилингвизма) способствует повторной активизации в русском языке деривационных и семантических потенций отдельных еще недавно низкочастотных иноязычных корней, как это происходит с корневым вариантом *фланк-*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- БАС I – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 16. М.; Л., 1965.
- БАС III – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–19. М.; СПб., 2004–2011–.
- Биржакова и др. 1972 – Е.Э. Биржакова, Л.А. Войнова, Л.Л. Кутина. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Брокгауз, Ефрон – Энциклопедический словарь / Издатели Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. LXXXVI. СПб., 1902.
- БСЭ – Большая советская энциклопедия. 3-е изд. / Гл. ред. А.М. Прохоров. Т. 27. М., 1977.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2003.
- Даль – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4. М., 1994. (Репринт издания 1903–1909.)
- Достоевский 1988 – Ф.М. Достоевский. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 2. Л., 1988.
- История лексики 1981 – История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века / Отв. ред. Ф.П. Филин. М., 1981.
- Крысин 2008 – Л.П. Крысин Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
- Кутина 1964 – Л.Л. Кутина. Формирование языка русской науки. М.; Л., 1964.
- Мальцева и др. 1975 – И.М. Мальцева, А.И. Молотков, З.М. Петрова. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л., 1975.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. 4-е изд. Т. 4. М., 1999.
- Мещерский 1981 – Н.А. Мещерский. История русского литературного языка. Л., 1981.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>
- САР 1822 – Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. В 6 ч. Ч. VI. СПб., 1822.
- САР 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. В 4 т. Т. IV. СПб., 1847.
- Слов. Акад. 1934 – Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук. Выпуск «Л». М., 1934.

- Смирнов 1910 – *Н.А. Смирнов*. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху //Сборник ОРЯС. Т. LXXXVIII. № 2. СПб., 1910.
- Соколов 1834 – *П.С. Соколов*. Общий церковно-славяно-российский словарь. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1834.
- Сорокин 1965 – *Ю.С. Сорокин*. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. М.; Л., 1965.
- Тихонов 1990 – *А.Н. Тихонов*. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1990.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939; Т. 4. М., 1940.
- Фасмер 1996 – *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М., 1996.
- Черных 1999 – *П.Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 2. М., 1999.
- Яновский 1806 – *Н. Яновский*. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. В 3 ч. Ч. 3. СПб., 1806.
- Dauzat et al. 1963 – *A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand*. Nouveau dictionnaire étymologique. Paris, 1963.
- Die Etymologie 1963 – Die Etymologie der deutschen Sprache. Zürich, 1963.
- Picoche 1983 – *J. Picoche*. Dictionnaire étymologique du française. Paris, 1983.
- Robert 1978 – *P. Robert*. Dictionnaire de la langue française. Paris, 1978.
- Słownik 1978 – Słownik języka polkiego / Red. M. Szymczak. T. 1. Warszawa, 1978.
- Słownik 1980 – Słownik wyrazów obcych / Red. J. Tokarski. Warszawa, 1980.

Сведения об авторе:

Дмитрий Анатольевич Романов

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
kafrus@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 26.12.2012.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Lev Jakubinskij, une linguistique de la parole (URSS, années 1920–1930) / Textes édités et présentés par I. Ivanova, traductions d'I. Ivanova et P. Sériot. Limoges: Lambert-Lucas, 2012. 334 p.; I. Tylkowski. Vološinov en contexte. Essai d'épistémologie historique. Limoges: Lambert-Lucas, 2012. 380 p.

Коллектив исследователей университета Лозанны (Швейцария), возглавляемый профессором Патриком Серио, уже давно известен публикациями, посвященными советской лингвистике, особенно лингвистике 20–30-х гг. XX в. Эти публикации одновременно выполняют две задачи: знакомят западного читателя с недостаточно там известной советской наукой и исследуют в историческом контексте идеи и методы ученых, часто забытых и недооцененных и на своей родине. Две недавно изданные книги, подготовленные работающими сейчас в Швейцарии исследователями из России, продолжают уже сложившуюся полезную традицию.

Книга, подготовленная И.С. Ивановой, в прошлом работавшей в Санкт-Петербурге, посвящена жизни и деятельности Льва Петровича Якубинского (1892–1945) и включает в себя переиздание в оригинале и перевод на французский язык его трех работ. Л.П. Якубинский занимал видное место среди тех советских лингвистов, которые стремились по-новому подойти к своему предмету и построить «новую науку» на марксистской основе. Однако он имел немного публикаций, а после смерти надолго был забыт. Лишь в 1980-е гг. А.А. Леонтьев переиздал ряд его сочинений [Якубинский 1986]. Но и после этого о нем и у нас, и за рубежом вспоминали нечасто, хотя в последнее время интерес к нему появился в связи с известной книгой В.Н. Волошинова (в какой-то степени ученика Якубинского) «Марксизм и философия языка».

В состав издания входят предисловие (с. 13–37), содержащее биографию ученого и краткую оценку его идей и взглядов, основная часть (с. 41–281), где печатается каждый из

трех текстов, и приложения, в которые в том числе входят библиография трудов Л.П. Якубинского (с. 285–289) и краткие биографии упоминаемых им авторов (с. 291–297). Тексты публикуются в оригинале с параллельным переводом на французский язык и снабжаются предисловием и комментарием.

Из работ Л.П. Якубинского отобраны всего три. Это самая известная его статья 1923 г. «О диалогической речи» (единственная его работа, в отрывках уже переведившаяся на английский и французский языки, однако полностью она переведена на какой-либо язык впервые), статья 1931 г. «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» и появившаяся годом позже статья «Против “даниловщины”». Эти статьи И.С. Иванова рассматривает как наиболее представительные среди наследия ученого, с чем можно согласиться. В предисловии кратко говорится и о других его публикациях, в том числе и о ранних статьях эпохи ОПО-ЯЗа. За пределами интересов И.С. Ивановой остается самая большая по объему публикация Л.П. Якубинского – посмертная книга [Якубинский 1953], она упомянута лишь в одной фразе в предисловии. Однако такое решение оправдано: эта книга сейчас не представляется интересной, особенно по сравнению с предшествующими работами того же автора. Пожалуй, больше внимания стоило бы уделить другой его посмертной публикации [Якубинский 1947], в которой Л.П. Якубинский по меркам тех лет достаточно критически отнесся к построениям Н.Я. Марра; она вызвала жесткую критику Ф.П. Филина во время последнего наступления марристов в 1948–1949 гг. (см. [Алпатов 1991: 139, 148]).

Итак, в центре внимания И.С. Ивановой оказываются два периода деятельности Л.П. Якубинского, в совокупности охватывающие время с начала 1920-х до начала 1930-х гг. Первый из них представлен работой о диалогической речи, второй – двумя другими статьями. К 1923 г. у Л.П. Якубинского мы еще не находим ни политических ярлыков, ни призывов строить марксистское языкознание, он пока находился в рамках «чистой науки». Но уже здесь видны проявления «духа времени»: молодой автор резко критически оценивает всю современную ему науку о языке, преимущественно младограмматическую, указывая на отсутствие в ней интереса ко многим важнейшим проблемам, все из которых, так или иначе, касаются функционирования языка. О затронутых в статье проблемах постоянно говорится, что существующая наука их игнорировала, что соответствующих исследований почти нет, что данный вопрос в науке «не всплывал» и т. д. (с. 56–58, 60, 70). Своими предшественниками в изучении функционирования языка Л.П. Якубинский мог считать лишь Аристотеля и В. фон Гумбольдта, идеи которого не получили развития в последующее столетие. Все надо было начинать почти с нуля, используя психологический и социологический подход.

В критическом отношении к постулатам младограмматизма в то время Л.П. Якубинский был далеко не одинок, однако пути выхода из кризиса предлагались разные. Одним из них был марризм, влияния которого еще нет в данной статье, но который окажет на Л.П. Якубинского влияние позднее. Другим выходом, в итоге оказавшимся в мире наиболее влиятельным, стали идеи Ф. де Соссюра, на основе которых сложилась структурная лингвистика. Этот путь позволил преодолеть ряд недостатков младограмматического подхода, но привел к еще более последовательному сосредоточению на изучении устройства языка, а вопросы его функционирования, отнесенные Соссюром к второстепенному и неопределенному понятию речи, по-прежнему игнорировались, чего не мог принять Л.П. Якубинский.

И.С. Иванова уделяет большое внимание выявлению истоков идей статьи Л.П. Якубинского «О диалогической речи» и объектов полемики, включая скрытые. Показано, что Л.П. Якубинский многое воспринял от своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ, у которого уже присутствовало ключевое для его ученика понятие деятельности. Отмечено и влияние некоторых идей А.А. Шахматова, а также активное использование в статье подходов и методов крупных психологов и физиологов: У. Джемса, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова. Среди объектов полемики особо выделена формальная школа,

в рамках которой Л.П. Якубинский несколькими годами раньше начинал научную деятельность, но с которой он теперь разошелся в понимании поэтической речи. Отмечен скрытый диалог с формалистами в ряде мест статьи (с. 21). Особая проблема – взаимоотношения Л.П. Якубинского и В.Н. Волошинова. Книгу последнего, как известно, часто приписывают М.М. Бахтину, что сразу переводит проблему на задний план, поскольку Бахтин, в отличие от Волошинова, не был лично связан с Якубинским, а имя его в бесспорных сочинениях Бахтина встречается лишь в черновиках начала 50-х годов. Но и сторонники авторства В.Н. Волошинова обычно исходят лишь из влияния на него М.М. Бахтина. Между тем, как подчеркивает И.С. Иванова (с. 15, 17 и др.), влияние Л.П. Якубинского заметно во многих местах книги «Марксизм и философия языка», особенно в связи с ключевой для нее проблемой диалога. Более того, идеи данной статьи видны и в разработанной М.М. Бахтиным уже в 50-е гг. концепции речевых жанров. Все это, впрочем, иногда отмечали и ранее, в том числе автор данной рецензии [Алпатов 2005: 46–50, 315, 318].

В целом, как указывает И.С. Иванова, в новаторской статье Л.П. Якубинского «О диалогической речи» впервые в мировой науке были обозначены контуры двух новых областей: функциональной лингвистики и лингвистики речи. Здесь же впервые (хотя и в иных терминах) были сформулированы существенные для современной науки понятия функционального стиля и речевого жанра (с. 17). В 20-е гг., оказавшиеся не ко времени, идеи ученого были вновь открыты наукой второй половины XX в.

По-иному выглядят две другие публикации Л.П. Якубинского, отражавшие советский мейнстрим в лингвистике начала 30-х годов (с. 35). Их автор во многом изменил ориентиры по сравнению со статьей о диалогической речи, которую в статье «Против “даниловщины”» самокритично отнес к «идеалистической лингвистике» (с. 234). В 1923 г. он пытался совместить психологизм с социологизмом, но теперь мы видим чистый социологизм. Постоянно говорится о марксистской лингвистике. В двух указанных статьях, правда, нет прямого влияния марризма, а Н.Я. Марр не упоминается, но в других работах Л.П. Якубинского тех же лет это влияние есть. И в духе времени множество политических ярлыков.

Жанр статьи «Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики» можно назвать памфлетом. И.С. Иванова отмечает интенсификацию полемики с Ф. де Соссюром в советской науке тех лет (с. 177). Однако в ряду высказываний об этом ученом позиция

Л.П. Якубинского выделялась: ср. неоднозначные его оценки у Р.О. Шор или вводную статью Д.Н. Введенского к русскому изданию его «Курса», где при всей критике Ф. де Соссюра наследие последнего полностью не зачеркивается. Статья же Л.П. Якубинского завершается фразой: «Учение Соссюра является методологически неприемлемым и политически реакционным» (с. 210). И.С. Иванова отмечает на с. 176–177, что А.А. Леонтьев при переиздании статьи исказил ее текст, убрав эту фразу, явно из соображений «политкорректности». Она связывает это с особенностями «начала горбачевской эры». Однако, хотя издание вышло в свет в 1986 г., оно, безусловно, готовилось к печати двумя или тремя годами раньше, а подобная «политкорректность» более всего была характерна для позднесоветского времени.

Такую оценку (кроме всего прочего, не вытекающую из статьи, поскольку в ней речь идет не об «учении Соссюра» в целом, а лишь об одном из его положений) сейчас, разумеется, нельзя принять, как и многие используемые в ней демагогические приемы. Но проблема, поднятая в статье, серьезна, и нельзя сказать, что по сути дела Л.П. Якубинский неправ. Он спорит лишь с одним положением швейцарского ученого: «Не только индивид был бы неспособен, если бы он захотел, модифицировать в чем бы то ни было выбор, который был сделан, но сама масса не может проявить свою верховную власть ни над одним словом; она привязана к языку такому, каков он есть» (с. 184)¹. Из этого положения, безусловно, следует невозможность всякого сознательного вмешательства в жизнь языка, следовательно, и бессмыслица языкового строительства, которое в разных формах в то время активно велось в СССР. В данном пункте Ф. де Соссюр скорее следовал младограмматикам, с которыми по другим вопросам расходился, а идеи возможности и необходимости сознательного вмешательства в языковые процессы задолго до 1931 г. высказывал И.А. Бодуэн де Куртенэ: «Язык не есть ни замкнутый в себе организм, ни неприкосновенный идеал, он представляет собой орудие и деятельность. И человек не только имеет право, но это его социальный долг – улучшать свои орудия в соответствии с целью их применения и даже заменить уже существующие орудия другими, лучшими» [Бо-

дуэн 1963: 140]. Здесь Л.П. Якубинский, как и Е.Д. Поливанов, с самого начала воспринял идеи своего учителя, которые затем совпали с господствовавшими в СССР представлениями. Тезис Ф. де Соссюра опровергается в статье целым рядом аргументов, среди которых есть априорные и прямо демагогические, однако есть и важные указания на вполне реальные примеры сознательности в отношении языка: формирование литературных языков, особенно чешского, подражание деревенских жителей языку горожан и пр. А опыт языкового строительства в СССР, как к нему ни относиться, нельзя назвать безуспешным.

И.С. Иванова в то же время пишет, что Л.П. Якубинский (как и В.Н. Волошинов) вообще не понял Ф. де Соссюра, поскольку они понимали под «языком» не то же самое. Исходя из трактовки П. Серио, она считает, что Ф. де Соссюр понимал язык эпистемологически, как конструкт, создаваемый лингвистом, а оба его критика понимали его онтологически, как реально существующий объект (с. 179). Конечно, проблема возможности или невозможности сознательного вмешательства в язык может стоять лишь при онтологическом его понимании. Однако в другом месте сама И.С. Иванова выдвигает несколько иную (на мой взгляд, более точную) трактовку: если подход Л.П. Якубинского – чисто онтологический, то у Ф. де Соссюра имеются колебания между двумя пониманиями языка (с. 214). К этому можно добавить то, что онтологическая точка зрения выражена в «Курсе» прямо и недвусмысленно, но эпистемологическая точка зрения присутствует лишь косвенно (например, когда говорится, что в языке нет ничего, кроме различий), с ее прямым выражением лингвисты познакомились лишь много десятилетий спустя, после публикации соссюровских черновиков. Не только Л.П. Якубинский, но большинство его современников (кроме разве что глоссематиков) понимали язык в смысле Ф. де Соссюра лишь онтологически.

Третья из статей Л.П. Якубинского наименее известна. В отличие от двух других она не вошла в издание 1986 г., а на ее судьбе сказалось то, что она оказалась напечатана в погромном сборнике «Против буржуазной контрабанды в языкоznании», подготовленном группой ленинградских марристов во главе с Ф.П. Филиным. В качестве примера позволю себе привести собственную ее оценку: среди объектов разгрома там из видных советских лингвистов тех лет «нет лишь Л.П. Якубинского, который фигурирует в сборнике, к сожалению, в качестве автора» [Алпатов 1991: 101]. Статья, обличающая конкурента в борьбе за марксистскую лингвистику Г.К. Данилова, а попутно

¹ Цитата дается в том виде, в каком она представлена у Л.П. Якубинского, который, по-видимому, сам ее перевел («Курс» Ф. де Соссюра тогда еще не издавался по-русски). Перевод этого места в русских изданиях «Курса» [Соссюр 1977: 104] существенно не отличается от нее.

задевающая и Е.Д. Поливанова, действительно не отличается от других статей сборника по тону: «Методология Данилова антиленинская, антимарксистская» (с. 270); «“Даниловщина”... протаскивает в нашу научную и школьную практику буржуазную контрабанду» (с. 274) и т. п. Но, как справедливо считает И.С. Иванова, проблематика статьи вполне серьезна. В связи с ней она кратко излагает историю попыток создать марксистскую лингвистику в СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., подчеркивая, что «молодые энтузиасты» искренне стремились построить новую науку, не надевая какие-либо «маски» под влиянием страха репрессий или оппортунизма, как сейчас иногда считают на основе современных представлений (с. 219). Рассмотрены ключевые понятия марксистской лингвистики тех лет, в том числе понятие классовости языка.

Комментатор статьи отмечает справедливость ряда претензий Л.П. Якубинского к Г.К. Данилову, нередко подходившему к объекту слишком примитивно, в частности, пытаясь найти проявления классовости в грамматике и произношении, тогда как, согласно Л.П. Якубинскому, искать их следует в языковой практике, в использовании языка (с. 227). Однако в этой устрашающей по форме статье можно найти и постановку других проблем, иногда актуальных и в наши дни, что не отметила И.С. Иванова. Если обвинения Г.К. Данилова в «буржуазности» и «антимарксизме» сейчас можно не обсуждать, то серьезнее отмеченный Л.П. Якубинским его «грубейший эмпиризм» (с. 262). Г.К. Данилов записывал речь рабочих и других людей физического труда с пометами вроде «раменский ткач-партиец», «чернорабочий-колхозник», «швейцар-общественник», а далее на основе этих разрозненных записей делал обобщающие выводы о том, как говорят различные классы и социальные группы. Л.П. Якубинский, не сомневаясь в достоверности примеров, справедливо замечает: «Данилов не дает никакого критерия для того, чтобы отличить в “речевом поведении” отдельных пролетариев то, что действительно *специфично* для пролетариата как класса» (с. 264). В статье отмечено влияние на Г.К. Данилова подхода к материалу в книге А.М. Селищева «Язык революционной эпохи», к которой можно предъявлять сходные претензии, однако у А.М. Селищева это во многом компенсировалось значительным объемом выборки, а Г.К. Данилов обходился небольшим числом примеров. Отмечает Г.К. Данилов и неопределенность понятий у своего оппонента: «Какое содержание вкладывает Данилов в термин “рабочий”? ... Имеет ли он в виду “социальное положение” или “социальное происхождение”?» (с. 264).

Думаю, что те же претензии можно предъявить и ко многим современным работам по социолингвистике и не только по ней (см. [Беликов 1999]).

Статья «Против “даниловщины”» интересна и тем, что и в ней содержится критика Ф. де Соссюра, причем по самым общим вопросам, о чем мало сказано в комментариях: «С точки зрения этой школы (Соссюра. – В. А.), существуют две лингвистики: *диахроническая* (историческая) и *синхроническая*... Нечего и говорить, что эта теория «двух лингвистик» является методологически порочной, антимарксистской» (с. 250). Сам же Л.П. Якубинский считал: «нет никакой другой лингвистики, кроме исторической» (с. 250). Так, разумеется, в то время полагали и многие другие языковеды, но у Л.П. Якубинского видно последовательное неприятие концепции Ф. де Соссюра во всех ее пунктах, хотя не каждый из них им рассмотрен в публикациях. Вероятно, дело здесь было не только в несоответствии идей швейцарского ученого марксизму: можно согласиться с И.С. Ивановой в том, что ученый, последовательно подходивший к языку как к деятельности, не мог принять разграничение языка и речи (с. 19).

Перевод и комментарии выполнены на высоком научном уровне, в комментариях и приложениях много полезной информации. В некоторых случаях можно высказать замечания. Неверно, что марксизм пришел в Россию в 1894–1895 гг. вместе с работами Г.В. Плеханова и П. Лафарга (с. 219): первый том «Капитала» был издан по-русски еще в 1872 г., а в 1880-е гг. и в начале 1890-х гг. уже существовали марксистские кружки. Классовость языка в советском языкоznании если и была догмой до 1950 г., как это сказано на стр. 221, то лишь на уровне общих положений, в конкретных исследованиях после войны писали не о классовых, а о национальных языках. Нет оснований считать, что первоначально Е.Д. Поливанов принимал идеи Н.Я. Марра (с. 222): он положительно отзывался лишь о некоторых его конкретных работах, прежде всего, о лазской грамматике, но никогда не солидаризировался с яфетической теорией в каком-либо ее варианте. Нет оснований видеть и какую-либо связь между его выступлением против Н.Я. Марра в 1929 г. и арестом в 1937 г. и расстрелом в 1938 г. (с. 295): следственное дело Поливанова фиксирует лишь два других его «прегрешения»: связи с Японией и работу с Л.Д. Троцким. Коммунистическая академия была основана не в 1924 г. (с. 277), а в 1918 г. (в 1924 г. она лишь получила данное название). Вряд ли верно представлять Г.К. Данилова как «специалиста по африканским языкам» (с. 224), а Н.Я. Марра как «лингвиста сталинской эпохи» (с. 293):

Данилов по образованию и основным интересам был русистом, а африканскими языками увлекся уже в 30-е гг., а Марр основные идеи, включая «новое учение о языке», высказал до «сталинской эпохи». Ф.П. Филин был членом-корреспондентом АН СССР, но не академиком (с. 292). Подмосковный дачный поселок Быково назван «рабочим городом» (с. 280).

Но эти замечания не затрагивают основное содержание издания. Важно, что оно вводит где-то устаревшие, но в ряде случаев сохраняющие актуальность работы Л.П. Якубинского в мировой научный контекст, знакомят зарубежного читателя с идеями и методами этого интересного ученого.

Другая рецензируемая нами книга посвящена идеям и взглядам другого ленинградского ученого 20–30-х гг. – Валентина Николаевича Волошина (1895–1936). Ее автор – Ирина Тылковска (Агеева), известная как соавтор (вместе с П. Серио) нового французского перевода самой известной работы В.Н. Волошина, книги «Марксизм и философия языка», изданного в 2010 г. (в издание включены и некоторые другие его работы). В основу книги легла ее диссертация, защищенная в Лозанне в 2010 г.

На Западе В.Н. Волошинов известен гораздо больше, чем Л.П. Якубинский. Его труды переведены на много языков (на некоторые языки, как на французский, они переводились уже более одного раза). Однако, как указывает И. Тылковска (с. 13), идеи изданных под его именем работ часто модернизируются, во многом из-за того, что эти работы рассматриваются изолированно, вне научного контекста. Цель автора – исследовать их в контексте русской науки 1890–1920-х гг. (с. 11 и др.).

Как известно, работы, изданные в 1925–1930-х гг. под именем В.Н. Волошина, часто полностью или частично приписываются М.М. Бахтину, с которым Волошинов в те годы находился в тесном научном и человеческом контакте. И. Тылковска разбирает эту проблему (с. 17–21), отмечая, что документальных данных о чьем-либо авторстве нет, а попытки применить для его определения стилистические или статистические методы неубедительны. Однако в подобных случаях правомерно исходить из презумпции авторства того человека, под чьим именем выходили публикации, тем более что набор текстов, изданных под фамилией В.Н. Волошина, представляет собой комплекс исследований, объединенных при разбросе тематики единой теоретической концепцией. Влияние устных идей М.М. Бахтина на развитие этой концепции, если оно и было, то установить невозможно, а влиять на это раз-

витие могли и другие, например, М.И. Каган. В итоге И. Тылковска ставит задачу: исследовать все, что было издано под именем В.Н. Волошина (две книги и семь статей) как единый комплекс, не учитывая то, что в эти годы выходило под именами М.М. Бахтина и П.Н. Медведева (с. 29).

Такой подход представляется правомерным даже независимо от того, признаем ли мы или нет участие М.М. Бахтина в создании спорных текстов. Следует учитывать и то, что большинство проблем «волошиновского цикла», прежде всего, лингвистических и психологических, в остальных текстах «круга Бахтина» 20-х гг. не затрагивалось. Автор этой рецензии, признавая проблему авторства до конца неразрешимой, по сути, шел в главах 1–5 книги [Аллатов 2005] по этому же пути (исключая отдельные экскурсы и попутные замечания, касавшиеся М.М. Бахтина), правда, ограничивая себя лингвистической проблематикой. Лишь в шестой ее главе речь заходит о другой проблеме – лингвистическом содержании работ М.М. Бахтина 30–60-х гг.

И. Тылковска старается рассмотреть «волошиновский цикл» в контексте русских и советских гуманитарных наук с 1890-х гг. до 1930 г., года, когда В.Н. Волошинов перестал печататься. Она указывает, что сейчас уже влияние немецкой философии на работы В.Н. Волошина в целом изучено лучше, чем влияние на них русских авторов разных специальностей. Однако необходимо восстановление «русского интеллектуального контекста» (с. 29). Впрочем, обойтись только русскими авторами ей не удается: не раз ей оказывается необходимым привлекать и взгляды иностранных, прежде всего, как раз немецких ученых, начиная от К. Маркса и Ф. Энгельса и кончая К. Фосслером и особо подробно разбирами В. Дильтеем.

В связи с поставленной задачей основная часть книги (исключая введение, заключение и приложения) состоит из четырех глав, исследующих «интеллектуальный контекст» эпохи в связи с тематикой, затрагиваемой в тех или иных работах В.Н. Волошина. Первая глава посвящена вопросам марксизма, прежде всего, в связи с разными значениями в русской марксистской литературе постоянно употребляемого у В.Н. Волошина слова «идеология». Вторая, третья и четвертая главы посвящены генезису его соответственно лингвистических, психологических и социологических идей.

Хотя наиболее известная книга В.Н. Волошина называется «Марксизм и философия языка», вопрос об отношении ее автора (авторов?) к марксизму решается разными ее исследователями по-разному. И. Тылковска отмечает, что идея о принципиальном отрицании марксизма в книге под «маской» его принятия

более всего свойственна российским авторам начиная с 90-х гг., тогда как, например, во Франции марксистская направленность книги редко подвергается сомнению (с. 27). Представляется, что различия мнений во многом отражают общее отношение их авторов к марксизму. Франкоязычным странам свойственна мощная левая традиция, представители которой, если и отвергают советскую теорию и практику 30-х гг. и последующих лет, то не распространяют это негативное отношение на марксизм в целом. В России же нередко и на К. Маркса и на Ф. Энгельса возлагают ответственность за отрицательные явления советского времени. Отсюда и не разделяемые И. Тылковской идеи о многолетней «борьбе с тоталитаризмом» М.М. Бахтина (считаемого в таких случаях единственным автором «воловиновского цикла»). Впрочем, И. Тылковска считает, что по сравнению с 90-ми гг. в 2000-е гг. в России все больше признается интерес В.Н. Волошина и М.М. Бахтина к марксизму (с. 27). Пожалуй, особой динамики здесь нет, а позиции большинства исследователей с 90-х гг. не изменились. Например, среди работ, отрицающих антимарксизм книги «Марксизм и философия языка», упомянута книга [Аллатов 2005], но в ней итоговое выражение получили идеи, высказанные еще в не упомянутой у И. Тылковской статье [Аллатов 1995].

Автор рецензируемой книги исходит из того, что на В.Н. Волошина, безусловно, влияли очень популярные в России и СССР в 1890–1920-е гг. идеи марксизма. Это влияние, пожалуй, здесь исследовано подробнее, чем где-либо раньше. В заключении книги сказано, что из марксизма взяты многие компоненты концепции ученого: материализм, монизм, холизм, детерминизм (в том числе социальный), понятия целостности, связи, взаимодействия (с. 249–250). Хотя у В.Н. Волошина из теоретиков марксизма прямо присутствуют лишь Г.В. Плеханов и К. Каутский (а также А.М. Деборин), но исследовательница считает необходимым учитывать и взгляды В.И. Ленина, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, работы которых могли быть ему известны.

Особое вниманиеделено значению «везде присутствующего», по выражению И. Тылковской, у В.Н. Волошина слова *идеология*. Отмечено, что оно в марксистской литературе могло иметь разные значения. Исконное его значение у К. Маркса и Ф. Энгельса – «illusorное сознание» – не было, как отмечено в книге, преобладающим. В русской и советской традиции закрепилось иное значение, восходящее к Г.В. Плеханову, – см., например,

стандартное определение: «Система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу» [Келле 1972: 39], при этом подчеркивалась классность идеологии. В книге исследуются определения идеологии у Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.И. Бухарина, показано их сходство при некоторых различиях. Как показывает И. Тылковска, подход В.Н. Волошина в целом вписывается в эту традицию, хотя имеется разброс в употреблении этого слова, которое у него трудно все-таки назвать термином. В том числе «идеология» может у него выступать как синоним слова «культура» (с. 254).

И. Тылковска кратко упоминает, что слово «идеология» могли употреблять не только марксисты. Но стоило бы учесть его общую распространенность в те годы, в том числе и среди лингвистов, вовсе не обязательно стривших «марксистское языкознание». Вот один пример: «Речь идет не о психических процессах, но о явлениях идеологического порядка, а именно о знаках, образующих социальные значимости» [Jakobson 1929: 102].

Вторая, самая короткая глава посвящена лингвистическим идеям В.Н. Волошина. Здесь, пожалуй, «интеллектуальный контекст», особенно русский, выступает в наиболее суженном виде. Разбираются либо отношение автора «Марксизма и философии языка» к лингвистам, чьи взгляды там подробно исследуются (Ф. де Соссюр, К. Фосслер), либо его взаимоотношения с Л.П. Якубинским и языковедами, откликнувшимися на его книгу, прежде всего, с Р.О. Шор. Другие лингвисты не названы или лишь кратко упомянуты. Общей картины состояния советской науки о языке к моменту появления книги В.Н. Волошина из данного исследования не складывается.

Как и у И.С. Ивановой, рассмотрена критика Ф. де Соссюра у Л.П. Якубинского, указано ее сходство с критикой сассюровского «абстрактного объективизма» у В.Н. Волошина: оба исходили из социальной активности людей, не соглашаясь с тем, что «масса привязана к языку такому, каков он есть». И. Тылковска и здесь обнаруживает у В.Н. Волошина влияние марксизма: он отрицает отделение языка от речи, исходя из диалектического метода (с. 84–85).

Гораздо меньше сходились как в понимании марксистской лингвистики, так и в оценках Ф. де Соссюра В.Н. Волошинов и Р.О. Шор. По мнению И. Тылковской Р.О. Шор отрицала абстрактность подходов Соссюра, а объективизм считала необходимым (с. 87). Для Р.О. Шор в конце 20-х гг. Соссюр был ценен тем, что от-

верг понимание языка как индивидуального явления, тогда как В.Н. Волошинов социальным в речи считал все (с. 89).

Рассматривая неоднозначное отношение В.Н. Волошина к идеям К. Фосслера, И. Тылковска пытается найти нечто общее (разумеется, без прямой связи в ту или иную сторону) между взглядами К. Фосслера и русских марксистов: подчеркивание влияния экстравербальных факторов на развитие языка, признание человека как фактора истории, в том числе языковой. Разумеется, подобные сходства найти можно, но К. Фосслер, сам называвший свой подход «идеалистическим», вряд ли был близок к марксизму в главном, а В.Н. Волошинов вряд ли принимал ряд его идей именно в связи с марксизмом.

Однако примерно половина главы посвящена сопоставлению концепции В.Н. Волошина с идеями, высказанными в 1910–1920-е гг. Г.Г. Шпетом. Эта проблема впервые изучена столь детально. Рассмотрено содержащееся у Г.Г. Шпета понимание слова как знака, в итоге И. Тылковска приходит к выводу о том, что скорее именно Шпета, а не автора «Марксизма и философии языка» (как полагал Р. Якобсон) следует считать предшественником современной семиотики (с. 115). В книге также рассмотрена роль Г.Г. Шпета в лингвистической жизни Москвы 1920-х гг., в том числе его влияние на Р.О. Шор, а в приложении публикуются протоколы заседаний Государственной академии художественных наук (ГАХН), где Г.Г. Шпет был вице-президентом и где его идеи были очень влиятельны, и письма Р. Якобсона Г. Шпету. Эта часть книги сама по себе интересна, но все же выпадает из ее общей структуры: между лингвофилософскими концепциями Г.Г. Шпета и В.Н. Волошина (упоминавшего Г.Г. Шпета лишь в отрицательном контексте) трудно оказывается найти что-то существенно общее, и столь большое внимание именно к Г.Г. Шпету, исходя из концепции книги, не обосновано.

Следующая глава посвящена психологии. Она составила тему первой из двух книг В.Н. Волошина «Фрейдизм» и рассматривается в третьей главе первой части «Марксизма и философии языка». «Фрейдизм» привлекает меньшее внимание исследователей, чем другая его книга, а его идеи не всегда излагаются точно. Скажем, М.Н. Эпштейн в энциклопедической статье отнес «В.Н. Волошина (М.М. Бахтина)» к числу тех, кто «использовал положения психоанализа в борьбе против формалистической и вульгарно-социологической методологии» [Эпштейн 1975: 188], хотя Волошинов приходил к выводу о

том, что применять эти положения ни в каком виде нельзя.

И. Тылковска рассматривает место фрейдизма и психоанализа в СССР в 1920-е гг., период апогея его популярности в стране, отчасти связанного с его поддержкой Л.Д. Троцким, увлекшимся этим учением еще в годы эмигрантской жизни в Вене. Как указывает автор книги, психоанализ в те годы в СССР имел преимущественно социально-культурную ориентацию, тогда как его сексуальная сторона отходила на второй план (с. 118). Среди его сторонников были многие видные ученые, в том числе А.Р. Лурия и Л.С. Выготский в начале своей деятельности (впоследствии они отошли от психоанализа, а Выготский его активно критиковал). Это учение пытались связывать с учением И.П. Павлова о рефлексах, а также с марксизмом; противников фрейдизма больше было среди философов, чем среди психологов.

В этом контексте рассмотрена и книга В.Н. Волошина. Подчеркнуты его материалистический подход и критика З. Фрейда за игнорирование социального характера речи. Книга в 1927 г. открыла дискуссию о фрейдизме, результатом которой было официальное осуждение этого учения, во многом связанное (независимо от В.Н. Волошина) с экстрапланетными причинами.

В психологической части «Марксизма и философии языка» отмечено влияние Э. Касирера, однако если тот был идеалистом, то В.Н. Волошинов стоял на материалистических позициях. Он отвергал попытки подчинить идеологию психологии и искал синтез психологии и антипсихологии. В книге подробно рассмотрено отношение В.Н. Волошина к идеям В. Дильтея, которые он в итоге не принял за их психологизм, изучено влияние на него идей русских психологов и физиологов: И.М. Сеченова, И.П. Павлова, В.М. Бехтерева, а также более всего на него повлиявшего К.Н. Корнилова, также пытавшегося построить марксистскую психологию, основанную на социологии.

Последняя глава книги, посвященная социологическим идеям В.Н. Волошина, пожалуй, наименее убедительна. Большую ее часть занимает краткое изложение истории социологии в России: эта наука здесь сложилась поздно, лишь к концу XIX в., а после революции надолго оказалась как бы «лишней наукой», поскольку ее проблематика покрывалась историческим материализмом. За короткий период развития немарксистской социологии она выдвинула двух видных ученых – Е.В. де Роберти и П.А. Сорокина, большая часть деятельности которого проходила уже в эмиграции (изложению их взглядов посвящена значительная

часть главы). Но, как отмечает сама И. Тылковская, нет никаких данных о знакомстве В.Н. Волошинова с их работами. Отмечаемая же перекличка некоторых идей может объясняться и обращением к сходным проблемам. Данная часть книги еще в большей степени, чем раздел о Г.Г. Шпете, выглядит выходящей за рамки ее тематики.

Более существен проводимый в той же главе сопоставительный анализ идей Л.П. Якубинского и В.Н. Волошинова по проблемам диалога. Как и И.С. Иванова, И. Тылковская отмечает безусловное влияние статьи 1923 г. о диалоге на «Марксизм и философию языка», однако если Л.П. Якубинский пытался совмещать социологизм с психологизмом, то у В.Н. Волошинова мы видим чистый социологизм (с. 241). Впрочем, как я отметил выше, и Л.П. Якубинский к концу 1920-х гг. эволюционировал в сторону социологического подхода.

В заключении книги вновь подчеркнуто, что у В.Н. Волошинова «использование марксистской терминологии имело смысл» (с. 249), что на основе марксистских принципов им была создана оригинальная концепция. Однако использование этих принципов вело и к противоречиям, которые отмечали Р.О. Шор и другие его критики, в том числе указывавшие на то, что его метод был мало пригоден для анализа языковых фактов (с. 250–251). Указывается междисциплинарный характер построений В.Н. Волошинова, который был чертой эпохи и проявлялся, в том числе, и у Г.Г. Шпета. Автор книги считает, что примененный ею анализ может быть применен и к изучению работ М.М. Бахтина и П.Н. Медведева, которые также могут изучаться отдельно друг от друга и от публикаций В.Н. Волошинова (с. 256).

В целом можно сказать, что, несмотря на спорность ряда положений, книга И. Тылковской вносит вклад в изучение так называемого «воловиновского цикла», по-новому ставит проблему его связи с марксизмом, стремится исследовать место этого цикла в советских гуманитарных науках того времени.

М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 1008 с. (Фундаментальные словари.)

Словарь подготовлен тремя сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, фонетистами самого высокого уровня, много десятков лет занимающимися русской фонетикой – как фонетикой русского литературного языка, так и фонетикой диалектной. Словарь этот готовился в течение пятнадцати

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алпатов 1991 – *В.М. Алпатов. История одного мифа. Марр и марризм*. М., 1991.
Алпатов 1995 – *В.М. Алпатов. Книга «Марксизм и философия языка» и история языкоznания // Вопросы языкоznания*. 1995. № 5.
Алпатов 2005 – *В.М. Алпатов. Волошинов, Бахтин и лингвистика*. М., 2005.
Беликов 1999 – *В.И. Беликов. Методические неудачи в социолингвистических опросах // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика*. М., 1999.
Бодуэн 1963 – *И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкоznанию*. Т. 2. М., 1963.
Келле 1972 – *В.Ж. Келле. Идеология // Большая советская энциклопедия*. Т. 10. М., 1972.
Соссюр 1977 – *Ф. де Соссюр. Труды по языкоznанию*. М., 1977.
Эпштейн 1975 – *М.Н. Эпштейн. Психоанализ // Большая советская энциклопедия*. Т. 21. М., 1975.
Якубинский 1947 – *Л.П. Якубинский. Образование народностей и их языков // Вестник ЛГУ*. 1947. № 1.
Якубинский 1953 – *Л.П. Якубинский. История древнерусского языка*. М., 1953.
Якубинский 1986 – *Л.П. Якубинский. Избранные работы. Язык и его функционирование*. М., 1986.
Jakobson 1929 – *R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves // Travaux du Cercle linguistique de Prague*. II. Prague, 1929.

В.М. Алпатов

Сведения об авторе:

Владимир Михайлович Алпатов
Институт языкоznания РАН
v-alpatov@ivvan.ru

лет, и работа над ним не была для авторов неожиданной: в течение многих лет они были в тесном научном контакте с такими столпами нашей фонетической мысли, как Р.И. Аванесов, А.А. Реформатский, М.В. Панов, С.С. Высотский. Однако этот Словарь ориентирован только на русский литературный язык и его

«правильное» произношение. Поэтому, как пишут авторы, в него не включены диалектизмы, жаргонизмы, просторечная лексика и узко-специальные термины. И все же в нем 80 000 слов. Такого всеобъемлющего словаря у нас в России еще не было. Легко себе представить, какая колоссальная работа стоит за его созданием. Еще много лет тому назад мэтр лексикографии Х. Казарес подсчитывал, сколько теоретических монографий может быть за одно и то же время написано авторами какого-нибудь небольшого словаря.

Во вводной части «От авторов» высказано много благодарственных слов. Но их нет по отношению к издательству «АСТ-ПРЕСС КНИГА», выпустившему этот Словарь. И правильно – нельзя благодарить издательство, полностью исключившее из книги весь раздел на букву *Й*. Просто схалтурили, так что мне не удалось узнать, *йогурт* или *йогурт* нужно нам произносить.

Разумеется, авторы опираются на предшествующие издания российских орфоэпических словарей. Всего в «Списке использованных словарей» (с. 8) насчитывается 12 единиц. Но прежде всего состав Словаря был определен словником «Русского орфографического словаря» под редакцией В.В. Лопатина (2-е издание, М., 2007); значительное влияние на авторов, конечно,оказал и классический «Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы» С.Н. Боруновой, В.Л. Воронцовой, Н.А. Еськовой под редакцией Р.И. Аванесова (5-е издание, М., 1989), а также «Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение» Н.А. Еськовой (М., 1994).

Хотя в заглавии книги говорится о начале XXI в., авторы намного расширяют сферу своего анализа: Словарь представляет пользователю русское произношение в четырех вариантах: беглое, младшего поколения, старшего поколения и уже устарелое. Таким образом, русский язык дан в словаре в динамическом развитии, и многие диссертанты и просто научные работники-лингвисты извлекут из него обильный материал для своих исследовательских построений.

Загадочным образом русские люди (не лингвисты) больше всего интересуются двумя вещами: местом ударения в слове и этимологией. Более того, если обратиться в данном случае к социальной психологии, то легко заметить, что какое-нибудь замечание или совет «медицинского» характера принимается с благодарностью и уж наверняка без обид, тогда как совет лингвистического типа, замечание по поводу произношения адресата воспринимаются крайне болезненно и негативно. Поэтому об этом

Словаре уже ходят легенды. Утверждение нормы, декларированное нашими тремя авторами, может вызывать как радость согласия, так и обывательское отторжение.

Поэтому с самого начала хочется еще раз напомнить, что этот Словарь – издание академическое и на самом деле не предполагающее, что многие употребляющиеся в его теоретических объяснениях и положениях термины, вроде «орфоэпема», «зона ударения» и т. п., должны быть понятны каждому жителю Российской Федерации. Например, во Франции Словарь Академии готовился много лет и к его авторам относились с трепетом и почтением.

Итак, этот Словарь рассказывает нам, что представляет сейчас произносительная норма русского языка, причем рассказ этот ведется с позиций высокой филологии.

Что же такое все-таки языковая норма? Как кажется, лучше всего и проще всего об этом писал в свое время замечательный ученый Григорий Осипович Винокур. По его мнению, норма языковая – принятые в общественно-речевой практике образованных людей правила произношения, грамматические и другие языковые средства, правила словаупотребления. Нормы ударения, или акцентологические нормы, нарушаются в русском языке особенно часто. Это объясняется, во-первых, тем, что изменчивость норм приводит к неизбежному сосуществованию старого и нового вариантов, во-вторых, трудностью усвоения ударения, которое в русском языке является разноместным и подвижным. В приведенном определении ключевым является слово *образованных*, что можно перевести как: «Хочешь быть, как они, так и говори, как они». Подобный подход может вдохновлять, а может и раздражать.

Однако словарные статьи в Словаре дают богатую информацию о слове действительно для «широкого читателя» (пользователя, исследователя, учащегося, журналиста и т. д.). Каждая словарная статья открывается заголовочным словом, набранным жирным шрифтом и прописными буквами. Исходная форма для разных частей речи – привычная словарная и подробного описания в рецензии не требует. Достоинством словарных статей является их описательная гибкость. Там, где это необходимо, приводятся дополнительные формы и допустимые варианты. Запретительные пометы тоже градуированы: ! *не рек.*; ! *неправ.*; ! *грубо неправ.* Специально указывается так называемое «профессиональное» произношение. Можно сказать откровенно, что огромный массив проанализированных слов остался рецензенту абсолютно неизвестным и увиденным впервые, но приводить этот список нет смысла, так как

он очень велик и может показать культурную ограниченность рецензента.

Таким образом, словарные статьи не единобразны, они могут быть расширенными – там, где это, по мнению авторов, необходимо, или быть очень краткими. Например:

БОЛЬНО; *больнēе* (с. 45);

БОЛЕУТОЛЯЮЩИЙ, *может произноситься с дополнительным ударением: болеутоляющий \\ б[э]леутоляющий и б[о]леутоляющий; бо[л'и^еу]толяющий и бо[л'уу]толяющий, в беглой речи возможно бо[л'у]толяющий; в формах с сочетанием ющ: болеутоляющий... – болеутоля[йу]щий и болеутоля[и]щий* (с. 45);

ТВОРÓГ, *творогá и допуст. ТВÓРОГ, твóрога* (с. 822; последнюю форму рецензент считает просторечной и/или украинизмом).

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДÉНТ, *член-корреспондéнта, мн. член-корреспондéнты, член-корреспондéнтам и члена-корреспондéнта, мн. члены-корреспондéнты, членам-корреспондéнтам, обычно произносится с дополнительным ударением: члён-корреспондéнт \\ ч[л'е]н-корреспондéнт; член-ко[р']еспондéнт; член-корреспо[н'д']éнт; в форме член-корреспондéнте, члене-корреспондéнте – член-корреспондé[н']те, члене-корреспондé[н']те* (с. 911).

Основной теоретический стержень Словаря мы находим в Приложении – «Орфоэпических правилах», написанных ответственным редактором книги Л.Л. Касаткиным. Этот тщательно подготовленный текст по сути представляет собой небольшую монографию, или учебное пособие, наверняка очень полезное для изучающих русский язык.

Л.Л. Касаткин начинает этот огромный раздел с определения того, что такое орфоэпия и – далее – чем она отличается от фонетики. Сначала дается определение довольно простое и ясное: «К орфоэпии относятся лишь такие произносительные нормы, которые допускают **вариантность в литературном языке**. Фонетические законы, не знающие исключений, относятся к области фонетики (а не к орфоэпии)» (с. 938). После этого жирным шрифтом приводится основополагающее определение орфоэпии, теоретический стержень, на котором и был построен настоящий словарь: «Основная задача описательной **фонетики** – изучение характера звуков и синхронических чередований звуков, реализующих фонемы в разных позициях, **орфоэпия же рассматривает и оценивает главным образом произносительные варианты слов и словоформ, выступающих в одних и тех же фонетических позициях**» (Там же). Таким образом, Словарь явно отступает от кодифика-

торской жесткости, которая, быть может, от него ожидалась. Итак, орфоэпия, в традициях Московской фонологической школы, рассматривает (но – не запрещает?) «вариантность реализации одних и тех же фонем и вариантность фонемного состава одних и тех же морфем при отсутствии позиционных различий» (Там же). Жаль, что в теоретической части более подробно не рассматривается соотношение русской орфоэпии и русской орфографии, про которую М.В. Панов писал: «А все-таки она хорошая!». Л.Л. Касаткин ограничивается лишь общей фразой: «Между буквами и звуками нет точного соответствия» (с. 939). В теоретической части «Орфоэпических правил» вводится понятие **орфоэпемы**: «Варьирующиеся в одной и той же фонетической позиции звуки или фонемы и варьирующееся в одной и той же словоформе или в первой основе сложного слова место ударения образуют орфоэпему» (Там же). К этому определению хотелось бы придаться. Во-первых, союз или должен соединять однородные по родовой принадлежности члены, а звуки и фонемы – явления разных лингвистических сфер; во-вторых, пример автора *рж[а]ной* и *рж[ы]ной* понятен, но трудно себе представить материальный облик орфоэпемы при сопоставлении *творог* и *творог*.

Однако в последующих главах Л.Л. Касаткин строго следует намеченной им стратегии описания общей системы русского произношения. Он идет по следующим ступеням описательной лестницы: Гласные / Согласные. В рамках обеих групп сначала выявляется противопоставление отдельных звуков, затем двухкомпонентные сочетания внутри одной группы, затем трехкомпонентные сочетания. Эти сочетания в свою очередь рассматриваются в разных позициях слова, а также по их отношению к ударному и безударным слогам слова. Одновременно для каждой такой позиционной формы автор представляет пользователю (или читателю) – в тех случаях, когда это возможно – произношение обсуждаемого компонента в беглой речи и в возрастных нормах.

Великолепной находкой методологии описания нужно считать введение Л.Л. Касаткиным цифрового показателя для произносительной нормы консонантных кластеров. Так, на с. 962 автор сообщает о тенденции к отвердению былое мягкого согласного перед последующим мягким. Этот процесс идет поэтапно, и этапы обозначены в виде цифровых ярлыков:

1 – Только С'С'; 2 – С'С' и допустимо младшее СС'; 3 – С'С' и СС'; 4 – СС' и допустимо старшее С'С'; 5 – СС' и допустимо устарелое С'С'; 6 – Только СС'.

Таким образом, каждое орфоэпическое правило в дальнейшем описании снабжается

одной из указанных выше цифр, и читатель может с легкостью моделировать ситуации этого типа. Этот же метод применяется и при описании произношения двойных согласных, когда они могут произноситься как долгие или как краткие или даже исчезают перед таким же третьим согласным (с. 979). Здесь обозначения примеров такие:

1 – только СС; 2 – СС, в беглой речи возможно С; 3 – СС и допустимо С; 4 – СС и С; 5 – С и допустимо СС; 6 – только С; 7 – С, в беглой речи возможен нуль звука; 8 – нуль звука и допустимо С.

Самым удачным разделом «Орфоэпических правил» можно считать, по моему мнению, раздел «Ударение» (с. 993–999), где автор в табличной форме демонстрирует вариативность акцентных парадигм русского языка. Так, например, для имени существительного выделяются два типа неподвижного ударения и шесть типов подвижного ударения. Л.Л. Касаткин обозначает неподвижное ударение на основе буквой А, неподвижное ударение на окончании буквой В, подвижное ударение буквой С. Место ударения указывается порознь для единственного и множественного чисел. Основа обозначается квадратом, а окончание – кружком. Так получается ряд: АА, ВВ, АВ, ВА, АС, ВС, СА, СС.

Конечно, при внимательном чтении «Орфоэпических правил» возникают неизбежные для читателя-рецензента недоумения.

Во-первых, иногда неясно, идет ли речь о сочетании графическом или все-таки звуковом. Например, для комбинации *oe* приводится пример *военный* (с. 946), где явно присутствует [j].

Во-вторых, графическая подача примеров в «Орфоэпических правилах» и в основной части Словаря различна: в «Правилах» примеры даются курсивом, а в Словаре – жирным шрифтом. Поэтому и неясно, где транскрипция, а где графика.

В-третьих (это относится и к Словарю), на мой взгляд, слишком обильно представлены как примеры некоего типа русского произношения слова иностранного происхождения, которые слышать, тем более в беглой речи, как-то не приходится. Так, на сочетание *rr* перед передненебными (с. 975) приводятся только два примера: *dérrик* и *камóрре*. О [ц] на конце слова в сочетании *тц* пример *лутц* (с. 985). Допустимость произношения [уэ], [oa] демонстрируется примерами *буонфрéско* и *дуодéцима*. Как-то сомнительно слово-пример *какáовый*. Некоторые пункты «Правил» иллюстрируются практически только иноязычными примерами. Например, таковы иллюстрации сочетания *oa*: *анóа, бальбóа, квинóа, кинóа,*

лофхлóа, метазóа, мóа, протозóа, эремопóа. Быть может, стоит исключить из общих правил те ситуации, когда для иллюстрации не удается найти ни одного русского примера.

В-четвертых (это тоже относится и к Словарю в целом), создается впечатление, что авторы слишком увлечены гласным звуком среднего ряда среднего подъема [э]. При попытке все это именно таким образом произнести, как кажется, получалось некое произношение полуодесское, полублатное, во всяком случае – южное. Между тем я точно помню, как наш общий фонетический мэтр А.А. Реформатский произносил свою фамилию скорее с [ы] и говорил: «Я учил свою дочь не кикать и гикать, а кыкать и гыкать».

Наконец, жаль, что мало вниманияделено мягкости/твердости *т* и *д* перед передними гласными в освоенных и полуосвоенных словах иностранного происхождения вроде *Одесса, отель, тема* и т. п. Они ведь очень варьируются, и в свое время их произношение служило показателем общей интеллигентности, так как общего строгого правила здесь нет (см. выше о взглядах Г.О. Винокура на языковую норму).

Безусловно, этот теоретический раздел «Орфоэпические правила», созданный (в результате обсуждения с коллегами) Л.Л. Касаткиным, нужно было расположить в начале книги. Тогда необходимость дополнений и расширений во многих словарных статьях отпала бы: они вытекали бы из этой вводной теоретической части и объем Словаря был бы несколько уменьшен. Например, уже было бы ясно, что в словах на -изм, вроде *капитализм* и т. п., недопустимо произносить [из'м], было бы также ясно заранее, что старшее поколение может произносить [кэј] в словах, оканчивающихся на -кий. Точно так же пользователь уже заранее узнал бы, что такое орфоэпема, только приступая к работе со Словарем, а не на с. 939. А термин этот без пояснения используется в самом начале вводного текста к Словарю.

Обывателю хочется получить язык из рук кодификатора как нечто, напоминающее игрушку вроде лего-конструктора, понятную и простенькую. Между тем язык напоминает город вроде Москвы, которая строилась веками и в которой есть всё. Поэтому создатели Словаря неизбежно имели дело с противоречивыми факторами, и потому их решения также неизбежно противоречивы. Например, отличия «старшего» поколения и «младшего» не всегда возрастные. Так, выяснилось, что я принадлежу в некоторых пунктах к младшему поколению, а Розалия Францевна Касаткина – к старшему, хотя мы практически ровесницы. «Устарелое» произношение вроде *лав'ке, дénьгами* и др. было типично для стилизованной московской

молодежной речи конца 1970-х гг. Наконец, не проводится отчетливая граница между «старшим» и «устарелым».

Между тем можно предположить, что разница в произношении (по большей части это относится к произнесению консонантных кластеров) у старшего и младшего поколений не возрастная, а региональная. Конечно, я имею в виду пресловутую разницу московского и петербургского произношения. Поэтому у меня, родившейся в Ленинграде в семье потомственного петербуржца, и у коренной москвички Р.Ф. Касаткиной это различие вдруг пропало. В этой связи можно считать слишком суровым приговор «ленинградскому» произношению слова *что* (с. 911): **ЧТО \ [ш]то (! неправ. [ч']то).**

Обратимся, наконец, к пресловутому *звёнит*. В словаре против этого слова стоит резкая запретительная помета. Однако ложный слух о позитивном включении такой словоформы в словарь разнесся широко, благодаря также поспешной клеветнической заметке в «Литературной газете» от 26 декабря 2012 г. «По ком звёнит колокол?». (Как мне кажется, подобную лживую заметку, да еще со ссылками на беседу с М.Л. Каленчук, оставлять без опровержения было нельзя: время интеллигентского смириения прошло.)

Итак, обращаемся все-таки к формам, подобным *звёнит*. За такими словоформами, столь распространяющимися и столь режущими слух интеллигентов, стоит все более заметный процесс динамики русского языка. А именно, неприятные на слух слова вроде *осужденный*, *ложить*, *включит*, *звёнит* и им подобные отражают новую тенденцию русского произношения: тенденцию к **категориальности** в произношении, к стремлению выделить на слух наиболее важную и значимую часть слова: корень. О том, что славянские языки неизбежно приходят к категориальной подаче морфем, мы читаем и в работах В.А. Дыбо, Ю.А. Клейнера, противопоставляющих славянские языки германским, которые отличались этим свойством раньше, чем славянские. Некоторые слова прошли этот барьер легко, вроде *тбчт*. Объяснить появление в рецензируемом Словаре единого в этом плане *включит* невозможно, это какая-то уступка неизвестно кому и чему. В таком случае интересна для русистов запретительная (и, конечно, правильная) помета у словоформы *дёньгами* (устар.), где как раз вы-

деляется корень. Возможно, здесь играет роль противопоставление «легкого» слога в корне «тяжелому» слогу окончания.

Как известно (особенно после блестательных наблюдений А.А. Зализняка), место ударения в профессиональной речи меняется по сравнению с исходным литературным и правильным образцом. А.А. Зализняк обратил внимание прежде всего на перенос ударения на окончание в словах типа *компасá*, *лифтá*, *тортá* и т. п. (Я помню еще довоенный период, когда говорилось: *Есть профессоры и есть профессора*, с намеком на «красную профессуру» у последних.) Профессиональные особенности переноса ударения, разумеется, в Словаре представлены. Например, о слове *афáзия* сообщается, что в речи врачей произносится *афáзия*. Но врачи говорят и *áлкоголь*, однако против этой формы в словаре стоит запретительная помета. Такая же запретительная помета стоит и у профессионального медицинского произношения *болéй*, *болáм*.

Многое в Словаре, как выясняется, восходит на самом деле к многозначности русского слова *могут*. Оно обозначает и дарование сверху права на существование: *Пользоваться комнатой отдыха могут только сотрудники Института*; обозначает оно и эмпириическую фиксацию разных форм существования: *У русских женщин глаза могут быть различного цвета: от светло-серых до темно-карих*.

Это свойство словоформы *могут* ярко проявляется и в рецензируемом Словаре. Словарь является одновременно и **прескриптивным**, и **фиксирующими**. Одновременно и запрещающим, и разрешающим, точнее, сообщающим. Говоря проще, статьи Словаря отражают баланс между узусом и нормой. Авторы и брали на себя кодификацию, и в то же время мягко отступали (не во всех случаях), принимая существующие в русской речи инновации. Противоречия в описании при этом неизбежны.

Неизбежно и то, что этот Словарь прочно войдет в русское и мировое языкознание. На него будут ссылаясь, его будут обсуждать, его будут переиздавать.

Т.М. Николаева

Сведения об авторе:

Татьяна Михайловна Николаева
Институт славяноведения РАН

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международная конференция «Языкоzнание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов»

24–26 октября 2012 г. в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН прошла очередная международная научная конференция «Языкоzнание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов». Конференцию открыл директор института А. М. Молдован.

В этом году конференция была приурочена к 80-летию выдающегося лингвиста, автора лингвистической теории «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчука (Канада), и естественно, что именно его доклад «О метаязыке лингвистики: некоторые уточнения понятия “зависимость”» открывал первое заседание. Здесь были рассмотрены три иерархических критерия, используемых для установления направления синтаксической зависимости; применение этих критериев было ярко и наглядно продемонстрировано на примере фразем с так называемым «именем чертыхательным».

Большинство выступлений так или иначе касались вопросов взаимодействия грамматики и семантики, в особенности глагольной. Ю. Д. Апресян (Москва) в докладе «Грамматика глагола в активном словаре» ввел в рассмотрение новый материал, ранее не оказывавшийся в поле зрения лексикографов. Представленный материал иллюстрирует принцип интегрального описания языка, применяющийся в работах Московской семантической школы (и, в частности, в Активном словаре русского языка), и демонстрирует критерии, по которым те или иные свойства слов должны описываться в грамматике или в словаре. Особый акцент был сделан на семантику глагольного вида. Доклад Л. Л. Иомдина (Москва) (написанный в соавторстве с И. М. Богусlavским (Москва)) «О некоторых необычных типах заполнения семантических валентностей предикатов, или Еще раз об отделении мух от котлет» был посвящен нетривиальному соотношению семантических и синтаксических валентностей

предикатных слов; фраза из анекдота *Я люблю, чтобы котлеты были отдельно, а муhi отдельно* иллюстрирует редкий феномен выражения семантических валентностей слова с помощью его повторения, характерный для некоторых предикатов совместности. Д. Вайс (Швейцария) предпринял корпусное исследование так называемых «двойных глаголов» (*давай звони, сижу пишу, посолите-поперчите, пойди догадайся, смотрите не опаздывайте* и т. п.) с точки зрения их семантических и грамматических (в частности, видовых) особенностей. И. Б. Левонтина (Москва) на примере глаголов *удосужиться* и *сподобиться* рассмотрела класс слов, значение которых практически целиком состоит из неассертивных компонентов. Глагольной семантике был посвящен и доклад Т. М. Николаевой (Москва) «Объект предложный и беспредложный», в котором обсуждалось различие предложных и беспредложных конструкций с глаголами вспоминания и забывания, связанное с фундаментальным противопоставлением валентностей темы и содержания. В докладе Е. В. Падучевой (Москва) «Эвиденциальность по-русски» на материале глагольных конструкций с отрицанием были рассмотрены способы выражения в русском языке значения «засвидетельствованности», которое для некоторых языков принято выделять в особую грамматическую категорию. Грамматике глагольных конструкций было посвящено и выступление В. С. Храковского (Санкт-Петербург) «Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций». В докладе А. Д. Шмелева (Москва) рассматривалась проблема разграничения супплетивизма и синонимии, поставленная в известной статье И. А. Мельчука (1972). Был приведен материал, свидетельствующий, что при более гибком подходе к нормативности можно обнаружить ситуации конкуренции основ в разных фрагментах парадигм (ср. *люди – люди*, *года – лета*, *кладывать – влагать* и др.).

В нескольких выступлениях были затронуты проблемы многозначности в диахронии и синхронии. В докладе Анны А. Зализяк (Москва) «Бросить взгляд: лексикографическая трактовка значения глагола в связанном употреблении» обсуждались интерпретации значения глагола в словоцетаниях типа *бросить взгляд*, *прийти в ярость*, *смотреть сквозь пальцы* и т. п. и семантические переходы, приводящие к появлению у таких глаголов новых значений, не связанных с конкретным объектом. Е.В. Урысон (Москва) в своем исследовании «Аналогия в семантике» рассматривала потенциал развития многозначности по аналогии у слов разных семантических классов (ср. значения ‘орган’ и ‘способность’ у слов *рука*, *глаза*, *память* и др.). В докладе С.М. Толстой (Москва) «Тип субъекта и многозначность глагола» сравнивались разные подходы к глагольной полисемии. Выступление В.Ю. Апресян (Москва) было посвящено пространственным, временным и ситуативным значениям местоимений (*тут*, *сейчас*, *здесь* и др.). В.А. Плунгян и Е.В. Рахилина (Москва) проследили историю глаголов *колебать* и *заколебать* и привели убедительные аргументы, объясняющие причины возникновения у них новых эвфемистических значений. В докладе Б.Л. Иомдина (Москва) «О “неправильном” использовании терминов: может ли язык ошибаться?» обсуждались интересные случаи несоответствия терминологического и бытового словоупотребления (ср. значения слов *плечо* и *предплечье* в анатомии, *мимоза* в ботанике, *шизофрения* и *паранойя* в психиатрии и др., не совпадающие с общезыковыми). Приводились данные экспериментов с информантами, рассматривались причины появления таких расхождений и предлагались способы их лексикографической трактовки.

Группа выступлений была посвящена вопросам истории русского языка. В материалах А.А. Гиппиуса (Москва) «История *sub specie grammaticae* или монгольское иго сквозь призму глагольных времен» обсуждалось распределение временных форм в древнерусских памятниках разных лет. В докладе В.Б. Крысько (Москва) «Проблема пола и рода в переволном тексте (gen. sg. *ja-основ)» приводились курьезные примеры ошибок в древнерусских текстах, возникавших вследс-

твие смешения разных флексий родительного падежа. В.М. Живов (Москва) рассмотрел эволюцию порядка слов при *verba dicendi*. А. Тимберлейк (США) в своем выступлении связал диалектные конструкции с пациентом в именительном падеже при безличном инфинитиве с влиянием финно-угорских языков. А.А. Пичхадзе (Москва) в докладе «К истории русского союза *хотя*» привела обстоятельный анализ примеров, демонстрирующих постепенное возникновение уступительного союза *хотя* из причастной формы, употреблявшейся в контекстах «произвольного выбора». Тема вызвала живой интерес у слушателей, приводивших примеры сходного семантического развития из других языков.

Следующие выступления касались вопросов фонетики. М.Л. Каленчук (Москва) в своем исследовании «Многофакторный подход к анализу звучащей речи» предложила рассматривать целый ряд факторов, влияющих на реализацию фонем в конкретных словах и словосочетаниях: позиция в слове, просодическая позиция, частотность и освоенность слова, словообразовательные и орфографические факторы и др. В докладе А.А. Зализяка (Москва) «Механизмы экспрессивности в языке» были подробно исследованы процессы эволюции русских акцентных схем, в некоторых случаях приведшие к возникновению произносительных вариантов, и блестяще объяснены причины изменения ударения в словосочетаниях с «именами чертыхательными», в том числе эвфемистической природы. Выступление А.А. Зализяка вызвало закономерный интерес и оживление аудитории, создало ощущение начатой докладом И.А. Мельчука «кольцевой композиции» и завершило юбилейную конференцию, прошедшую в живой и дружеской атмосфере.

Участники конференции (их было больше ста) отмечали ее высокий уровень, новизну и научную глубину выступлений и были рады прекрасной возможности обсудить актуальные проблемы современной русистики.

Б.Л. Иомдин

Сведения об авторе:

Борис Леонидович Иомдин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН

iomdin@ruslang.ru

II Международная конференция «Типология морфосинтаксических параметров»*

Вторая конференция тематической серии «Типология морфосинтаксических параметров» состоялась в Москве 14–16 ноября 2012 г. Конференция была организована совместно Московским государственным гуманитарным университетом им. М.А. Шолохова и Институтом языкознания РАН. При отборе докладов предпочтение отдавалось заявкам, где исследовались проблемы взаимодействия морфологии, синтаксиса, просодико-синтаксического и коммуникативно-синтаксического интерфейсов, и на конкретном материале языков мира показывалось соотношение общего, типового и специфического в распределении морфологических и синтаксических параметров. Заявки проходили экспертизу и отбирались организационным комитетом. Такая проблематика предполагает уклон в сторону исследований, опирающихся на формальный аппарат типологии, но доктринальных ограничений на выбор интегральной модели (общетеоретической концепции) языка не было: в докладах конференции были представлены различные направления современного функционализма и генеративизма – от минималистской программы Н. Хомского и лексической функциональной грамматики до грамматики конструкций. В выступлениях приглашенных докладчиков – Дж. Лавайна, В.М. Алпатова, Л.Л. Иомдина, П.В. Гращенко, Ю.А. Ландера – тоже отразились разные теоретические подходы и разные проблемы в пределах обозначенной области. Выступление Джеймса Лавайна касалось особенностей выражения предикатно-аргументных отношений в некоторых синтаксических структурах без эксплицитно выраженного номинативного субъекта: рассматривался материал славянских языков. Доклад В.М. Алпатова был посвящен статусу падежей в японском языке, где категория падежа, согласно одной из точек зрения, выражается при помощи послелогов. Выступление П.В. Гращенко поднимало вопросы грамматикализации атрибутивных и предикативных употреблений нефинитных глагольных форм в германских, славянских и тюркских языках. Исследование Ю.А. Ландера было направлено на поиск инварианта посессивных конструкций и проблему размежевания семантических и синтаксических аспектов посессивного отношения между двумя аргументами. Доклад Л.Л. Иомдина был посвящен соотношению семантики,

синтаксической формы и коммуникативного статуса в некоторых русских конструкциях с буквальным повтором лексемы.

Термин «морфосинтаксис» часто встречается в исследованиях последних десятилетий, но единого понимания его не сложилось. Во многом это связано с тем, что в разных современных ответвлениях функционализма и генеративизма структура грамматики и статус правил или принципов грамматики понимаются по-разному. Одна часть лингвистов понимает морфосинтаксис как пересечение морфологии и синтаксиса, т. е. как перечень явлений и проблем, анализ которых в равной или хотя бы в значительной мере относится к компетенции как морфологии, так и синтаксиса. Классическим примером служит употребление падежных форм. С одной стороны, категория падежа связана с кодированием семантических ролей средствами морфологии. С другой стороны, приписывание падежа происходит в определенных синтаксических позициях. Другая часть лингвистов, в том числе сторонники минималистской программы Н. Хомского, понимают под морфосинтаксисом объединение морфологии и синтаксиса и отрицают наличие интерфейсов внутри грамматики и пограничных областей между разделами последней. В то же время многие сторонники последней точки зрения признают существование постсинтаксических механизмов, связанных с факторами просодического или коммуникативного характера и меняющих уже построенную структуру предложения: существование таких механизмов не всегда признается сторонниками первой точки зрения.

Организаторы конференции исходили из того, что параметрическая типология – область исследования, которая не должна целиком зависеть от того, является ли лингвист приверженцем модулярной либо иерархической концепции языка, и что конференция по типологии – подходящий форум для обсуждения продуктивности разных подходов к описанию взаимодействия механизмов грамматики. Большинство докладов программы оказалось возможным объединить в рамках тематических заседаний. Количественно преобладали выступления, посвященные проблемам падежа и согласования (три доклада – П.М. Аркадьев, Д.С. Ганенков, Н.К. Богомолова, а также пленарный доклад Дж. Лавайна), падежу и структуре именной группы (четыре – Е.А. Лютикова, О.И. Беляев, К.А. Ершова, А.Е. Аксенова и П.А. Коваль, ср. также пленарный доклад В.М. Алпатова), типологии клитик (пять – Л.В. Хохлова, А.В. Сидельцев, Н.Б. Пименова, М.Н. Толстая,

* Материал написан при поддержке РГНФ, проект № 11-04-00282 «Типология морфосинтаксических параметров».

А.В. Циммерлинг). По два материала было прочитано в секциях «Аргументная структура предиката» (А.Б. Шлуинский и Н.М. Стойнова) и «Морфосинтаксис и коммуникативная перспектива высказывания» (Н.В. Сердобольская и Е.Л. Кушнир). Исследования Я.Г. Тестельца и А.Б. Летучего вместе с пленарным докладом Л.Л. Иомдина составили тематическую секцию «Проблемы русской и общей грамматики». Совместное выступление С.С. Сая и М.А. Овсянниковой «Башкирские генетивные посессоры в свете таксономии посессивных конструкций» тематически примкнуло к прозвучавшему перед этим пленарному докладу Ю.А. Ландера «Приименные посессивы и понятие прототипа конструкции». Иные направления типологии были представлены в материалах выступлений К.В. Бабаева, Г.А. Мороза, Д.К. Привознова, А.Е. Аксеновой и П.А. Коваля, А.А. Ивановой. Большинство докладов может быть отнесено к синхронной типологии: ряд сообщений опирался на результаты полевых исследований авторов (Е.А. Лютикова, А.А. Иванова, А.Е. Аксенова и П.А. Коваль, Д.К. Привознов, К.Е. Ершова, М.Н. Толстая и др.). Материал древних языков и проблемы диахронической типологии обсуждались в пленарном докладе П.В. Гращенко и в выступлениях А.В. Сидельцева, А.В. Циммерлинга, Л.В. Хохловой, Н.Б. Пименовой и К.В. Бабаева.

Выборочно коснемся отдельных материалов конференции. В пленарном докладе Дж. Лавайна (США) «Varieties of *v* and the structure of 'Anti-Burzio' predicates», открывшем научную программу конференции, доказывалось, что проекции *T* и *v* по своей структуре не идентичны, и что *v* имеет интерпретируемые черты, ориентированные на ситуационную семиантику (event-related). Необходимо принять теорию структурного вин. п., которая приписывает привилегированную роль каузатору события (*v*-CAUSE). Эта проблема имеет прямое отношение к анализу безличных предложений с аргументом в сильно управляемом вин. п., ср. русск. *траву выжгло солнцем*: ярлык 'Anti-Burzio predicates' относится именно к этой группе конструкций. Решение, предложенное докладчиком, позволяет отнести его анализ к концепциям, где падежная маркировка аргументов безличного транзитивного глагола признается грамматически выводимой, а не чисто словарной, идиосинкратической, характеристикой. Смежные проблемы рассматривались в выступлении П.М. Аркадьева (Москва) «Согласование причастий и два типа конструкций с неноминативными конструкциями в литовском языке». Докладчик утверждал, что распределение конструкций с неноминативными субъектами связано с противопоставлением структурных и лексических падежей и областей приписывания падежа. В конструкциях с дативным экс-

периенцером или генетивом отрицания падеж приписывается субъекту на ранней стадии, в области глагольной группы (VP), поэтому отношения согласования (Agree) с вершиной T нет. В нефинитных конструкциях наблюдается приписывание структурного вин. п., дат. п. или род. п. в области TP/CP, аналогичное приписывание имен. п. в финитных клаузах. В выступлении Д.С. Ганенко (Москва) рассматривалось явление частичного контроля зависимой клаузы в худощавом диалекте даргинского языка. В этой конструкции одновременно могут быть выражены субъект матричного глагола 'хотеть' и субъект зависимой инфинитивной клаузы. Как показал докладчик, материал даргинского языка представляет трудность для всех теорий обязательного контроля, в том числе, для обеих версий минималистского анализа. Ни теория контроля как синтаксического передвижения, ни альтернативная ей теория контроля как согласования не дают на даргинском материале правильных предсказаний: необходимо признать частичный контроль регулярным синтаксическим механизмом, а не семантическим сбоем, возникающим при некоторых матричных предикатах.

В пленарном докладе П.В. Гращенко (Москва) на материале русского, английского и тюркских языков рассматривалась эволюция показателей нефинитных глагольных форм. Эволюцию показателей нефинитности автор объяснял как смену значения признака {fin} вершины С: Cfin, Cnon-fin, Csemi-fin, ... При таком подходе грамматические изменения оказываются кратчайшими переходами внутри ограниченного признакового пространства. Ограниченнность грамматических признаков следует из детерминированности синтаксических контекстов. Правила употребления нефинитных показателей связаны с другими аспектами грамматики (про-dgr, согласование, употребление вспомогательных глаголов) и эволюционируют вместе с ними. Проблемы грамматикализации энклитических частиц в связи с эволюцией строя языка анализировались на разном материале в двух докладах. В выступлении Л.В. Хохловой (Москва) развитие прономинальных частиц в западном панджаби рассматривалось на фоне перехода от эргативного к номинативно-аккузативному типу. Ранее засвидетельствованная эталонная эргативная система сменилась в современном зап. панджаби системой, где прономинальные частицы употребляются с различными видовременными формами глагола и не находятся в дополнительном распределении относительно маркируемых семантических ролей. Одна и та же прономинальная частица может маркировать S, A, Экспериенцер, Посессор, а также референт притяжательного местоимения, которое является определением к S. В материалах Н.Б. Пименовой (Москва) впервые была

отмечена тенденция к грамматикализации древнесаксонской и древненемецкой частицы *thâr* в качестве маркера относительного подчинения. Этот процесс, однако, не был доведен до конца и о полной десемантизации др.сакс. и др.-в.-нем. *thâr* говорить нельзя. А.В. Сидельцев (Москва) на материале хеттского языка, имеющего жесткий порядок слов SOV, рассматривал два разных типа выноса глагола в начало клаузы (Verb fronting): один из них связан с топикализацией глагола, другой – с приписыванием ему статуса контрастивной ремы. Инновационный момент состоит в том, что аппарат линейно-акцентных преобразований, апробированный на материале современных языков, где есть разные типы коммуникативно мотивированных перемещений глагола, был применен к текстам мертвого языка. Проблемы кластеризации клитик освещались в двух выступлениях. М.Н. Толстая (Москва) предложила классификацию карптоукраинских систем изменяемых энклитик и особо остановилась на малоизученных системах, действующих в гуцульских говорах. В докладе А.В. Циммерлинга (Москва) была впервые описана система энклитик в корпусе древнечешской «Далимиловой хроники» (нач. XIV в.). Было показано, что в этот период древнечешский язык был стандартной системой с законом Ваккернагеля (W-системой), причем частицы *že, li, ti*, (омоним формы дат. п. 2 л. *ti₂*) образовывали цепочки вместе со связками и местоименными энклитиками. Возмущающие явления связаны с изменением значения параметра, разрешающего постановку клитик после начальных групп, состоящих из двух или более фонетических слов: кластеризуемые связки и местоимения могут стоять после таких групп, а *že, li, ti*, нет. Интересное наблюдение над морфосинтаксисом языка яуре семьи манде было сделано в выступлении Е.Л. Кушнир (Москва): в данном языке имеются структуры, где локативные клитики занимают предконечную позицию клаузы и при этом разрывают последнее слово клаузы, т. е. ведут себя как эндоклитики.

В нескольких докладах поднимался вопрос о том, единицам какого уровня может приписываться категория падежа. В пленарном докладе В.М. Алпатова (Москва) рассматривались сочетания «существительное + послелог», которые, с одной стороны, являются аналогами падежных форм, с другой – имеют некоторые признаки синтаксических групп. В материалах К.А. Ершовой (Москва) был представлен феномен групповой флексии в адыгейском языке, где в сочинительной конструкции с коннектором *-re* показатели двух периферийных падежей – адвербиалиса и инструменталиса – ведут себя как групповые аффиксы или клитики, присоединяясь ко всей сочиненной группе: групповой аффикс / клитика может перетягивать к себе некоторые морфемы право-

го конъюнкта, что больше похоже на правило синтаксиса, чем на чисто морфологическое явление. В то же время в докладе О.И. Беляева (Москва) поведение групповой флексии в осетинском языке предлагалось описывать путем расщепления понятия «падеж» на две категории – морфологический падеж (МП), который имеет две граммемы – ректус (dir) vs. обликус (obl), и внешний падеж (ВП), который обладает значениями всех традиционно выделяемых падежных граммем, кроме имен. п. Наличие ВП требует, чтобы МП принимал в осетинском языке значение [obl]. Если понимать падеж как морфологический признак (как в русском или латинском), то осетинский оказывается языком с двухпадежной системой, причем маргинального типа, так как полноценные различия по падежу есть лишь у местоимений.

Проблема вариативного маркирования объекта (DOM) обсуждалась в двух докладах. Формальные аспекты проблемы анализировались в докладе Е.А. Лютиковой (Москва). Как показал автор, к материалу мишарского диалекта татарского языка лучше подходит стандартный анализ, при котором морфологический показатель вин. п. признается рефлексом приписывания ИГ абстрактного (структурного) вин. п. вершиной; абстрактный падеж является средством лицензирования ИГ в аргументной позиции (так называемый падежный фильтр). Конкурирующий анализ (Marantz 1991)¹, при котором показатель вин. п. возникает в постсинтаксическом компоненте под действием морфонологического правила конкуренции падежей, вин. п. признается зависимым (морфологическим) падежом и приписывается ИГ при наличии в локальной области другой ИГ без падежа, а падежный фильтр не действует, не может объяснить требование обязательного получения вин. п. определенным структурным типом ИГ (DP). Поэтому следует предпочесть традиционный подход. В выступлении Н.В. Сердобольской (Москва) механизм DOM рассматривался на материале финно-угорских языков с точки зрения коммуникативной перспективы высказывания и дискурсивного статуса ИГ, получающей либо не получающей вин. п.

В ряде сообщений ставился вопрос о соотношении синтаксической схемы и обобщенной грамматической семантики. В пленарном докладе Л.Л. Иомдина (Москва) на примере русских высказываний с лексическими повторами типа *читать не читал, но ...* было показано, что одна поверхностно-синтаксическая схема может соответствовать нескольким конструкциям с разной семантикой и разными коммуникативными свойствами. Фразеосхема

¹ A. Marantz. Case and licensing // G. Westphal, B. Ao, Hee-Rahk Chae (eds). Proceedings of ESCOL'91. Ithaca (NY), 1991.

читать не читал (но пролистал) толкуется как: *Z X-овал не X-овал* (но...) ≈ ‘*Z* не сделал *X*, но *Z* сделал что-то менее сильное, чем *X*’. В русском языке есть омонимичная фразеосхема, выражающая иное значение, в котором инфинитив представляет собой тему высказывания: *читать он не читает* (≈ ‘что касается его чтения, то оно не имеет места’), а, кроме того, имеется омонимичная этой конструкции синтаксическая фразема с усилительным значением и ограниченным лексическим заполнением: *он его и видеть не видел* (≈ ‘совсем не видел’). В пленарном докладе Ю.А. Ландера (Москва) на широком типологическом материале рассматривалось соотношение семантики и синтаксиса конструкций с приименными посессивами. Докладчик утверждал, что подходы, постулирующие для посессивов в разных языках семантический или синтаксический инвариант, либо не охватывают все типы употреблений отдельных конструкций в конкретном языке, либо не учитывают межязыковые различия. Более прототипические посессивы (как тип конструкций) не специфицируют отношение между аргументами. Посессивы со специфицированными отношениями производны и диахронически вторичны по отношению к посессивам с неспецифицированным значением. В совместном выступлении С.С. Сая и М.А. Овсянниковой (Санкт-Петербург), выполненном на материале башкирского языка, поднимался вопрос об иерархии посессивных конструкций, в том числе, о так называемой конструкции с внешним посессором (ср. русск. *у меня болит нога*), где посессор и объект обладания относятся к разным составляющим. В башкирском языке конструкции с внешним посессором нет, но есть примеры, где прослеживаются отдельные отклонения от свойств единой составляющей, что мотивировано дискурсивными свойствами контекста: комбинации «посессор» + «обладаемое» не в равной степени обладают признаками единой составляющей, при этом более одушевленные, топикальные и вовлеченные посессоры, несмотря на сохранение генитивного маркирования, демонстрируют больше свойств составляющих клаузального уровня, а не приименных зависимых.

Важные проблемы общей грамматики прозвучали в сообщениях, преимущественно выполненных на русском материале. Доклад Я.Г. Тестельца (Москва) был посвящен одной из разновидностей эллипсиса – так называемому сравнительному сокращению (*comparative deletion*, CD). CD в узком смысле – сокращение в сравнительном обороте элемента, оцениваемого по степени проявления признака. От прочих случаев эллипсиса «сравнительное сокращение» отличается невосстановимостью пробела: *Он решал те же задачи, что и я* (*решал задачи); *Саша выше, чем Петя* (*высок) и т. п. Кажущаяся большая свобода CD в русском

языке по сравнению с английским, по словам докладчика – иллюзия, так как в сравнительной конструкции применяется обычный эллипсис, который в русском языке менее ограничен. Было предложено считать «сравнительное сокращение» не эллипсисом, а релятивизацией фактивного элемента со значением степени. Такой подход основан на отнесении всех механизмов, порождающих высказывания с опущенными фрагментами синтаксической структуры, к универсальной грамматике, и тезисе о том, что разные типы эллипсиса могут комбинироваться в одном высказывании. Данные тезисы более привычны для англоязычной генеративной грамматики, чем для отечественной русистики, что побуждает отнести к ним с особым вниманием. В выступлении А.Б. Летучего (Москва), напротив, была сделана попытка нащупать специфичные для русского языка диагностические критерии подлежащности для сентенциальных актантов, в частности, интерпретировать дистрибуцию подлежащеподобного слова *это* и актанта со значением дат. п. семантического субъекта (ср. русск. *мне грустно, что P*, *это мне грустно, это мне грустно, что P*). В дискуссии была высказана мысль о том, что за поверхностно-синтаксической схемой со словом *это* в предложении без ИГ с признаком [+пом] кроется несколько разных конструкций: в одних элемент *это* является коррелятивным, в других нет, соответственно, вопрос о выборе подлежащих имеет смысл рассматривать отдельно для каждой из таких конструкций.

Наибольшее число сопоставляемых грамматических систем разных языков упоминалось в докладах К.В. Баева (Москва), где обсуждались системы личного маркирования в языках нигер-конго, и Г.А. Мороза (Москва), где языки мира делились на разные типы по алгоритмам построения составных числительных. В большинстве выступлений подробно обсуждались данные 1–2 языков. После русского языка наибольшее число сообщений (четыре) было посвящено мишарскому диалекту татарского языка, что является следствием полевой работы лингвистов МГУ им. М.В. Ломоносова с данным диалектом.

Был открыт сайт конференции <http://ossetic-studies.org/msp2012/> с русским и английским интерфейсами (администратор О.И. Беляев), где можно ознакомиться с тезисами участников. Следующая конференция серии «Типология морфосинтаксических параметров» намечена на октябрь 2013 г.

А.В. Циммерлинг

Сведения об авторе:

Антон Владимирович Циммерлинг
Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова
meinmat@yahoo.com

Х Международная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки»

21–22 ноября 2012 г. в Москве состоялась X Международная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки» с участием зарубежных ученых, организованная Институтом стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова и Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета. Конференция была приурочена сразу к трем юбилейным датам: 90-летию со дня рождения профессора М.К. Румянцева (17.11.1922–28.04.2010), 50-летию с момента создания Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ и 10-му созыву самой конференции. В конференции приняли участие около 100 человек, в том числе около 40 докладчиков.

В первый день конференции состоялось пленарное заседание, посвященное Михаилу Кузьмичу Румянцеву – видному российскому лингвисту, внесшему огромный вклад в развитие отечественного языкознания, прежде всего в области восточного и общего языкознания, фонетики и интонологии.

Заседание открыл директор ИСАА МГУ М.С. Мейер, который выделил основные вехи профессиональной деятельности Михаила Кузьмича Румянцева. Он поступил в Московский институт востоковедения (ныне ИСАА МГУ) в 1946 г., пройдя войну боевым офицером, и посвятил всю свою дальнейшую жизнь китайскому и общему языкознанию, успешно сочетая в своей работе исследовательские и педагогические аспекты. С 1962 по 2010 г. Михаил Кузьмич руководил созданной в 1961 г. по его инициативе Лабораторией экспериментальной фонетики (ЛЭФ) ИСАА, где впервые в отечественной филологии были начаты исследования фонетического строя восточных языков с использованием новейших экспериментальных методов и технических средств. С 1970 по 1992 г. М.К. Румянцев стоял во главе кафедры китайской филологии ИСАА, достигшей в этот период наивысшего расцвета. Отметив научные заслуги и высокие личностные качества М.К. Румянцева, докладчик призвал новые поколения востоковедов стать достойными продолжателями замыслов и дел этого выдающегося отечественного ученого.

Подробное описание жизненного пути и научных достижений М.К. Румянцева было дано в совместном докладе И.М. Румянцевой и М.И. Каплун (Москва), подчеркнувших, что труды М.К. Румянцева стали классикой языковедения и внесли неоценимый вклад в

разработку просодической проблематики языков различной типологии. Начатое под его руководством изучение ориентальной фонетики при помощи машинного синтеза речи можно с полным основанием считать новым направлением в экспериментальной лингвистике. Докладчики особо отметили силу нравственного воздействия М.К. Румянцева на учеников и коллег по работе, его умение создавать творческую атмосферу научного поиска, максимально требовательное отношение к профессиональному долгу, бескомпромиссное служение истине и в науке, и в жизни.

Ф.М. Ацамба (Москва) охарактеризовала М.К. Румянцева как человека повседневного подвига, блестящего ученого, яркого педагога, созидателя научной школы, в характере которого отсутствие амбициозности органически сочеталось с готовностью отстаивать свои позиции, свою лабораторию, своих коллег и учеников.

В.В. Ремарчук (Москва) рассказал о своем пути в ЛЭФ ИСАА МГУ и о помощи, которую оказал ему, тогда еще студенту-дипломнику, Михаил Кузьмич Румянцев, который не только прочитал и одобрил его выпускную работу, но и помог определиться с планами работы по окончании института. Возникшие тогда научные контакты продолжались и позже, когда докладчик стал заниматься вопросами вьетнамского фонетического письма и его роли во вьетнамской культуре.

А.Н. Хохлов (Москва) вспомнил о студенческих годах М.К. Румянцева, когда они были сокурсниками, и о своей работе в созданной Михаилом Кузьмичом Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ.

О ЛЭФ ИСАА и научной школе, заложенной М.К. Румянцевым на этой основе, говорили также другие сотрудники самой этой лаборатории и аналогичных лабораторий других учреждений.

М.И. Каплун (Москва) остановился на истории создания и развития ЛЭФ ИСАА с ее ориентацией на гармоничное сочетание учебного процесса и научной деятельности, а также на ее роли в подготовке и взаимодействии востоковедов, занимающихся речевыми исследованиями, и в организации Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки, уже прочно вошедшей в международный научный календарь. Докладчик отметил, что при должном финансировании ЛЭФ может в дальнейшем стать базой для организации целевых

исследовательских групп автоматизированного распознавания речи, работающих с восточными и африканскими языками.

О.Ф. Кривнова и Т.М. Надеина (Москва) рассказали о научном сотрудничестве ЛЭФ ИСАА с созданной двумя годами позднее одноименной лабораторией при кафедре структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Отметив тесные творческие контакты обеих лабораторий не только с фонетическими и лингвистическими коллективами, но и с представителями других специальностей, докладчики выделили ряд выполненных сотрудниками ЛЭФ междисциплинарных разработок, подчеркнув их ценность для решения не только фундаментальных, но и практических задач, таких как улучшение качества синтезированной речи, автоматическое распознавание диктора, оценка его эмоционального состояния и т. п.

Р.К. Потапова (Москва) отметила тесные связи ЛЭФ ИСАА и ее руководителя М.К. Румянцева с лабораторией экспериментальной фонетики и психологии речи при МГПИИ им. М. Тореза (ныне МГЛУ), оценила эрудицию и широту научных интересов М.К. Румянцева в сочетании с филигранностью и глубиной его многочисленных фундаментальных и прикладных исследований по китайскому и общему языкознанию и подчеркнула фундаментальное значение созданной им оригинальной научной школы, которую продолжают успешно развивать его ученики и последователи.

На конференции многократно отмечались новаторство и научная значимость языковедческих идей и направлений исследований, развивавшихся М.К. Румянцевым.

В том числе ряд докладчиков указывали, что получившая всеобщее научное признание монография М.К. Румянцева «Тон и интонация в современном китайском языке» (1972) по своим идеям и результатам значительно опередила и превзошла многие исследования в области просодии конца XX – начала XXI в.

Л.Г. Зубкова (Москва) представила одну из последних и ранее не публиковавшихся работ М.К. Румянцева – рецензию, в которой он излагает свои взгляды на соотношение в языках лексики и грамматики и, в частности, предлагает трактовать противопоставление флексивности / нефлексивности как различие двух видов грамматики: морфологической и синтаксической (контекстной), связывая с последней и явления акустической нейтрализации означающих.

С.С. Хромов (Москва) выделил общеязыковедческую значимость результатов, полученных М.К. Румянцевым в его пионерском исследовании проблем дифференциации предикативных и атрибутивных связей китайского

языка с помощью интонации, а также обратил внимание на такие идеи ученого, как необходимость учитывать при исследовании интонации не только реальные физические параметры звучания, но и их преломление в языковом сознании носителей языка; сложность и многофункциональность интонационных единиц и реализующихся в их рамках признаков; важность изучения, помимо смыслоразличительных, также интегральных признаков, обеспечивающих правильность реализации языковых единиц в рамках произносительной нормы.

Дальнейшая работа конференции велась в рамках двух параллельных секций. Рассматривались как общие проблемы языковой теории, методологии и типологии, исследуемые на материале восточных и африканских языков, так и конкретные аспекты описания фонетики, грамматики и лексики отдельных языков и языковых семей в их синхронии и диахронии, а также во взаимодействии друг с другом и с социокультурными факторами.

В соответствии с основным направлением исследований М.К. Румянцева, важное место в работе секций заняли исследования в области фонетики, прежде всего интонологии и других просодических явлений.

Экспериментальные фонетические исследования составили предмет двух докладов. А.Н. Алексахин и К.И. Долотин (Москва) представили результаты экспериментально-акустического исследования тоновых контуров экспираторных и инспираторных гласных, входящих в фонетическую систему языка юэ (региональный язык юга Китая). Было, в частности, показано, что в описании экспираторных гласных целесообразно отражать не только начальный и конечный тоновые уровни, но и относительную длительность удержания того или иного уровня в пределах общего времени звучания гласной.

Г. Кундротас (Литва) проанализировал смыслоразличительные единицы и средства интонационных систем русского и литовского языков и продемонстрировал, что даже при совпадении по различительным признакам интонационные конструкции каждого языка сохраняют фонетическое своеобразие, проявляющееся в ритмической структуре, степени контрастности / плавности выделения интонационного центра и т. п.

Е.Ф. Киров (Москва) затронул в своем докладе вопросы фоносимволизма, в том числе интонационного, а также указал на недопустимость отстранения при исследовании фонетического экспонента знака от его артикуляционной материи и предложил, следуя идеям И.А. Бодуэна де Куртене, ввести для артикуляционной стороны знака термины, аналогичные

тем, которые приняты для его звуковой стороны.

И.М. Логинова (Москва) привлекла внимание слушателей к акцентологическому аспекту фонологической типологии языков. Продемонстрировав многообразие способов реализации и взаимодействия тональной системы и словесного ударения, она показала, что языки могут различаться как по тому, какое из этих двух явлений играет в них главенствующую роль, так и по конкретным лингвистическим функциям каждого явления, а также по их акустической природе и другим характеристикам.

Два доклада были посвящены графическому аналогу языковой просодии – пунктуации, исследовавшейся на материале японского языка. О.О. Парфенова (Санкт-Петербург) дала общую характеристику японских знаков препинания, отметив в качестве их основной функции указание на паузы как пограничные сигналы для синтагм и, реже, на определенную интонацию, а также обратила внимание на появление в языке Интернета дополнительных знаков, частично сходных с пунктуацией. А.С. Зверев (Москва) рассмотрел функционирование в японском языке круглых скобок, включая такие его аспекты, как наличие / отсутствие синтаксической связи скобочной группы с контекстом; допустимость ее опущения без нарушения осмысленности и/или синтаксической связности фразы; семантические изменения текста при удалении из него скобочных групп; трансформации, требуемые при этом для сохранения его грамматичности, и т. п.

Значительное внимание на секционных заседаниях было уделено проблемам грамматики и лексики языков Азии и Африки.

В докладах В.М. Алпатова и С.Ф. Членовой востоковедческий материал служил для решения вопросов общей теории языковых категорий.

В.М. Алпатор (Москва) проанализировал понятие падежа, как оно возникло и развивалось в отечественной японистике, и его связь с понятием слова. Показав, что для японского языка не всегда действуют критерии, принятые для европейских языков, он заключил, что материал восточных языков подтверждает рациональность более универсального определения падежа, допускающего помимо синтетических также аналитические падежные формы – сочетания существительных с предлогами или послогами, существительные в определенной синтаксической позиции и т. п.

С.Ф. Членова (Москва) рассмотрела вопрос об универсальности понятия прилагательного как самостоятельной частеречной категории и исследовала возможности ее вы-

деления в одном из языков Восточной Индонезии – давера-давлоор. Было показано, что в отличие от других восточно-индонезийских языков, где слова со значением качества предстают как подкласс глаголов, здесь они демонстрируют морфологическую и синтаксическую специфику, что дает основания для выделения их в отдельный класс и делает данный язык весьма интересным с точки зрения внутренней типологии языков Восточной Индонезии.

Выступление И.Н. Топоровой (Москва) было посвящено специфике морфолого-грамматических средств языка галва (северо-западный ареал банту). Докладчик отметила важную роль в его грамматической системе двух видов консонантных морфологических чередований: по месту и способу образования согласного и по признаку звонкости / глухости, показав, что они позволяют идентифицировать, в частности, значение категории числа в имени и аспектно-временно-модальные категории в глаголе. Она также перечислила согласовательные модели и именные классы языка галва, указав их отличия от тех, которые традиционны для языков банту.

В целом ряде докладов предметом рассмотрения явились глагольные категории и конструкции, изучавшиеся как в связи с описанием отдельных языков, так и в типологических аспектах.

Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург / Франция) исследовала особенности употребления видо-временных конструкций в языке лоома (семья манде), обладающем, как и многие языки Тропической Африки, дискурсивно-ориентированной грамматической системой, средства которой могут маркировать, например, противопоставление нарративного и речевого режима дискурса, тип функционального фрагмента нарратива, смену таких типов и т. д. В докладе была показана связь этих факторов с выбором, интерпретацией и частотностью употребления в текстах тех или иных видо-временных форм данного языка.

В докладе Е.Н. Колпачковой (Санкт-Петербург) рассматривался ряд проблем, связанных с представлением категории транзитивности в китайском языке. Докладчик выделила основные стратегии оформления субъекта и прямого объекта при переходных глаголах, а также некоторые грамматические, лексико-синтаксические и семантические факторы, влияющие на транзитивизацию и на выбор диатезы при таких глаголах. Были также отмечены некоторые случаи вариативности управления объектом.

В.Б. Касевич и О.А. Гарбузова (Санкт-Петербург) описали результаты исследования бирманских и китайских каузативных

конструкций по материалам эксперимента, в ходе которого носители каждого языка составляли каузативные предложения с заданными частотными знаменательными глаголами. Выяснилось, что в бирманских каузативных конструкциях заметно чаще, чем в китайских, встречается эллипсис актантов, а роль каузатора может выражаться синтаксически зависимыми глагольными конструкциями, что в китайских фразах не зафиксировано. Обнаружен также ряд семантических отличий бирманских каузативных конструкций от китайских.

В докладе А.К. Оглоблина (Санкт-Петербург), рассматривавшего семантику не-произвольной каузации в западных малайско-полинезийских языках, было установлено, что в процессе их развития значение стимула как фактора такой каузации теряет (за пределами семантики эмоций) свою функцию мотивировки переходности. Причиной могут быть разные процессы: обобщение каузативных и некаузативных значений некоторого показателя в более широкой функции переходности; вытеснение прежних показателей непроизвольных или непредвиденных событий более поздними суффиксами переходности; некоторые фонетические изменения и др.

А.Б. Шлюинский (Москва) представил результаты типологического сопоставления реципиентно-бенефактивных конструкций с глаголом «давать» для 20 языков семьи ква (одна из семей нигер-конго), показав, что в некоторых из этих языков глагол «давать» в таких конструкциях подвергается грамматикализации вплоть до перехода в предлог, что отчасти коррелирует с расширением семантики конструкции. В функциональном плане для исследуемых конструкций четко выделяется ядро с реципиентной и/или бенефактивной семантикой, имеющееся во всех 20 языках, и обширная периферия, представленная только в некоторых из них.

В докладах С.В. Чиронова (Москва) и Т.Г. Погибенко (Москва) рассматривались глагольные единицы, лежащие на границе между синтаксисом и лексикой.

С.В. Чиронов проанализировал двухкомпонентные глагольные образования японского языка, предложив их классификацию по нескольким грамматическим и семантическим параметрам и показав их соотношение с функционально сходными серийными и производными глагольными единицами корейского, турецкого, хинди, китайского, английского языков и с приставочными глаголами русского и немецкого.

Т.Г. Погибенко рассмотрела глагольные лексические комплексы кхмерского языка, подчеркнув, что вопреки сложившемуся мнению

они обладают принципиальной структурированностью. Подтверждением может служить корреляция лексического состава синонимичных комплексов с их встречаемостью в различных контекстах, продемонстрированная на примере комплексов со значением «показывать», а также динамика развития аналогичных комплексов в других австроазиатских языках.

Три доклада было посвящено различным видам лексики.

Е.Л. Рудницкая (Москва) описала с позиций лексической типологии лексико-семантическое поле корейских глаголов колебательного движения, отметив наличие в нем доминантного глагола, допустимого практически во всех контекстах, трех менее универсальных, но также достаточно широко употребляемых глаголов, и ряда глаголов, среди которых немало идеофонов, со значительно более узкими условиями употребления. В качестве основных релевантных для них различительных признаков были выделены тип, свойства и положение объекта, а также тип и причина колебаний.

Н.Г. Румак (Москва) рассмотрела семантическую специфику японских ономатопоэтических единиц, показала важность для понимания и перевода такой единицы не только общего смысла ее лексического ядра, но и дополнительных сем, определяемых ее формальной структурой, а также возникающих в конкретных случаях ассоциативных значений и продемонстрировала возможности их учета с помощью созданного ею совместно с О.П. Зотовой «Толкового японско-русского словаря ономатопоэтических слов» (2012) и включенного в него тематического индекса.

В.А. Богушевская (Италия) привлекла внимание аудитории к истории возникновения и развития цветонаименований в китайском языке. Отметив, что наиболее ранние из них задавались путем ссылки на объекты с нужной природной окраской, докладчик разграничила два основных пути развития инвентаря китайских иероглифических цветообозначений: семантическое расширение (актуальное и до сих пор) и использование фонетических или семантических дублетов.

Целый ряд проблем восточного языкознания освещался на конференции с социолингвистических и контрастивных позиций.

Доклад Т.М. Гуревич (Москва) был посвящен проблемам пресуппозиции как части речевого этикета. Выделив такие прагматические аспекты пресуппозиции, как оценка говорящим информированности адресата, его способности к пониманию, отражение социальных и гендерно-возрастных характеристик общающихся, особенностей сиюминутной ситуации общения и т. п., докладчик подчеркнула, что в

японской культуре это особенно существенно для успеха коммуникации.

Т.Б. Резникова (Москва) привела в своем выступлении сведения о характерных для японцев жестах, их интерпретациях и их вербальных обозначениях (преимущественно фразеологизмах), полученные ею методом анкетирования и интервью. Исследовав различия мужских и женских жестов и поз, а также гендерные варианты исполнения и интерпретации общих жестов, докладчик отметила тенденцию к нивелированию речевых различий между мужчинами и женщинами, в том числе и в невербальном поведении.

С.А. Быкова (Москва) рассмотрела современное состояние диалектов японского языка, показав, что в Японии не только сохраняется часть традиционных диалектов, но и появляются новые, сочетающие черты территориальных и социальных диалектов. В докладе были отмечены некоторые фонетические, грамматические и лексические изменения в традиционных японских диалектах, связанные как с влиянием стандартного японского языка, так и с междиалектальным взаимодействием.

В докладе В.А. Виноградова (Москва) анализировалась методология исследования контактов родственных и неродственных языков. На примере суахилийских заимствований в ганда были продемонстрированы осложнения, которые могут возникать при применении стандартных морфологических критериев из-за возможности морфологического переосмысления заимствованных единиц в языке-реципиенте. Для родственных языков была выделена проблема дифференциации заимствований от унаследованных сходств, которая может усугубляться явлениями гиперкоррекции.

Предметом рассмотрения в докладе Е.Г. Фроловой (Москва) явилась языковая политика Испании на Филиппинах и влияние испанского языка на развитие филиппинской культуры. Была отмечена роль испанского языка в обогащении лексики местных языков, его сохранение в именах, географических названиях и песнях филиппинцев, а также в креольском языке чавакано, лексика которого

большей частью заимствована из испанского, хотя грамматические структуры принадлежат к филиппинскому типу.

З.М. Шаляпиной (Москва) было представлено контрастивное исследование японского и русского словопорядка в связи с задачами автоматического перевода. Введя понятие коммуникативной иконичности – соответствие порядка следования в тексте языковых обозначений отдельных компонентов ситуации порядку переноса на эти компоненты внимания участников коммуникации, докладчик на примере японско-русских позиционных переводных соответствий рассмотрела взаимодействие коммуникативной иконичности с формально-грамматическими позиционными требованиями.

Доклад В.Я. Порхомовского (Москва), совместивший в себе социолингвистические и контрастивные аспекты филологического исследования, был посвящен принципам типологического анализа и классификации стратегий перевода Библии на другие языки. Выделив ряд лингвистических и pragmatisческих параметров, актуальных для такого анализа, докладчик на материале двух переводов Библии на язык хауса проиллюстрировал различия между филологической стратегией перевода, направленной на максимально точную передачу содержания оригинала, и идеологической стратегией, отдающей приоритет идеологическим или теологическим аксиомам.

После подведения итогов конференции на заключительном заседании участникам был продемонстрирован видеоролик о ее наиболее интересных событиях и предоставлены оптические диски с записью этого отчета. Труды конференции изданы в виде сборника: Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X Международной конференции (Москва, 21–22 ноября 2012 г.) / МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСАА, СПбГУ. М.: Ключ-С, 2012. 336 с.

З.М. Шаляпина

Сведения об авторе:

Зоя Михайловна Шаляпина
Институт востоковедения РАН
zmshal@yandex.ru